

201-13
2300

M 56
204

Гр. Алексѣй Н. ТОЛСТОЙ

Сочиненія

НА ВОЙНѢ

Т. VI

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ.

*Маргаритъ Павловнѣ
Кандауровой.*

Маргарита, съ глубокимъ чувствомъ приношу Вамъ эту небольшую книгу, въ ней собрана большая часть того, что я видѣлъ за двѣ поѣздки на мѣста войны.

Я видѣлъ разрушенные города и деревни, поля, изрытыя траншеями, покрытыя маленькими крестами, крестьянъ, молчаливо копающихся въ остаткахъ пожараща или идущихъ за плугомъ, посматривая—далеко ли еще отъ него разрываются снаряды, и женщинъ, которыя протягиваютъ руку на перекресткѣ дорогъ, я видѣлъ сторожевые посты на перевалахъ Карпатъ и огромныя битвы по берегамъ Сана, я слушалъ, какъ вылетаютъ изъ ночной темноты гранаты; я смотрѣлъ на наши войска въ тылу и на мѣстѣ работы.

Я бы хотѣлъ, чтобы Вы, читая, послѣдовали за мной въ вагонъ и на лошадяхъ, пѣшкомъ и въ автомобилѣ по всѣмъ полямъ войны—отъ глубокаго тыла до передовыхъ траншей, и почувствовали, что большія жертвы приносятся для великаго возмездія, и Ваше сердце задрожало бы гордостью за нашъ народъ, мужественный, простой, непоколебимый и скромный.

А. Толстой.

2011123834

ПОСТАВЩИКЪ АВТОРА И ЕГО ПРАВА
ИЗЪ СКОРОВОДИНА И ДРУГІХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
ИЗЪ СКОРОВОДИНА И ДРУГІХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ОТЕЧЕСТВО.

Говорятъ, что Вильгельмъ, получивъ извѣстіе о томъ, какъ прошла мобилизація въ Россіи, избилъ Пурталеса и приказалъ лишить его чиновъ. Но Пурталесъ не былъ виноватъ; онъ добросовѣстно и со тщаніемъ собралъ возможныя свѣдѣнія о варварской, лѣзущей по швамъ, грязной Россіи, доживающей послѣдніе дни; на окраинахъ ея и въ самомъ сердцѣ народъ возмущенъ, одурѣлъ отъ водки и наканунѣ мятежа; инородческія племена требуютъ возмездія, войска велики и сильны только на бумагѣ, и при этомъ самый характеръ русскаго человѣка указываетъ на его неспособность ни къ сопротивленію, ни къ преслѣдованію трудныхъ задачъ. Вслѣдъ за Пурталесомъ изученію Россіи предались всѣ ученые, газеты и нарочно для этого приспособленные органы; въ журналахъ печатались переводные съ русскаго рассказы, статьи о Россіи, всевозможныя интервью и прочее. Выводъ изъ всего этого былъ, конечно, тотъ же, что и у Пурталеса. Да и трудно было ожидать иного. Для многихъ русскихъ было ясно, что страна разваливается, и мы наканунѣ крупной катастрофы.

Въ день убійства эрцгерцога я сидѣлъ въ Θεодосіи на поплавокѣ, надъ синимъ и теплымъ моремъ; ко мнѣ обратился мѣстный журналистъ, человѣкъ вообще не-

способный къ меланхоліи: «А вы знаете,—сказаль онъ,— сегодня прѣхаль нашъ депутатъ изъ Петербурга, такія страсти, я вамъ доложу, рассказываетъ: будто мы наканунѣ большой войны, а воевать будто бы можемъ только такъ—отдадимъ нѣмцамъ Варшаву, австрійцамъ Кіевъ, турки займутъ Крымъ, это единственный способъ провести кое-какъ нашу мобилизацію... и дѣйствительно,— тутъ онъ наклонился къ моему уху и шопотомъ принялся рассказывать ужасы,—нашу Θεодосію вмѣстѣ съ Коктебелемъ туркамъ отдать? — прибавилъ онъ со вздохомъ послѣ молчанія,—я разумѣется не націоналистъ, но все-таки невозможно, чтобы здѣсь были турки».

Такъ думаль не одинъ только ужаснувшійся журналистъ, на поплавокѣ надъ моремъ; мы всѣ полагали во-первыхъ, что воевать съ нѣмцами нельзя, а во-вторыхъ, никто изъ насъ, я думаю, не уяснилъ достаточно своего отношенія къ Россіи; мы даже не знали—любимъ ли мы нашу страну? или такъ—проживаемъ въ ней только? называть себя націоналистомъ могъ человѣкъ, рѣшившійся потерять все, а слово патриотъ отдавало западомъ, ничего не обозначая, западники были уже не въ модѣ, и поэтому правильнѣе казалось держаться ни того ни сего, серединки на половинку, называть себя международнымъ гражданиномъ, поругивать наши порядки, похваливать ихъ на Западѣ, въ общемъ, жить безъ заботы о будущемъ: жили до сихъ поръ и сейчасъ какъ-нибудь вывеземъ телѣгу.

Но вотъ настало 17-е іюля; день, казалось, былъ такой же, какъ и всѣ въ этомъ мѣсяцѣ, но случилось событіе почти равное чуду: отъ Владивостока до западныхъ границъ, отъ Бѣлаго моря и до Чернаго во всей густой толщѣ народа произошелъ сдвигъ; была объявлена мобилизація, затѣмъ война, и весь народъ, тотъ кто былъ только что и темнымъ, и соннымъ, и пьянымъ, за кого мы всегда

опасались, кого съ такими трудностями учили уму-разуму, поднялся на безпримѣрную эту войну, рѣшительно, мужественно и серьезно.

Народъ, еще не жившій, но мудрый, темный, но мистически глубокой, грузный и грубый, но съ нѣжнымъ, безконечно яснымъ сердцемъ внезапно, въ одинъ день, какъ молнію, почувствовалъ всѣ свои силы и то, что всѣ эти силы хороши и нужны, и что возникла простая, понятная и героическая форма для нихъ—война.

Народъ пошелъ воевать не для славы, не изъ-за ненависти, а за общее дѣло, которому насталь часъ; словно вся Россія стала однимъ хозяйствомъ, приспѣло время жатвы, и всѣ, взявъ серпы, пошли жать.

Нѣмецъ, австрійскъ, турокъ—не врагъ, а непріятель давнишній, хитрый, знакомый: хозаринъ, половчанинъ, наѣздникъ Золотой орды. Имена ему многи, но онъ тотъ, подъ чьими стрѣлами собралась въ единое земля, ополчился, окрѣпъ и созналъ себя русскій народъ; онъ тотъ, подъ чьимъ ударомъ пробудилось величайшее понятіе, таинственное по страшному могуществу своему: слово — отечество.

Вслѣдъ за народомъ поднялись города. Ужаснувшійся тогда на поплавокѣ журналистъ блѣднѣлъ отъ волненія, говоря: «я не знаю откуда это, но сейчасъ у меня есть отечество, Россія, родина». Мы, знающіе много значеній слова—отечество отъ выкрикнутаго басомъ «Германія прежде всего» до стона почти, до залитаго кровью скорбнаго имени—Бельгія, мы внезапно узнали истинное его значеніе и власть, мы стали вдругъ обогащенными новой любовью. Все проходящее, наносное и растлѣвающее—неустройство наше, настроенія и неврастенія, личная жизнь и борьба партій—все вдругъ отошло, какъ море отъ береговъ, и впервые обнажилось ядро новой культуры—сердце наше, воля наша, спокойствіе наше, то, что выведетъ насъ,

а, быть может, и остальные народы из желѣзнаго тупика механической культуры на вѣрный, ясный путь мира и радости.

Переворотъ произошелъ въ одинъ день, къ вечеру мы стали крѣпкимъ, рѣшительнымъ, чистымъ народомъ. Словно надъ всей Россіей въ этотъ день пролетѣлъ *трагическій духъ*—духъ пониманія, спокойствія и роковыхъ, мірового смысла, задачъ; всѣхъ коснулся трагическій духъ, и всѣ пошли на предназначенное и неизбѣжное дѣло—сломить на поляхъ Германіи бѣсовъ желѣзной культуры, гасителей духа человѣческаго. «Они (т.-е. нѣмцы) сами не понимаютъ, какихъ демоновъ выпустили», сказалъ мнѣ въ началѣ войны знакомый, офицеръ генеральнаго штаба. Онъ проговорилъ это какъ бы торжественно. Спустя недѣлю всѣ газеты были полны описаніемъ нѣмецкихъ безчинствъ. Въ Германіи вспыхнула давно сдерживаемая ненависть къ русскимъ, какъ мнѣ кажется, вполне понятная, ее можно было предвидѣть, но нельзя предупредить.

Нѣмцы всегда чувствовали въ насъ иную культуру, еще намѣчающуюся и нестойкую, но *противоположную* ихъ желѣзному, биржевому, позитивному, математическому вѣку. Еще смутное ядро нашей культуры было имъ враждебно и непонятно, и совсѣмъ непереносимымъ казалась наша растерянность, неувѣренность, неряшливость, пренебреженіе очевидностью; русскихъ они представляли, по-моему, въ родѣ бѣлыхъ безвольныхъ червяковъ, которыхъ стоитъ только раздавить. Нѣмцы съ трудомъ переносили русскаго, который, зайдя въ табачную лавочку, спросить, который часъ, справится, когда уходитъ поѣздъ, вмѣсто потребованнаго купить совсѣмъ другое и тутъ же расскажетъ про себя что-нибудь совершенно неподходящее. Сущности всего этого они не понимали. Достоевскаго усвоилъ только Ницше; но онъ былъ сыномъ старой прекрасной Герма-

ніи, и на его глазахъ, осуждаемый имъ, возникъ желѣзный вѣкъ. Мы населяемъ пятую часть земнаго шара. Германія зависитъ отъ насъ экономически. Настала война и вспыхнула ненависть; нѣмцы выпустили на насъ легионы демоновъ разрушенія, взлетѣянныхъ ими за сорокъ лѣтъ.

Въ отвѣтъ на эту ненависть по нашей странѣ пролетѣлъ трагическій духъ. Онъ раскрылъ наше сознаніе. Мы поняли, что кончили учиться, сдали экзаменъ по ариѣметикѣ и механикѣ, но больше сейчасъ взять оттуда—изъ Крупновскихъ заводовъ—не можемъ ничего, а въ насъ самихъ есть та дальнѣйшая и далекая цѣль, куда съ новыми силами должно устремиться человѣчество.

Оно искало ее на западѣ, и, по какимъ-то невѣдомымъ путямъ едва не найденная нѣмцами, она была ими и заглушена и подмѣнена механической культурой, т.-е. оцѣпенѣніемъ и медленною смертью духа.

Французы сто лѣтъ назадъ освободили разумъ, выпустили его чистымъ и торжествующимъ на свободу, но понемногу онъ былъ использованъ какъ бы для грядущаго счастья человѣчества, для самыхъ низкихъ, для разрушительныхъ цѣлей, приведенъ къ помраченію, заключенъ въ стальные стѣны Берты Круппъ.

Быть можетъ, такъ и должно было случиться, потому что не однимъ разумомъ, но и духомъ должно жить человѣчество, какъ жило оно въ золотыя времена. Одинъ разумъ приводитъ къ заводамъ Круппа, одинъ только духъ къ безсилію и хаосу. Но когда они соединяются, взаимно уравновѣшенные, наступаетъ золотой вѣкъ.

Мы, русскіе, несемъ въ своихъ сердцахъ великія залоги духа человѣческаго; онъ былъ данъ намъ съ востока, и наша миссія ясна. Мы боремся сейчасъ не съ разумомъ, а порожденными имъ демонами, не съ Германіей, а съ Бертой Круппъ. И поэтому въ нашихъ войскахъ нѣтъ не-

нависти; есть непоколебимое суровое спокойствіе. Быть
можетъ, еще не созная, мы исполняемъ предначертанную
волю.

Народъ пошелъ на войну молча и непоколебимо. Я помню
въ Москвѣ у воротъ двое солдатъ прощались съ сѣдымъ
крѣпкимъ мужикомъ; подавъ руку, каждый поцѣловаль
его въ губы; старикъ глядѣлъ на молодыхъ солдатъ, глаза
его были полны слезъ: «ну, уходите», сказалъ онъ, након-
нецъ, «чего такъ стоять-то» и долго хмурился, глядя имъ
вслѣдъ. Въ другомъ мѣстѣ, во дворѣ, молодой коренастый
мужикъ подметааетъ мусоръ около ящиковъ съ бумагой.
«Слышь-ка», говорятъ ему въ это время изъ окошка,
«повѣстку тебѣ прислали, на войну тебѣ итти». Мужикъ
остановился, посмотрѣлъ туда, откуда былъ голось, за-
тѣмъ сказалъ: «ну чтожъ» и продолжалъ мести. Запас-
ные сами приходили на явочные пункты, и, залѣзая въ
вагоны, говорили плачущимъ бабамъ, женамъ своимъ и
дочерямъ: «будя ревѣть-то, чай сами понимаемъ, не легко».
Въ Оренбургской губерніи, гдѣ села рѣдки, а хутора от-
стоятъ на полсотни верстъ одинъ отъ другого, мобилиза-
ція прошла въ продолженіе девяти часовъ, по всей степи
носились киргизы, разнося вѣсть, запасные бросали работу,
выпрягали въ полѣ воза, и пѣшкомъ и верхомъ собирались
на ближайшій пунктъ. Я видѣлъ художниковъ, присяж-
ныхъ повѣренныхъ, чиновниковъ и просто молодыхъ лю-
дей, всѣ они опоясывались саблей весело, радостно и спо-
койно. Никто не бахвалился и никто не трусилъ; всѣ шли
туда, какъ на большое и героическое. О смерти не ду-
мали, о смерти не думаютъ и сейчасъ уже выдавшіе ее
много разъ раненые офицеры и солдаты. И сейчасъ, спустя
четыре мѣсяца войны, не только не угаснулъ великій подь-
емъ духа, но всѣ стали еще тверже, еще ожесточеннѣе.
Армія наша закалилась огнемъ, стала крѣпкой, какъ
стальная цѣпь.

ОТЪ МОСКВЫ ДО ТОМАШЕВА.

(АВГУСТЪ).

I.

Согласуясь на станціяхъ съ санитарными эшалонами, мы сильно запаздывали; впереди насъ все время шель таинственный, наглухо закрытый, поѣздъ; о немъ передавали разные невѣроятные слухи, но что въ немъ везли, — никто не могъ сказать. Во всемъ остальномъ совсѣмъ не чувствовалась близость къ полямъ войны. Тотъ же праздный народъ на остановкахъ; та же тишина по селамъ и хуторамъ, за перелѣсками и садами; низенькія мельницы на одной ногѣ; ѣдущій на волахъ крестьянинъ вдоль полотна; стада и пыль на закатѣ, и торжественный въ полнеба красный закатъ. Ширь и тишина и умиротворяющая глушь Росіи словно поглощали своей необъятностью всякое безпокойство; казалось, что схитрить, насильничать надъ такой землей невозможно; слишкомъ все крѣпко сѣло на свои мѣста, неказистыя, незамѣтныя и родныя; слишкомъ много пришлось вытерпѣть народу за тысячу лѣтъ, чтобы одна голова, хотя бы и нѣмецкая, могла выкинуть надъ нимъ легкомысленную авантюру, а говорятъ; будто Вильгельмъ заказалъ даже карты съ обозначеніемъ Великаго Княжества Кіевского, гдѣ долженъ сидѣть его сынъ.

То же спокойствіе у раненыхъ солдатъ; почти безучастно лежать они, спятъ въ раскрытыхъ вагонахъ; но до-

статочно появиться слушателю, какъ начинаются рассказы про австрійковъ, про ихнее хозяйство, про разные случаи, и никогда никто не расскажетъ про свою доблесть; должно быть, все, что дѣлаетъ русскій солдатъ, совсѣмъ не кажется ему геройскимъ. Всѣ утверждаютъ огромное преимущество нашей артиллеріи, а также неотразимость нашихъ штыковыхъ атакъ. Иные раненые одѣты въ синіе австрійскіе полушубки и башмаки. У многихъ болятъ забинтованныя руки, ноги, головы; но я не видѣлъ перекошеннаго лица, не слышалъ громкихъ стоновъ: показывать страданіе стыдно—такъ полагаетъ русскій народъ.

Вспоминаю: въ одномъ изъ госпиталей Москвы оперировали тяжело раненаго въ ногу; онъ лежалъ подѣ хлороформомъ совсѣмъ раздѣтый, окруженный сестрами милосердія; по окончаніи операціи одна изъ сестеръ, приведя его въ сознаніе, спросила участливо, что онъ чувствуетъ. Помолчавъ, раненый тихонько отвѣтилъ: «Срамно лежать очень». Ему дали вина, предложили еще, и онъ сказалъ, закрывая глаза: «Не стану я, а то скажутъ: пьяница». И ни звука о боли, о страданіи, только смягчилась душа его, захотѣлось стать какъ можно чище, какъ можно тише. Это постоянное (пускай, часто безплодное, но кто въ этомъ виноватъ) стремленіе къ очищенію, къ ясному спокойствію, къ душевной чистотѣ и есть основное въ нашемъ народѣ, и это съ необычайной отчетливостью появилось теперь въ его сознаніи, возвысило духъ народа, повело его къ побѣдамъ.

Въ Кіевъ пріѣхали послѣ сумерекъ. Было холодно и звѣздно. Ущербный мѣсяцъ высоко стоялъ надъ залитымъ огнями городомъ, надъ небоскребами, котоме повсюду торчатъ по горамъ, среди садовъ и парковъ. Улицы полны народа. На перекресткахъ пестро одѣтыя хохлушки продаютъ орѣхи и цвѣты. Разыскивая знакомаго, я выбрался въ пустую улочку; вдалекѣ стоялъ трамвай съ

прицѣпнымъ закрытымъ вагономъ и около—небольшая толпа. Изъ вагона, отогнувъ парусину, вынимали носилки съ тяжело-ранеными, проносили ихъ въ молчаніи сквозь разступившійся народъ. Гимназисты-санитары живо и точно работали. Глубоко ушедшія въ носилки тѣла раненыхъ покрыты шинелями, поднята только голова, иногда колѣно. У одного были совсѣмъ заплаканные глаза. Другой часто курилъ папирску, разутыя же ноги его были запекшіяся и черныя.

Весь слѣдующій день прошелъ въ хлопотахъ и суетѣ. Глядя на веселую, нарядную, легкомысленную толпу, я совсѣмъ забылъ, что въ трехстахъ верстахъ идетъ небывалая еще битва народовъ, гдѣ два милліона солдатъ выбиваютъ другъ друга пулями и штыками изъ лѣсовъ и овраговъ, гдѣ режутъ шесть тысячъ пушекъ, носятся и падаютъ разбитые аэропланы.

Говорятъ, что въ Кіевѣ въ первые дни была паника, затѣмъ многіе раненые, вернувшись, поразказали о событіяхъ и общество успокоилось.

Ночью пришло извѣстіе о большой побѣдѣ. Въ вестибюлѣ моей гостиницы ходили, волоча сабли, поводя рыжими усами, чешскіе офицеры: наверху, на седьмомъ этажѣ, кричали и пѣли чехи, праздная побѣду. Среди чеховъ-добровольцевъ есть женщины; нашъ швейцаръ зоветъ ихъ «запасныя бабы».

Но городъ отнесся къ извѣстію сравнительно спокойно. Только часа въ два на другой день на площадь предъ древней Софіей стеклась толпа съ хоругвями и знаменами, отслужили молебствіе, покричали «ура», спѣли гимнъ и долго бросали вверхъ картузы и смушковые шапки. Простонародіе здѣсь, какъ и повсюду, пожалуй, горячѣе отзывается на войну. Напримѣръ, торговки булками и яблоками ходятъ къ санитарнымъ поѣздамъ, отдаютъ половину своихъ булокъ и яблокъ раненымъ солдатикамъ.

При мнѣ къ знакомому офицеру на улицѣ подошла баба, жалобно посмотрѣла ему прямо въ лицо, вытерла носъ, спросила, какъ зовутъ его, офицера, и посулилась помянуть въ молитвахъ.

Въ это же утро хоронили Нестерова. На церковномъ дворѣ близъ Аскольдовой могилы, дожидаясь, собрался народъ по бокамъ асфальтовой дорожки. Распорядителей было немного, держали они себя торжественно, но въ обличіи ихъ было что-то совсѣмъ гоголевское,—что-нибудь да лѣзло впередъ, не соотвѣтствуя важности событія.

Подъ старыми орѣховыми деревьями я прошелъ въ церковь, старинную и прекрасную, залитую огнями свѣчей. Посреди стоялъ высокій цинковый гробъ въ цвѣтахъ; поверхъ его лежалъ кожаный шлемъ авіатора. Гробъ купленъ во Львовѣ; цвѣты собраны тамъ на полѣ, гдѣ упалъ герой.

Отважный и умный Нестеровъ, однажды поднявшись на воздухъ, не могъ уже спокойно жить на землѣ. Онъ полюбилъ воздухъ и зналъ, что только тамъ достигнетъ его смерть. Онъ первый рассчиталъ математически и сдѣлалъ мертвую петлю. Онъ изобрѣлъ ножъ для разсѣченія цепелиновъ, считая ихъ допотопными пузырями. Онъ придумалъ и много разъ репетировалъ атаку въ воздухѣ на аэропланъ. Онъ былъ птицей, но захотѣлъ стать соколомъ. На-дняхъ, замѣтивъ въ воздухѣ австрійскаго летчика, онъ приказываетъ помощнику сѣсть и прогнать врага. Офицеръ на мгновение заколебался. Нестеровъ командуетъ подать машину, садится, не сводя глазъ съ парящаго аэроплана, быстро, спиралями, возносится надъ нимъ, наклоняется, падаетъ и своими шасси ударяетъ вражескій аэропланъ—австріецъ-офицеръ, наблюдатель, машина, разбитые, валятся внизъ. Но одного не рассчиталъ Нестеровъ,—спѣша подняться, онъ не привязываетъ себя ремнями къ сидѣнью, отъ страшнаго удара самъ полу-

чаегъ рѣзкій толчокъ, подлетаетъ, падаетъ вновь на сидѣнье, у него ломается спинной хребетъ, смерть наступаетъ мгновенно.

Такъ передаетъ эту воздушную битву его механикъ, смотрѣвшій съ земли въ бинокль. Нестеровъ упалъ въ воду, въ болото, и совсѣмъ не былъ поврежденъ, австрійцы же, найденные близъ него, оказались растерзанными ударомъ шасси.

За гробомъ шла его жена, закинувъ голову, закрывъ глаза, закусивъ губу, молодая, маленькая; ей онъ повѣрялъ свои геніальные планы, фантастическія мечтанія. На кладбищѣ, когда толпа уже прошла, вдругъ пробѣжала, покачиваясь, красная, сѣдая, простоволосая женщина,—его мать. Ей стало дурно въ церкви, сейчасъ же она торопилась, чтобы еще разъ увидѣть сына.

Его похоронили надъ Днѣпромъ, на откосѣ, откуда такой же широкій видъ на черниговскія поля и озера, какой открывался ему съ воздушной, стремительной высоты. Воистину новыхъ, невиданныхъ героев открываютъ намъ времена.

II.

Пылкое отношеніе Москвы къ войнѣ можно оцѣнить, только уѣхавъ изъ нея. Тогда становится яснымъ, что Москва—сосредоточіе всѣхъ безкорыстныхъ, восторженныхъ, патріотическихъ, высокихъ и тревожныхъ чувствъ, волнующихъ Россію.

Москва одна сердцемъ повѣрила въ высокое предначертаніе славянской культуры, почувствовала значеніе этой войны и съ безконечнымъ состраданіемъ приняла на себя всю ея тяжесть.

По-иному отнеслись провинціальныя города (я не говорю о народѣ, онъ повсюду оказался однимъ и тѣмъ же великимъ въ своей героической простотѣ); нѣкоторые растерялись и съ недоумѣніемъ слѣдили за Москвой, пока она не повернула имъ оглобли; въ городахъ же, поближе къ театру войны, примѣшались мѣстныя, бытовыя, экономическія и національныя слагаемыя, отчего появились нѣкоторый холодъ и растерянность. Въ мѣстахъ, гдѣ прошли сражающіяся войска, населеніе ничего уже не понимаетъ, на-смерть испугано и тревожится вопросомъ: возмѣстятъ ли страховыя общества убытки? А въ какихъ-нибудь двадцати верстахъ въ это время, какъ грохотъ телѣгъ по мостовой, громахаютъ пушки, дрожитъ земля, рушится великая имперія, освобождая новыя силы.

Дѣйствительно, чтобы увидѣть ясно перспективы событій, нужно отдалиться отъ нихъ, нужно, быть можетъ, подышать воздухомъ Москвы.

Послѣ неимоверной возни на кievскомъ вокзалѣ, крика дѣтей, говора солдатъ, толкотни любопытныхъ, глазѣющихъ на австрійскихъ офицеровъ, которые съ чрезвычайно любезными улыбками пьютъ чай за общимъ столомъ, я и Н. залѣзли, наконецъ, въ вагонъ, набитый офицерами. Передъ самымъ отходомъ появились еще двѣ ужасно унылыя дамы, ѣдущія уже семь дней; ихъ куда-то засунули, и поѣздъ тронулся.

Наши спутники,—шесть только что выпущенныхъ офицеровъ,—оказались совсѣмъ юными. Они всѣ шесть усѣлись напротивъ не стараго, но матераго ротмистра, который, сдвинувъ картузь, хриплымъ и отчетливымъ голосомъ сталъ рассказывать невѣроятныя военныя исторіи. Офицеры слушали, разинувъ рты, затѣмъ весело хохотали, ротмистръ выкатывалъ глаза и клялся. Когда же онъ рассказывалъ о батарейной лошади, жившей пятьдесятъ шесть лѣтъ, мальчики окончательно развеселились, угостили его шоколадомъ и стали вспоминать про недавнія училищныя времена, про волненія передъ производствомъ въ офицеры, когда въ лагеряхъ юнкера нарочно рано по-утру кричали ура, чтобы обмануть юнкеровъ другого училища, будто они уже произведены, какъ по вечерамъ лазили на дрова и глядѣли черезъ заборъ въ увеселительный садъ, полный народу, и прочую и прсчюую милую чепуху. Втершійся было въ этотъ разговоръ какой-то тюремный чиновникъ началъ рассказывать анекдотецъ, но офицеры его сейчасъ же одернули. Очевидно было, что всякая двусмысленность здѣсь неумѣстна. При воспоминаніи о войнѣ, о раненыхъ да при нѣкоторыхъ

кровавыхъ разсказахъ ротмистра юноши становились серьезными, но не надолго: слишкомъ много было въ нихъ жизни и молодости. Они ѣхали на войну весело, радостно, съ чистымъ сердцемъ.

На утро медленно поплыли за окномъ озера, лѣса, холмы и облака Полѣсья. На маленькихъ станціяхъ было тихо, по заборамъ висѣли мальчишки да бродилъ около бородатый ополченецъ, осторожно неся въ рукѣ ружье. Впереди насъ и позади двигаются воинскіе поѣзда, опустошая буфеты.

Мальчишки-офицеры питаются исключительно сладкими пирожками. Проходя мимо оконъ сосѣдняго вагона, они увидѣли хорошенькую барышню, и самый красивый изъ нихъ, чернобровый и стройный, въ короткой лягушиной рубашкѣ, опоясанный новыми ремнями, немедленно ее полюбилъ. Стоя на площадкѣ, подбоченясь, тихонько позванивая шпорами, говорилъ онъ ей что-то, она же, придерживая на вѣтру летящіе волосы, смущаясь, торопливо и серьезно отвѣчала, какъ будто они рѣшали страшно важныя дѣла. Товарищи имъ ни разу не помѣшали. Барышня скоро слѣзла, офицеръ мрачно сѣлъ у окна.

Передъ сумерками мы были въ Ковелѣ. Намъ предстояло дальше двигаться на Холмъ или на Владиміръ-Волынской. На вокзалѣ говорили о сожженныхъ городахъ въ глубинѣ уѣзда, объ австрійцахъ и мародерахъ. N. узналъ про какого-то дьякона изъ Лашева, который, спасаясь отъ австрійцевъ, просидѣлъ всю ночь на грушѣ, затѣмъ убѣжалъ, теперь же возвращается въ свой приходъ. Мы рѣшили найти дьякона, но напрасно, онъ провалился. Мы сѣли на извозчика и поѣхали въ городъ, чтобы на утро двинуться на Владиміръ-Волынской и на Лашевъ, надѣясь по пути встрѣтить любопытнаго дьякона: мы еще не предполагали, что намъ придется увидѣть и пережить по пути.

Въ Ковелѣ необыкновенное количество аптекарскихъ магазиновъ, и по главной улицѣ, по деревянному тро-

туару, подъ керосино-калильными фонарями мимо одноэтажныхъ домишекъ гуляютъ жители, пока не захочется спать. О войнѣ тутъ едва ли слышали, потому что по пятницамъ и субботамъ здѣсь никто не работаетъ и «Петроградское Агентство» перестало высылать бюллетени. Толпа (главнымъ образомъ отлично одѣтые барышни) ходитъ отъ кинематографа до Бель-Вю; въ переулки же, выходящіе на главную улицу, страшно смотрѣть,—такая тамъ темнота и мракъ. Все это насъ очень огорчило,—вѣдь на-дняхъ въ 70-ти верстахъ шель безпримѣрный въ исторіи бой.

До Владиміра-Волынскаго насъ довели въ три часа. Съ низкихъ луговъ поднимались прозрачные туманы, солнце еще не грѣло. Пассажиры,—невыспавшіеся поляки и евреи,—помалкивали, отъ нихъ ничего нельзя было добиться. Повсюду глушь и тишина. На маленькой станціи по перрону расхаживалъ гусь; кондукторъ и проводникъ подошли и стали на него смотрѣть, подошелъ и стрѣлочникъ, сказалъ, что этотъ гусь не здѣшній, а должно быть, воръ несъ его и потерялъ, онъ и прилетѣлъ ночью на огонь, «да какъ высоко летѣлъ». «Привязать его за лапку—хозяинъ найдетъ!»—сказалъ кондукторъ. Гусь слушалъ, должно быть, что говорятъ про него, ходилъ, удивленно поднимая голову, его стали ловить, не поймали и поѣхали дальше.

Во Владиміръ-Волынскомъ желѣзная дорога окончилась. На вокзалѣ сидѣли два старые сонные прапорщика изъ рабочаго батальона, они тоже намъ ничего не сообщили, рассказали только, что будто недалеко въ лѣсахъ до сихъ поръ бродитъ затерявшійся австрійскій батальонъ, питаясь сырой картошкой. То и дѣло въ это время къ книжному кіоску подходили солдаты; подойдешь, снимешь картузъ и попросишь газету. «Страшное дѣло, какъ солдаты войной интересуются»,—сказалъ прапорщикъ.

Здѣсь мы увидѣли первые слѣды войны,—сожженный пакгаузъ и разрушенную динамитомъ водокачку. Огромныя бетонныя глыбы и желѣзный бакъ разбиты и разбросаны, какъ орѣхи, вокругъ земляной воронки взрыва. Неподалеку былъ бой: венгерская дивизія атаковала нашу артиллерію и пѣхоту. Венгерцы шли двумя колоннами, имѣя позади конную артиллерію и прикрытіе. Передъ нашими окопами они развернулись, дали два пушечныхъ залпа и пошли въ атаку. Наша артиллерія, какъ всегда въ эту войну, низкимъ шрапнельнымъ огнемъ опустошила ихъ ряды. Венгры отступили, построились и вновь пошли въ атаку, одинъ ихній офицеръ почти достигъ окоповъ, тогда наши ударили въ штыки, опрокинули непріятели и погнали.

Весь въ зелени, съ кривыми улицами, съ бѣлыми, старыми живописными домами—Владимір-Волынской. Колонки, арки, гостиные дворы, церкви, множество пестрыхъ лавченокъ,—все это маленькое, бѣлое, старое, тѣснится и лѣпится по косогорамъ у болотистой рѣчки и вокругъ большой соборной площади. И надо всѣмъ, повсюду шумятъ огромныя, раскидистыя деревья. Всѣ лавки открыты, всѣ улицы полны народомъ. Хохлы въ сѣрыхъ свиткахъ, пестро одѣтыя хохлушки, евреи въ маленькихъ картузахъ, въ черныхъ лапсердакахъ, поляки, солдаты. Черезъ городъ идутъ войска, громыхаегъ тяжелая артиллерія, тянутся санитарныя повозки. Мы нанимаемъ пару полудохлахъ лошадей, садимся въ грязный, перевязанный проволокой, съ измятымъ ведромъ на козлахъ, экипажъ и выѣзжаемъ въ поле.

День чудесный. По краямъ дороги на камняхъ отдыхаютъ солдаты, щетина штыковъ у нихъ торчитъ въ разныя стороны. Лица загорѣлыя, спокойныя; впереди, по жнивью, двигаются дозоры. Вдоль широкаго шоссе растутъ тѣ же столѣтнія груши, акаціи и вязы. Мы ѣдемъ на Грубешовъ.

III.

Перегоняемый нами полкъ былъ уже въ дѣлахъ, перекидывался теперь на другое мѣсто и шель въ боевомъ порядкѣ, сопровождаая артиллерію.

Артиллерійская стрѣльба, какъ ничто, требуетъ спокойствія и выдержки, при чемъ это послѣднее качество замѣняется у русскаго солдата несокрушимымъ хладнокровіемъ, отношеніемъ къ бою, какъ къ работѣ. Про артиллерію такъ и говорятъ, что она работала, а не она стрѣляла, или она дралась.

Теперь, послѣ мѣсяца боевъ, пѣхотинцы смотрять на нашихъ артиллеристовъ, какъ на высшихъ существъ, въ арміи началось ихъ повальное обожаніе, о нихъ говорятъ съ удивленіемъ и восторгомъ; при мнѣ одинъ увлекшійся офицеръ воскликнулъ: «Я видѣлъ самъ, какъ у нихъ цѣловали руки». Да и не только среди нашихъ войскъ,—австрійцы на горькомъ опытѣ узнали превосходство русской стрѣльбы. Одинъ плѣнный полковникъ въ вагонѣ рассказывалъ: «Правительство насъ обмануло, оно говорило, что русскія пушки стары, солдаты не умѣютъ стрѣлять, снаряды не рвутся. А я видѣлъ, какъ ваша батарея безъ пристрѣлки сразу осыпала съ высоты трехъ метровъ шрапнелью наши окопы; солдаты выскакивали изъ нихъ, какъ изъ ада, но никто не ушелъ; они завалили рвы сво-

ими трупами, въ полчаса изъ моего полка осталось только семь человѣкъ и я—раненый. Намъ лгали, насъ успокаивали, а вы втихомолку за эти десять лѣтъ создали себѣ первую въ мірѣ артиллерію».

Черезъ день намъ пришлось увидѣть мѣткость и эффектъ русскихъ бризантныхъ снарядовъ, громившихъ недѣлю назадъ австрійскую батарею. Пока же мы весело ѣхали по песчаной, широко растоптанной обозами дорогѣ, съ горки на горку, подъ вѣковыми грушами.

Версты черезъ три перегнали, наконецъ, послѣдніе авангарды и дозоры идущаго войска. Справа и слѣва отъ насъ на волнистыхъ поляхъ шли работы: тамъ маленькій мальчикъ вель борону, запряженную въ два коня, тамъ старикъ, въ бѣлой свиткѣ, шель за плугомъ, понукая воловъ, тамъ нѣсколько женщинъ ошпыивали ботву на свеклѣ. На видныхъ мѣстахъ у лѣса бѣлѣла церковь, виднѣлась за деревьями скромная крыша костела. На перекресткахъ стояли «фигуры»,—высокіе кресты со стигматами, увѣшанные полотенцами и паклей. Въ другомъ мѣстѣ на бугрѣ торчало множество телеграфныхъ столбовъ, соединенныхъ проволоками, — на нихъ выгоняютъ хмель въ этихъ мѣстахъ; дальше я видѣлъ цѣлые лѣса этого хмеля, возникающіе въ одно лѣто.

Затѣмъ стали попадаться вольные пустые обозы, ѣдущіе за фуражемъ; въ узкія и длинныя телѣги запряжены двѣ, похожія на мышей, лошаденки, обозные крестьяне одѣты въ сѣрыя свитки; должно быть, не Богъ вѣсть какой крѣпкій народъ, худощавый, малорослый и хмурый; лица у всѣхъ осторожныя и смиренныя, не слышно ни пѣсень, ни смѣха, это—русины и поляки. Зависимость ихъ отъ помѣщиковъ велика, и сейчасъ во многихъ мѣстахъ начались острыя отношенія съ магнатами.

Обозовъ становилось все больше, дорога все хуже. Въ деревнѣ съ бѣлыми, крытыми соломой, хатами, съ высо-

кими деревьями, палисадниками и непролазной грязью на улицѣ, мы нагнали военный обозъ, идущій на Томашевъ. Обозный солдатъ выбирается, должно быть, особой породы, я не представляю его иначе, какъ сидящаго на облучкѣ въ накинута шинели, бородатаго и соннаго, держащаго въ рукѣ кнутъ и французскую булку. Мы обогнали обозъ только часа черезъ три, онъ тянулся на много версты. Затѣмъ на закатѣ выѣхали въ Устье-лугъ,—небольшое мѣстечко съ пестрымъ полнымъ народа базаромъ, съ каменной на бугрѣ заколоченной лавкой, гдѣ написано: «Распивочно и навинось», съ невѣроятно грязными мальчишками и крутымъ спускомъ, на которомъ нашъ экипажъ сталъ такъ трещать и валиться, что мы сейчасъ же изъ него вытѣзли.

За этотъ спускъ и за пловучій мость черезъ Бугъ мы должны были, взобравшись на тотъ берегъ, заплатить копейку. Наши лошади остановились у шлагбаума; налѣво черезъ рѣку заканчивался крѣпкій бѣлый мость, передъ нами до самаго закатывающагося солнца лежало ровное пустынное плоскогорье; въ концѣ его за Грубешовымъ стояли лѣса, и за ними-то австрійцы выбрали поле для рокового сраженія.

Старый сѣдой еврей наклонился, пропуская насъ черезъ заставу,—съ новымъ казеннымъ мостомъ ему не будутъ больше платить копеекъ. Темнѣло медленно. Въ надвинувшейся съ запада тучѣ никакъ не могли погаснуть отблески заката; только когда, миновавъ плоскогорье, мы свернули на тряское шоссе, наступила, наконецъ, темнота. Направо отъ насъ смутно выступили за высокимъ валомъ пустые корпуса казармъ, налѣво въ огромной мокрой низинѣ въ холодномъ туманѣ загорѣлись огоньки, запахло навозомъ и сырыми досками. Мы въѣзжали въ Грубешовъ.

Въ послѣдующіе дни по всему нашему пути я замѣтилъ

необыкновенное пристрастіе населенія къ водѣ и вообще къ болотамъ: на каждомъ мокромъ мѣстѣ, въ оврагѣ и на мочегинѣ, непремѣнно ужь стоитъ бѣленькая деревня, вся въ зелени, и каждая хата обнесена кругомъ канавой, полной воды.

Мы свернули съ шоссе и ухнули внизъ къ рѣкѣ, точно въ сырой погребъ. Изъ смутно поблескивающей воды торчали обгорѣлыя сваи разрушеннаго моста. Проѣхали по какимъ-то пловучимъ сооруженіямъ и едва выбрались въ гору, гдѣ начиналась главная улица. Направо и налево—сады, нѣсколько домовъ съ колоннами, у забора—зачевавшій обозъ: фыркають лошади, у костра сидитъ все тотъ же обозный съ французской булкой.

Ямщикъ привезъ насъ въ гостиницу, или «Заѣздъ Варшавскій». Огромная площадь передъ гостиницей скудно освѣщена, посрединѣ огороженное мѣсто съ покосившимся шестомъ и надписью на доскѣ: «памятникъ», но кому—я не разглядѣлъ.

Въ «Заѣздѣ» мы проѣхали въ одни ворота, въ другія я въ третью въ глубину низкаго двора; здѣсь стояли распряженныя лошади, пахло теплымъ навозомъ, и около какой-то телѣги сонный старый еврей-хозяинъ отворилъ намъ дверь въ комнату съ однимъ окошкомъ, которое мы немедленно же и распахнули.

Хозяинъ нашъ зналъ все на свѣтѣ и могъ все достать и сдѣлать; онъ обѣщаль намъ лошадей на завтра, принесъ водки и папирсы; когда я спросилъ, видѣлъ ли онъ австрійцевъ, онъ отвѣтилъ: «Я не хотѣлъ ихъ видѣть, зачѣмъ мнѣ ихъ видѣть, мы всѣ убѣжали».—«А были здѣсь австрійцы?»—«Ну, конечно, были».—«А что же они дѣлали?»—«Сѣли, что нашли, переломали всѣ замки у меня, а когда показались казаки, убѣжали. Я вамъ скажу; приѣхаль ко мнѣ русскій офицеръ и велѣлъ наложить печенаго хлѣба въ эту комнату до потолка, такъ что я даже

удивился. А на другой день мы узнали,—придутъ австрійцы; я и сказалъ: меня непремѣнно за этотъ хлѣбъ повѣсятъ: если я его не дамъ,—повѣсятъ австрійцы, а а если они его съѣдятъ,—повѣсятъ наши. Тогда я взялъ и убѣхаль. Вотъ отчего я убѣжалъ отсюда».

Хозяинъ посоветоваль намъ пойти ужинать въ общественное собраніе. Общественныя собранія сейчасъ въ этомъ краѣ, гдѣ все сожжено и разгромлено, единственныя мѣста, куда можно приткнуться; въ Красноставѣ или Томашевѣ, напримѣръ, нельзя было достать куска хлѣба, напиться чаю, и всѣ отъ начальника уѣзда до проѣзжаго дьячка избавляются отъ голодной смерти только этими клубами.

Въ грубешовскомъ клубѣ, въ старомъ, въ глубинѣ сада, низкомъ и опрятномъ домѣ, мы нашли семь человѣкъ и восьмью какую-то бабу, которая храпѣла въ прихожей за перегородкой.

Два доктора, едва волоча ноги, играли на билліардѣ, жандармскій ротмистръ разсматриваль «Огонекъ», какой-то старикъ и прапорщикъ, по провіантской части, читали газету у круглаго стола; въ столовой подъ яркой лампой смирно сидѣли два священника, возвращающіеся въ разоренные приходы. Мы представились, прошли въ столовую, и понемногу туда стянулись остальные. Ротмистръ предложилъ-было преферансикъ, но игра не наладилась. Оба доктора сидѣли скучные и сонные, дожидаясь ѣды; остальные помалкивали. Тогда мой спутникъ N., не обращаясь ни къ кому, объяснилъ цѣль нашей поѣздки,—мы разыскиваемъ его брата, раненаго подъ Томашевымъ; это объясненіе сейчасъ же возстановило прежнее благодушіе, насъ приняли, и ротмистръ сказалъ:

— Да, знаете ли, насмотрѣлись мы здѣсь на раненыхъ, дня два только освободили отъ нихъ городъ. А сколько вы ихъ пропустили черезъ себя, докторъ?

— А не знаю, много,—отвѣтил докторъ, красивый маленькій полякъ.

— И въѣдъ одинъ, канальство, всѣхъ своими руками ихъ перевязаль,—опять сказалъ ротмистръ,—любопытныя вещи рассказываетъ!—но такъ какъ докторъ занялся ѣдой, онъ продолжалъ за него:—австрійцевъ, оказывается, попадаетъ восемьдесятъ пять процентовъ со шрапнельными ранами, чрезвычайно тяжелыми, у нашихъ же солдатъ артиллерійскихъ пораненій—процентовъ пятнадцать, не больше, и то главнымъ образомъ пѣхота.

— Я зарегистрировалъ восемнадцать кавалеристовъ, трехъ артиллеристовъ и одного казака, остальные—пѣхота,—сказалъ докторъ.

Окончивъ ѣду, онъ повеселѣлъ и принялся рассказывать о странныхъ пораненіяхъ: онъ перевязалъ солдатика, имѣвшаго одиннадцать пулеметныхъ ранъ въ грудь на вылетъ; у другого было шесть сквозныхъ ранъ отъ одной пули, попавшей сбоку ниже бедреннаго сустава; у третьяго пуля прошла чрезъ оба виска, не поразивъ мозговой оболочки; у четвертаго—пуля вошла надъ ключицей, выходное же ея отверстіе оказалось около колѣннаго сгиба, она пронизала человѣка насквозь, по всей длинѣ, и во всѣхъ этихъ случаяхъ больные поправлялись. Онъ рассказывалъ про удивительное терпѣніе русскаго солдата, молча переносящаго болѣзненные операции: больной только внимательно поглядываетъ, какъ работаютъ надъ нимъ проворныя руки доктора. А въ тѣхъ же случаяхъ, австрійцы, въ особенности нервныя венгры кричатъ и плачутъ. Психическихъ заболѣваній сравнительно немного.

— А вотъ, знаете, другой нашъ эскулапъ успѣлъ побывать въ плѣну,—воскликнулъ ротмистръ, показывая на второго доктора,—соннаго, желтаго, съ висячими усами,—ну какъ у нихъ, тамъ, понравилось?

— Да такъ, ничего, работали вмѣстѣ, очень хорошо,—отвѣтил докторъ, инструменты отличные.

Затѣмъ ротмистръ спросилъ насъ, по какому пути мы хотимъ добраться до Томашева, и въ отвѣтъ, что мы въ первый разъ въ этихъ мѣстахъ, посовѣтоваль: «сдѣлайте небольшой крюкъ, поѣзжайте черезъ Лащевъ, Черновицы, Тышовцы на Рахани, тамъ выберетесь на большую томашевскую дорогу; въ этихъ мѣстахъ былъ знаменитый бой подъ Комаровымъ; австрійцы построили большіе окопы съ деревянными брустверами, уложено было ихъ тамъ видимо-невидимо; а, на-дняхъ, представьте, нашъ уѣздный начальникъ нашель за кустами тамъ же голаго человѣка, безъ чувствъ, въ головѣ дыра, взялъ его на сѣдло и привезъ къ доктору; оказался венгерець; бѣдняга, разумѣется, все-таки померъ, вчера хоронили.

— Ну, а видѣли вы эти, какъ его,—аэропланы?—спросилъ N.

— Каждый день летали надъ Грубешовымъ,—отвѣтилъ ротмистръ;—какъ взойдетъ солнце, такъ тра-та-та начинается у насъ стрѣльба по аэропланамъ; одинъ подбил, опустился неподалеку въ лугахъ, отвезли его въ Кіевъ.

— А какъ насчетъ пули думь-думъ, неужели это—правда, что пишутъ?—спросилъ одинъ изъ батюшекъ, по-моложе съ добрыми глазами.

Докторъ подтвердилъ, что онъ самъ извлекалъ такія пули, но не въ большомъ количествѣ*). Батюшки заохали, объявили, что сами бы повѣсили такого человѣка, который употребляетъ пули думь-думъ, но, къ счастью, въ это время подали чай и горячую баранину, и батюшки успокоились.

*) Въ то время австрійцы не употребляли еще разрывныхъ, начиненныхъ гремучей смѣсью, пуль, а пользовались обыкновенными, надрѣвая или по-пиливая переднюю часть—т. н. думь-думъ.

— Да, знаете, что думь-думь,—сказаль подь конецъ ротмистръ, вытирая салфеткой губы,—а вотъ попался бы мнѣ военный корреспондентъ, какъ бы я его повѣсилъ.

Но было уже поздно, усталые за день, всѣ хотѣли спать. Мы пожали руки радушно пріотившимъ насъ хозяевамъ клуба и вышли на улицу, освѣщая путь спичками. На «Варшавскомъ Заѣздѣ» около нашей двери фыркали лошади, жевали сѣно; изъ темноты появился съ огромнымъ ключомъ сонный хозяинъ-еврей, впустилъ насъ въ комнату, постояль и сказаль: «паны могутъ не беспокоиться, чего угодно, а клоповъ у насъ нѣтъ, за каждого клопа дамъ 25 рублей, если найдете».

IV.

Намъ предстояль путь на Лашевъ. Утромъ къ раскрытымъ воротамъ подали бричку тройкой; бричка оказалась простой длинной телѣгой, лошади же, двѣ сивыхъ, одна рыжая, стояли, понуривъ головы, мокрая и тощія, но мы вполсѣдствіи оцѣнили и коней, и экипажъ. Поливаль дождь, и по грубешовскимъ разѣзжаннымъ улицамъ тянулись безъ конца обозы съ хлѣбомъ и санитарныя повозки, направляясь на западъ.

Въ дождь немощенныя дороги въ этихъ мѣстахъ становятся непролазными; черноземная, мѣстами съ примѣсью глины, вообще чрезвычайно тучная земля разбухаеть, и колеса вязнутъ въ ней по ступицу, на ногахъ же налипають пуды грязи. Иногда осенью пять верстъ нужно ѣхать два, три часа.

Упомяная объ этомъ вчера, въ клубѣ, всѣ подтвердили, что не выдайся нынѣшняя осень сухой и благопріятной, объ арміи, русская и австрійская, простояли бы другъ противъ друга до заморозковъ, не въ силахъ сдвинуть орудій и парковъ, подвезти фуражъ.

Нашъ ямщикъ, русинъ Ищукъ, смиренный, чрезвычайно хладнокровный парень, ловко сталь перегонять обозы,

объѣзжая ихъ по канавамъ и водотекамъ; насъ подбрасывало на рытвинахъ, трепало во всѣ стороны, иногда телѣга скатывалась въ оврагъ, полный грязищи, переѣзжала поперекъ канавы, но ни лошади, ни ямщикъ не придавали подобнымъ неровностямъ никакого значенія, будто это была обычная дорога, и тогда-то мы и оцѣнили прочность брички и равнодушіе къ превратностямъ нашихъ коней.

Дорога все время шла немного въ гору; вдалекѣ стоялъ лѣсъ, гдѣ терялась голова перегоняемаго нами обоза. Направо и налево лежали снятыя уже, голыя поля.

Вдругъ Н. схватилъ меня за руку, сказавъ: «Посмотри», Поперекъ дороги, далеко въ поле, протянулась линия бугорковъ и ямъ, глубиной не больше аршина: это были первые, встрѣченные нами, окопы, молчаливые свидѣтели восторга и ужаса, смерти и страданія прошедшихъ здѣсь людей.

Мы долго съ волненіемъ оглядывались на глиняные бугорки; затѣмъ увидѣли направо такіе же, но черные, точно по полю прошелъ кротъ. Потомъ въѣхали въ лѣсъ, густой, уже начавшій расцвѣтаться осеннимъ золотомъ, по листьямъ мягко шумѣлъ дождь. Извиваясь по совсѣмъ ужъ невѣроятной дорогѣ, уходя за деревья, тянулись и тянулись обозы; проскакалъ по грязи унтеръ, въ накинутаю шинели, заоралъ на солдатака, не прикрывшаго сѣномъ хлѣбъ въ своей телѣгѣ; обозный солдатикъ, въ накинутаю брезентъ, долго норовился прыгнуть на мѣсто посуше, но слѣзъ въ грязь по колѣно и сталъ прикрывать караванъ.

Подъ горкой въ низинѣ, разумѣется, стояла деревня; канавы, окружающія хаты, были полны водой, въ просторной лужѣ, стоя въ ней по колѣно, двѣ бабы полоскали бѣлье, высоко подоткнувъ пестрыя юбки; на мѣстѣ крайнихъ хатъ торчали опаленныя кирпичныя трубы и обгорѣвшій вязъ.

«Что это?» спросилъ я у ямщика. — «Австрійцы», отвѣтилъ онъ равнодушно.

Затѣмъ миновали польскую усадьбу. У каменныхъ воротъ, ведущихъ въ паркъ, стояли мальчикъ и четыре женщины, держа въ рукахъ широкіе желѣзные мечи, у забора привязаны осѣдланныя лошади, сбоку дороги — автомобиль, запряженный волами, забрызганный грязью и нѣсколько прекрасныхъ колясокъ и каретъ.

На вопросъ намъ отвѣтили, что въ усадьбѣ производится конфискація найденнаго на поляхъ оружія; а солдатъ, сидѣвшій въ автомобилѣ, сказалъ, что экипажи эти отбиты у австрійцевъ и везутся въ Россію на станцію.

Лѣсъ кончался у деревни Сагрень; здѣсь мы рѣшили перекусить и посушиться. У въѣзда, за вѣковыми клемами, стояла чудесная синенькая церковь, и вся деревня казалась живописнѣе другихъ и чище. Мы остановились у ближайшей хаты; дверь отворила миловидная хохлушка и ввела насъ внутрь. Здѣсь было чисто, тепло, сухо и очень громко трещали сверчки. Хохлушка стояла у окна, глядя на насъ; изъ-за ея юбки смотрѣла исподлобья черноброяя дѣвочка, обѣ молчали. Мы попросили поставить самоваръ: «А у меня ничего же нѣтъ, — отвѣтила хохлушка, — австрійцы все побрали». Дѣйствительно, въ хатѣ стояла только пустая кровать, столъ, да у печи висѣла люлька. Австрійцы до тла ограбили эту деревню, угнали скотъ, забрали хлѣбъ и припасы, перебили посуду, захватили съ собой совсѣмъ ужъ ненужныя вещи: подушки, платье и побросали все это по пути.

Хохлушка направила насъ къ монополихѣ, на сосѣдній дворъ, гдѣ намъ дали кипятку и молока. Упылая толстая монополиха и два ея сына, изъ духовнаго училища, рассказали, что вся деревня ушла въ лѣса, осталась только у попа старая служанка; австрійцы схватили старую, наве-

ли на нее пистолетъ, приказали указать, гдѣ находятся запасы хлѣба; старушонка только молчала, закрывая руками лицо отъ наведеннаго револьвера. Австрійцы, чтобы наказать бѣжавшихъ жителей, предали деревеньку потоку и разграбленію. Два солдата поймали въ лѣсу мужика и спрашивали его, далеко ли до Петербурга; онъ имъ отвѣтилъ, что «три мили».

Сейчасъ же за лѣсомъ начинались окопы, и лежало множество тряпокъ, оторванныхъ погонювъ, жестянокъ изъ-подъ консервовъ, бумажекъ, желтыхъ патронныхъ пачекъ. Въ этомъ мѣстѣ окопались авангарды нашего наступленія на Лашево. Въ окопахъ мы нашли русскіе патроны, вокругъ же валялись записки на венгерскомъ языкѣ: здѣсь шла борьба съ переменнымъ счастьемъ. Вдалекѣ бродили сонныя фигуры съ мѣшками и въ лапсердакахъ. Передъ нами лежало огромное ровное плоскогорье, имѣя посрединѣ высоты Лашева, а на сѣверо-западѣ—Чертовскія болота. На сѣверѣ синѣли далекіе лѣса, на югѣ и западѣ—гряды холмовъ; оттуда двигалась австрійская армія.

Чѣмъ ближе къ Лашеву, тѣмъ больше и чаще стали попадаться окопы, мѣста стоянокъ и бивуаковъ.

Наконецъ, взобравшись на глиняную возвышенность, ямщикъ кивнулъ головою на деревья, что были на той сторонѣ болотистой низменности, и сказалъ: «Лашево». Прямо около насъ въ обѣ стороны отъ дороги шли глубокія траншеи, сверху посыпанныя соломой. По всему склону къ болоту уходящими линіями виднѣлись бугорки окоповъ: это наши войска отъ траншей продвигались впередъ, все время окапываясь. Окопы становились все мельче, все поспѣшнѣе, въ болотѣ же они черными точками разсыпались повсюду, здѣсь бѣжали цѣпи, прилегая и окапываясь двумя ударами лопатки. Затѣмъ на лѣво черныя точки пропали, съ правой же стороны онѣ

густо загибались серпомъ, наши охватывали лѣвый флангъ и затѣмъ кинулись въ штыки на глубокія песчанья австрійскія прикрытія.

Поднявшись между отдѣльныхъ хатъ и деревьевъ на гору, мы сразу увидѣли налѣво огромное пожарище. Точно античныя руины торчали высокія, обгорѣлыя трубы на черной, какъ асфальтъ, землѣ; ни дерева, ни клочка травы, только кучи краснаго щебня да голыя печи на двухъ ногахъ съ дырой, какъ ротъ, посрединѣ, желѣзные листы, обгорѣвшая утварь. Съ правой стороны селеніе было не тронуто.

Н. остался въ телѣгѣ, я же прошелъ на площадь, гдѣ въ старыхъ каменныхъ домахъ и подъ навѣсами было то же, что и повсюду,—необыкновенное количество маленькихъ, грязныхъ лавчонокъ; въ одной изъ нихъ продавался старый сапогъ, коробки спичекъ и нѣсколько гнилыхъ яблокъ, въ другой—подобная же дрянь, но вездѣ сидѣло и около расхаживало чрезвычайно много озабоченныхъ евреевъ.

Вдругъ изъ одной лавчонки выбѣжала растрепанная, въ разорванной кофтѣ, дѣвушка, подняла руки, отчаянно закричала, завопила не своимъ голосомъ, ударила себя въ грудь и скрылась за воротами. Сейчасъ же изо всѣхъ оконъ выглянули старыя и молодыя еврейки, дергая себя за волосы, начали кричать, выбѣгать изъ дверей на улицу. Но мужчины оставались какъ бы равнодушными; я спросилъ у одного что это значитъ: «Одна старушка помираетъ, старая очень»,—отвѣтилъ онъ.

Но вотъ и среди мужчинъ началось оживленіе, прибѣжалъ одинъ, передалъ другому, подскочили трое, спросили, затараторили, поднимая сверху всѣ десять пальцевъ, стали запирать лавчонки, и всѣ, подобравъ фалды, быстро задвигались по направленію пожарища. Со всѣхъ сторонъ сбѣгались евреи туда, въ одно мѣсто. Пошелъ

и я, и увидѣлъ за разрушенной стѣной, около нашей телѣги, огромную толпу, изъ которой торчала фуражка моего спутника N. Онъ съ недоумѣніемъ оглядывался, спрашивалъ, и что-то записывалъ въ книжку. Евреи подавали ему прошенія, указывая на убытки: одинъ говорилъ, что у него погибло на столько-то тысячъ, другой—еще больше. Насъ, очевидно, приняли за чиновниковъ. N. растолковалъ, что надо имъ все́мъ подать прошеніе губернатору, и мы насилу выбрались изъ толпы.

Надъ мѣстечкомъ, на горѣ, стоитъ среди вѣкового парка древній замокъ польскаго графа Ш. Здѣсь находился сначала австрійскій, а потомъ штабъ нашей арміи, здѣсь было сердце битвы, и весь замокъ, все́ службы и паркъ были заполнены нашими ранеными.

Мѣстный стражникъ взялся показать намъ братскія могилы на графской усадьбѣ. Онъ присѣлъ въ телѣгу, и мы проѣхали черезъ паркъ, мимо высокаго, бѣлаго замка, съ круглыми башнями, черезъ просторный дворъ, гдѣ стояли австрійскія желтыя повозки Краснаго Креста, въ низкія ворота древней, полуразрушенной стѣны.

Въ это время изъ подъѣзда замка вышелъ рослый, худой человѣкъ, съ висячими усами, въ коричневомъ костюмѣ и лакированныхъ сапогахъ. «Самъ графъ»,—сказалъ стражникъ; мы сошли съ телѣги и представились. Графъ посмотрѣлъ на насъ растерянно, и сейчасъ же (очевидно, онъ принималъ насъ за чиновниковъ Краснаго Креста) быстро и заикаясь сталъ рассказывать, что теперь у него изъ тысячи пятисотъ раненыхъ осталось только трое, остальные увезены. Сѣрые глаза его подъ приподнятыми бровями, наполовину опущенные и сонные, ни разу ни на чемъ не остановились; очевидно онъ усталъ безконечно.

Онъ повелъ насъ и показалъ огромную каменную конюшню, гдѣ недѣлю назадъ лежали раненые въ шесть рядовъ, плечо къ плечу. Въ толстой стѣнѣ свѣтлѣло боль-

шое отверстіе, которое пробилъ бризантный снарядъ, но онъ упалъ въ закомъ, съ мукой и не взорвался, засыпалъ только раненыхъ бѣлой пылью. У конюшни стояли двѣ фуры: одна—полная австрійскихъ телячьихъ рыжихъ ранцевъ другая—ружей, съ отломанными прикладами.

Ружья эти во время боевъ собирались у насъ тысячами, ихъ увозили, ломали, топили въ болотахъ,—такое ихъ было количество. Въ австрійскихъ ранцахъ уложены все́ необходимыя въ походѣ вещи: ножницы, зубная щетка, порошокъ, зеркало, иголки и проч. Мой знакомый офицеръ, проходя черезъ окопы послѣ боя, увидѣлъ солдатъ, разсматривающихъ подобный ранецъ, и сказалъ: «А что, у австрійцевъ ловко все это налажено, полное хозяйство». «Ваше благородіе,—отвѣтилъ одинъ,—черезъ ефто самое мы ихъ бьемъ: ты въ него стрѣляешь, а онъ зубы чистить».

Затѣмъ графъ провелъ насъ на второй этажъ въ низкую, темную сейчасъ отъ сумерекъ большую палату, гдѣ остались еще трое тяжело раненыхъ. Лежали они смирно и молча, среди множества пустыхъ кроватей, точно забытые; они не попросили насъ ни о чемъ, ничего не пожелали, точно послѣ бушевавшей надъ этими мѣстами военной грозы и желать-то ужъ больше было нечего, только лежать въ тишинѣ, слушать какъ летаютъ мухи.

Затѣмъ насъ повели опять во дворъ и показали огромный кленъ въ четыре обхвата, пробитый насквозь шрапнельнымъ снарядомъ, который, не разорвавшись, торчалъ, стальной и блестящій, съ другой стороны дерева. У кирочной стѣны вся земля была усѣяна пулями, и пулями были истыканы какъ рѣшето стѣны замка.

Графъ попросилъ насъ выкушать чаю. Внизу въ двухъ комнатахъ, съ саженой толщины стѣнами, съ темными книжными шкафами, со старинными портретами, рогами надъ дверью, онъ съ женой и семью дѣтьми просидѣлъ все́

дни бомбардировки; весь замокъ былъ наполненъ ранеными, съ двухъ часовъ пополудни начинали летать гранаты, рваться надъ замкомъ шрапнель, и весь день стучали, какъ дождь, пули о толстыя стѣны. Дѣти и жена его молились, графъ отважно выполнялъ свои обязанности, зная со словъ артиллеристовъ, что достаточно одного бризантнаго снаряда, чтобы старый замокъ рухнулъ въ прахъ.

Простились мы и выѣхали въ сумерки. Дорога круто спускалась внизъ къ прудамъ, на плотину съ разрушенной, сожженной мельницей. По сторонамъ плотины въ водѣ и въ камышахъ валялись окровавленные носилки, разбитые зарядные ящики, жестянки изъ-подъ пуль, ранцы, обрывки платья. И медленно все это покрывалъ туманъ. Было сыро и темно.

Намъ предстояло еще проѣхать версть восемнадцать, но тучи заслонили закатный свѣтъ, и только неширокая полоса его, красная, тусклая, длинная, едва освѣщала намъ путь. Иногда дорога уходила въ глубокую рытвину, и тогда на полосѣ заката обозначались небольшіе бугорки да крестъ кое-гдѣ. На этихъ поляхъ на много версть, вездѣ, какъ снопы, лежали трупы разбитой арміи, ихъ было столько, что недѣлю спустя все еще находили ихъ поодиночкѣ и кучами и зарывали тамъ же; на этихъ темныхъ, сейчасъ невидимыхъ поляхъ восемь дней билась и погибла цѣлая армія.

Боясь сбиться, мы стали на перекресткѣ, осматриваясь. Въ тишинѣ долетѣлъ звукъ колесъ, ящикъ соскочилъ съ телѣги и побѣжалъ на шумъ, крича: «Послушай, гдѣ тутъ на Чертовцы дорога». Колеса застучали быстрѣе, и, пригнувшись, я увидѣлъ на полосѣ заката скачущихъ лошадей и стоящаго въ телѣгѣ мужика, который, въ ужасѣ, размахивалъ вожжами. Затѣмъ все затихло.

Мы двинулись наугадъ, и вдругъ справа и слѣва дороги стали видѣть въ темнотѣ повозки, опрокинутые кверху ящики, передки; затѣмъ засмердѣло нестерпимо, лошади шарахнулись, объѣхали конскій трупъ, и впереди, въ огромныхъ тусклыхъ лужахъ болотъ, повсюду, зачернѣли разбитые артиллерійскіе паркы. Мы въѣзжали въ Чертовцы.

Чертовцы

V.

По всей болотистой низинѣ подь Чертовимицами, въ глубокихъ канавахъ вдоль дороги, въ лужахъ и рѣчкѣ, повсюду валяются разбитые артиллерійскіе парки, зарядные ящики, повозки, передки. Одинъ грузный ящикъ влетѣлъ въ канаву и глубоко ушелъ сломаннымъ дышломъ въ сырую землю; у другого подвернулось колесо, онъ такъ и остался посреди дороги; третій кувырнулся въ воду и торчитъ изъ нея колесами; иные обгорѣли, иные совсѣмъ новенькіе, точно приготовлены для запряжки; на мѣстахъ посуше стоятъ низенькіе сосновые кресты.

Здѣсь была паника. Австрійская бригада отступала, и въ этихъ болотахъ ее накрылъ артиллерійскій огонь. Въ темнотѣ, при вспышкахъ разрывающихся шрапнелей, на узкой изрытой дорогѣ, между канавъ, перемѣшались орудія, парки, люди; огромная австрійскія лошади носились по болотамъ, опрокидывая передки, топча солдатъ.

Начиная отъ этихъ мѣстъ до Томашова, по всѣмъ до-рогамъ, на плотинахъ и въ лѣсахъ, валяются брошенные эти парки. Въ дальнѣйшемъ, рассматривая наши и австрійскіе окопы, мы отмѣтили, что австрійская пѣхота отступала окапываясь, т.-е. медленно, защищая каждый шагъ.

Огромныя же потери въ орудіяхъ и паркахъ я объясняю тѣмъ, что артиллерія ихъ работала до послѣдней возможности, прикрывая отступление; они съ большимъ умѣньемъ отлично скрываютъ свои батареи, располагая ихъ въ разныхъ мѣстахъ, и работаютъ оттуда перекрестнымъ огнемъ; подь Рохани, на примѣръ, они окопали пушки на трехъ далеко одна отъ другой отстоящихъ возвышенностяхъ.

Австрійская армія первоклассна, командный корпусъ отлично, мужественно, съ огромнымъ знаніемъ дѣла выполняетъ свои обязанности, вплоть до переодѣванія въ крестьянское платье офицеровъ, которые заходятъ намъ въ тылъ и телефонируютъ, указывая расположеніе войскъ. Техническая часть, вооруженіе—превосходны. Солдаты мужественно идутъ на смерть, ихъ выкашиваютъ цѣлыми полками. Къ тому же, говорятъ, австрійцы превосходили насъ численностью въ Люблинскихъ бояхъ.

Все это лишній разъ должно подчеркнуть только необычайное боевое качество нашего солдата, несравненнаго въ своемъ упорствѣ и спокойствіи, и лишній разъ указать, что сраженія рѣшаются величіемъ духа и высотой цѣли, ради которой всталъ народъ. Мы имѣли передъ собой могучаго противника, но духъ его былъ мертвъ, замѣненъ техникой и желѣзной дисциплиной, и онъ палъ, потому что крѣпче всякой стали живой человѣкъ, могущественнѣе всей выдуманной имъ же техники. Гибель, та же участь должна ожидать и пруссаковъ на польскихъ поляхъ.*)

Валясь на стороны, зацѣпляя осями за ящики, понукая измученныхъ лошадей, въ темнотѣ, мы добрались, наконецъ, до Чертовихъ,—деревеньки, чудомъ оставшейся цѣлой и не сожженной.

*) Австрійцы дерутся упорнѣе германцевъ, сопротивлявшихся подь Варшавой всего десять дней; тогда какъ въ люблинскихъ бояхъ, подь Равой Русской и на Санѣ австрійцы держались по три, даже четыре недѣли.

Ставъ у крайней большой избы, мы услышали тихіе голоса въ палисадникѣ и позвали. Къ намъ подошелъ какой-то человекъ. На вопросъ, гдѣ бы переночевать, онъ подумалъ, затѣмъ отвѣтилъ: «А здѣсь негдѣ ночевать, австрийцы все разгромили; если хотите, оставайтесь у меня въ школѣ, только тамъ очень неудобно».

Черезъ разломанную дверь онъ ввелъ насъ въ училище, освѣтилъ его спичками; обѣ комнаты были пусты, стекла выбиты, въ разбитомъ шкафу валялись обрывки книгъ.

— Вотъ видите, даже стѣнные часы утащили,—сказалъ учитель,—футляръ оставили, а было полное хозяйство,—ничего теперь нѣтъ.

Подумавъ, учитель повелъ насъ къ батюшкѣ, тоже въ разгромленный домъ; самого батюшки не было, онъ вернулся было вчера, посмотрѣлъ на свое разореніе, махнулъ рукою и уѣхалъ въ Грубешовъ къ семьѣ.

У батюшки хотя и пусто было, но чисто и стекла цѣлы; прислуга вымыла полъ, прибрала все, что осталось, и попросила насъ вытереть ноги, чтобы не намарать. Мы вынули ѣду и свѣчи, зажгли ихъ, и устроились за самоваромъ, прося учителя откушать съ нами чаю. Онъ было отказался, говоря, что его ждетъ больной, другъ-псаломщикъ, но затѣмъ, увидѣвъ на столѣ газеты, вздохнулъ и остался. Онъ казался совсѣмъ одичавшимъ; мы долго не могли заставить его разговориться; его воображеніе занималъ больной псаломщикъ, но понемногу онъ обошелся, и тогда выяснилось, что учитель своими глазами видѣлъ бой.

Разсказъ его былъ сбивчивъ и смутенъ; должно быть, оглушающіе удары пушекъ и та сила, двигающая сѣрыя колонны солдатъ, разрушительная и желѣзная, передъ которой отдѣльныя личности—ничто, нуль, помутила ему сознание, перепутала всѣ понятія.

— Вы, значитъ, не убѣжали изъ Чертовницъ?—спросилъ я его.

— Да, нѣтъ, какъ-то не убѣжалъ, хотѣлъ все-таки посмотреть,—отвѣтилъ учитель, смущенно глядя на свѣчку.— Вся деревня въ Грубешовъ ушла, осталось тутъ небольшое количество людей; иные попрятались, а мы, человекъ пять, стоимъ, смотримъ, какъ одурѣлые. Прискакали въ деревню ихніе гусары, въ мѣховыхъ кафтанахъ, хотя день былъ жаркій, пошарили, покричали на насъ и закатились къ Лащеву. А потомъ съ чертовицкихъ горъ повалила пѣхота густыми колоннами, очень ихъ много народу шло, всѣ сѣрые, и все такіе тяжелые, какъ каменные: идутъ, даже не оглядываются. Одинъ солдатъ закричалъ на меня, толкнулъ прикладомъ; ну, думаю, бѣжать какъ можно скорѣе; а ужъ насъ въ Грубешовъ не пускаютъ: прячьтесь, говорятъ, здѣсь, гдѣ хотите. А у меня, знаете ли, ноги ослабли. Добрался я до школы; на крыльцѣ солдатъ едва штыкомъ не запаролъ. Я и побрелъ въ поле съ двумя товарищами; думаю: куда-нибудь завалюсь, а ужъ повсюду солдаты, и съ горъ все идутъ и идутъ. Ящики проскакали, пушки, верховые. Вдругъ сзади насъ какъ громыхнетъ,—такъ мы всѣ и легли. Ихнія пушки въ трехстахъ шагахъ начали стрѣлять, и такъ громко, точно въ уши кто клинья заколачиваетъ, и ротъ никакъ не закрыть; выстрѣлить,—и сейчасъ же быстрый свистъ надъ головой. Полежали мы, поползли до канавы, завалились. Вдругъ слышу—по другому, грубѣе, ужаснѣе прямо, начало свистѣть надъ нами: зашипеть, зареветь,—и грохотъ тутъ же. Выглянулъ я: передъ самымъ ихнимъ орудіемъ поднялся столбъ земли, какъ домъ: это наши начали отвѣчать имъ изъ-подъ Лащева. Смотрю, между ихъ пушками еще столбъ земли, и полетѣли какія-то доски, тряпки; я уже потомъ сообразилъ, какія тряпки летѣли. Тогда они снялись и придвинулись къ нашей канавѣ. А мы не смотримъ ужъ ни на что, полземъ на брюхѣ, безъ памяти. И, ужъ самъ не помню, какъ добрался до стога, отдышался и—въ лѣсъ, тамъ и заноче-

валь. Довольно съ меня и этого, на весь вѣкъ хватить; три дня изъ лѣсу не вылѣзаль, а потомъ сталъ уходить, знаете ли, подальше, гдѣ бы мнѣ пушекъ не слышать, а ихъ версть на двадцать-пять слышно. А псаломщикъ мой такъ въ лѣсу и остался, напился сырой воды и захвораль желудкомъ; хотя онъ самъ говорить, что отъ воды это у него, а, по моему, чрезъ австрійцевъ: они его едва не повѣсили. Вернулся я третьяго дня, зашелъ въ школу,—учитель махнулъ рукой,—ну, ужъ я какъ-нибудь перебыюсь, а вотъ мужики,—не знаю, чѣмъ живы будутъ; подбираютъ по лѣсамъ теперь оружіе, одежду, но теперь все это приказано относить въ гминное управленіе, а штаны и куртки у австрійцевъ крѣпкіе, теплые, особенно гусарскіе кафтаны. Скоро зима,—пойдите, обвиняйте мародеровъ.

Затѣмъ учитель разсказаль, какъ оставшійся въ деревнѣ мальчикъ полюбопытствовалъ и взялъ въ руки ружье, но сейчасъ же австрійцы зарубили его на смерть. Какъ послѣ отступленія непріятели вытащили изъ колодца коровью голову, какъ у источникъ и въ хатахъ находили откупоренныя жестянки съ необычайно зловоннымъ порошкомъ. Затѣмъ учитель попросилъ у насъ газетъ, взялъ ихъ въ руки какъ драгоценность и вышелъ, по пути натолкнувшись на косякъ.

Мы легли на кроватяхъ на подостланномъ сѣнѣ. Въ окна свѣтили большія звѣзды. Было совсѣмъ тихо, не лаяли даже собаки. Говорять, что всѣ птицы разлетѣлись изъ этихъ мѣстъ; собаки убѣжали за арміей.

VI.

Намъ предстояло посѣтить мѣста томашовскаго боя. Мы поднялись рано, умылись студеной водой. Утро было ясное и свѣжее. Батюшкина служанка доложила, что лошади готовы; выходя, я далъ ей три рубля, она же привычнымъ движеніемъ крѣпко, обѣими руками, схватила мою руку и прижала къ губамъ. Вечеромъ этого дня въ Томашовѣ нашъ ямщикъ Ищукъ, получивъ на чай пять рублей, точно такъ же, поспѣшно и низко склоняся, поцѣловаль руку.

Этотъ жестъ не казался условнымъ, или случайнымъ, или труднымъ, а словно милостивая панская рука была другой породы, сдѣлана изъ сахара,—такъ боголѣпно, съ очевидной необходимостью, къ ней прикладывались мужицкія губы. Должно быть лобзаніе входитъ какъ очень важный предметъ въ школу воспитанія крестьянства.

Мы выѣхали на волнистое плоскогорье, подулъ сильный холодный вѣтеръ, повсюду, на десятки версть, поля изрыты мелкими, въ два-три удара лопаты, окопами; бугорки однихъ обращены на западъ, другихъ, австрійскихъ,—на востокъ. Черезъ каждыя сто-полтораста шаговъ австрійцы отступая окапывались. И по всѣмъ полямъ поблескивали бѣлыя жестянки изъ-подъ консервовъ. Здѣсь

ѣли, походя, измученные, подъ огнемъ. Нѣтъ, пусть говорятъ, не видѣвшіе этого, о бѣгущихъ въ паникѣ австрійскихъ корпусахъ, о нашихъ легкихъ побѣдахъ,—мы имѣли передъ собой грознаго врага, съ неимовѣрнымъ упорствомъ защищавшагося, пятаые каждый шагъ и только одни русскія войска, бородатые, смиренные наши мужики, могли совершить въ двадцать дней дѣло, равное чуду, ударить по такой арміи какъ «Божій бичъ».

За этотъ день мы видѣли много простого народа,—бабъ и мужиковъ, оборванныхъ и отошавшихъ; возвратясь изъ лѣсовъ, они бродили по пепелищамъ, по дорогамъ, еще молча, еще съ недоумѣніемъ поглядывая на длинные обозы съ хлѣбомъ, отъ котораго шель сильный печеный духъ.

Мы поднялись на голый бугоръ; на немъ торчалъ телеграфный столбъ съ оборванными, вѣющими по вѣтру, проволоками; вдаль темнѣли томашовскіе лѣса, внизу—разрушенная деревня Вужичинъ, за ней—Рохани. Передъ нашими лошадьми появилась высокая, сѣдая старуха; вѣтеръ срывалъ грязные платки у нея на головѣ, на плечахъ и поверхъ юбки. Подойдя къ телѣгѣ, она подняла руку и, открывая беззубый ротъ, морща темное, уродливое лицо свое, начала кричать:

— Ты, панъ, ничего не видѣлъ, ничего не видѣлъ. Какъ онъ началъ палить, Мать-Пресвятая, мы всѣ въ лѣсъ утекали. Вотъ какъ палилъ. Внука у меня зарѣзали, скоть зарѣзали, хату сожгли, я одна хожу, дай денегъ, панъ, милостивый!

Взявъ деньги, она посмотрѣла на насъ, повернулась и быстро пошла по дорогѣ, то дергая платокъ, срываемый вѣтромъ, то поднимая руку, словно грозя...

Въ концѣ спуска на косогорѣ торчали остовы печей, обуглившіяся деревья, трубы, кучи щепня, —все, что осталось отъ деревни Вужичинъ; кое-гдѣ къ полуразрушенной печи привалено дерево, все это прикрыто соломой—устроено

логово. На поворотѣ у высокой колонны, съ гипсовой Божіей Матерью въ синей мантии, въ потемнѣвшемъ вѣнчикѣ, стояло нѣсколько дѣтей и женщинъ; протягивая къ намъ руки, они закричали вслѣдъ: «Панъ, панъ милости-вый!».

Дальше на мельницѣ, гдѣ столпились обозы съ хлѣбомъ, къ намъ подбѣжала молодая женщина, схватила руки наши, поцѣловала, приникла головой къ телѣгѣ и заплакала.

За мельницей въ низинѣ валялись повозки, разбитые ящики, лафеты. Затѣмъ мы миновали такую же сожженную деревню Рохани, въѣхали было въ томашовскій лѣсъ. Посреди дороги молодой мужикъ и мальчикъ рыли яму, около валялась убитая лошадь, красная, съ торчащей кверху ногой.

Окликнутый мужикъ подошелъ, рассказалъ, что лошадь эта хоть и подбитая, а хорошая была, офицеръ же упалъ съ ней вмѣстѣ, вынулъ револьверъ и застрѣлил лошадь, отбѣжалъ шаговъ пять и самъ упалъ на этой дорогѣ.

Затѣмъ мужикъ сказалъ, что падаль эту закопаетъ, а что дальше ему дѣлать,—не приложитъ ума, все у него погорѣло, ничего нѣтъ, не за что и взяться, хоть руки и цѣлы. Сказавъ, онъ началъ тереть себѣ глаза и захныкалъ, какъ ребенокъ, опять-таки, должно быть, оттого, что съ нимъ бесѣдовали паны.

Мы попросили его довести насъ до австрійскихъ батарей; онъ влѣзъ въ телѣгу и повернулъ прямо въ гору, въ лѣсъ; мы поѣхали по краю оврага, все выше, миновали поле, гдѣ была растоптана широкая артиллерійская дорога, заглянули въ узкій оврагъ и отвернулись тотчасъ же: тамъ въ кустахъ, внизу, были навалены разбитыя повозки, парки, оттуда шель смрадный, скверный запахъ; затѣмъ оставили лошадей на опушкѣ, у покинутаго большого навѣса, подъ которымъ были свалены черные шрапнельные ящики и стрѣляныя гильзы и пѣшкомъ пошли къ батареямъ.

По всему полю въ бурьянѣ стояли наскоро связанные, низенькіе кресты, мѣстами земля была усѣяна австрійскими лужеными сковородками, бутылками отъ пива; на высшей точкѣ горы выкопаны пять глубокихъ узкихъ ямъ; отсюда австрійскіе офицеры семь дней наблюдали за боемъ; ниже позади расположились полукружемъ шесть батарей, и все просторное мѣсто это было изрыто круглыми воронкообразными ямами отъ нашихъ бризантныхъ снарядовъ, которые на седьмой день нащупали и тогда уже смели, стерли съ земли и батарею, и прикрытія, и парки.

Отсюда, съ высотъ, было видно все огромное поле сраженія: налѣво за долиной костель, паркъ и сожженные огромные лѣса хмеля на столбахъ; прямо—развалины двухъ деревень, горѣвшихъ день и ночь; направо, по низменности—точки и линіи нашихъ окоповъ, неуклонно заходившихъ за правый австрійскій флангъ.

До Томашова дорога все время идетъ лѣсомъ, очень широкая, сажень въ пятьдесятъ, она пригодна, очевидно, для какихъ-нибудь назначеній, но только не для ѣзды. Изъ грязи и ухабовъ торчатъ бревна, колеса; повсюду—повозки и трупы лошадей. Мѣстами струя вѣтра доносила изъ глубины лѣса сладковатый смрадъ,—тамъ, въ чащѣ, не найденные еще, не убранные, разлагаются трупы. Обозы тянутся сбоку дороги, между деревьями. Насъ перегнали огромный поѣздъ Краснаго Креста, весь состоящій изъ австрійскихъ санитарныхъ линеекъ, запряженныхъ австрійскими рослыми конями, въ высокихъ остроконечныхъ хомутахъ. Все гуще грудилась въ непролазной грязи обозы, чаще перегоняли насъ, крича не своими голосами, хлеща по лошадямъ, санитары, верховые, казаки; все больше валялось падали на дорогѣ. Наконецъ, лѣсъ кончился, и внизу, въ огромной низинѣ, нашимъ глазамъ открылся Томашовъ. За нимъ синѣли лѣса Галиціи, тамъ громыхали сейчасъ пушки, гибла миллионная армія.

Сейчасъ же передъ лѣсомъ, на склонѣ, стояли развороченныя австрійскія батареи, и все поле, всѣ дороги были покрыты шрапнельными гильзами, неразорвавшимися гаубичными гранатами, которыя въ такомъ видѣ настолько опасны, что достаточно иногда приподнять снарядъ, чтобы онъ взорвался, но тысячи телѣтъ катятся мимо нихъ галопомъ подъ гору.

По длинной дамбѣ мы въѣхали въ городъ, насъ перегнало нѣсколько штабныхъ автомобилей. Повсюду на высокихъ мѣстахъ бѣлѣли палатки, стояли обозы, задржав оглобли; на рысяхъ разъѣзжали вѣстовые, ихъ можно было издалека отличить отъ кавалериста, потому что сидятъ они на лошади, какъ глубоко пѣхотные люди,—мѣшкомъ; на отбитыхъ въ австрійскихъ обозахъ желтыхъ шарабанчикахъ прокатывали офицеры. У насъ подъ хомутомъ у пристяжки звенѣлъ колокольчикъ. Н. козырялъ направо и налѣво, распахнувъ плащъ, такъ чтобы виденъ былъ орденъ: «Эхъ, колокольчикъ бы намъ подвязать, неудобно все-таки»,—сказалъ Н.

Наполовину сожженный, грязный, облупленный Томашовъ былъ полонъ войскъ; а недавно здѣсь двадцать дней простояли австрійцы; поэтому неумудрено, что жители-евреи ходили въ своихъ лапсердакахъ, какъ мухи по кирпичнымъ тротуарчикамъ, мимо лавчонокъ, вокругъ очень большой площади, до середины которой никто никогда не добирался, такъ было тамъ топко. Евреи ходили ничего не дѣлая; за ними ходилъ городской и приказывалъ отпирать лавки. Евреи вздыхали, отпирали лавки, потомъ опять запирали, потому что продавать было нечего, кромѣ какихъ-то земледѣльческихъ приспособленій.

Ни поѣсть, ни отдохнуть, ни напитокъ чаю здѣсь было негдѣ, хотя нѣсколько обозныхъ солдатъ раздобыли все-таки гдѣ-то французскія булки, но по несходной цѣнѣ, за что и ругались, стоя на углу.

Неподалеку у колодца весело качали воду, наливали ее в бочку три красивых, ловко одѣтыхъ, австрійца. Наши солдатики глядѣли на нихъ такъ, будто это были не обыкновенные австрійцы, а чудные люди.

— Скушно ему взаперти, онъ просится первымъ дѣломъ воду качать,—сказаль мнѣ солдатикъ,—сапоги у него составные, башмаки одно, а голенищи само по себѣ; тоже вѣдь не по своей волѣ пошелъ воевать и по-нашему ничего не понимаетъ.

Въ это время мимо площади, внизъ по длинной улицѣ, прокатила галопомъ двуколка, полная мѣшковъ; на верху же на тычкѣ, вытянувъ, разставивъ въ красныхъ лампасахъ ноги, чортомъ сидѣлъ молодой казакъ, сдвинувъ шапку на одно ухо, выпустивъ сбоку вихоръ, подбоченился, поглядываль на всѣ стороны, гналь что есть духу коня.

Въ это время подошелъ N,—сказаль, что намъ не стоить задерживаться въ Томашовѣ, покосился на штабнаго, и мы пошли въ полуобгорѣвшій заѣздъ, гдѣ расчитали Ищука и наняли коляску, привезшую изъ Замостья какую-то даму въ траурѣ.

Въ сумеркахъ мы опять проѣзжали дамбу. Теперь на ней сгрудилось чегыре ряда обозовъ и стояла такая ругань, что новый ямщикъ нашъ,—толстый, красный, въ самодѣльной ливреѣ,—засмѣялся отъ удовольствія, привсталъ на козлахъ и по-польски, славянски, еврейски и русски принялся ругаться самъ. Навстрѣчу въ это время, разрѣзая обозы, пошла полевая артиллерія. Шесть огромныхъ злыхъ лошадей влекли на канатныхъ постромкахъ каждую пушку, громающую, обвѣшанную утварью и портянками. Первый ѣздовой, крѣпкій, широкоплечій, щетинистый солдатъ наѣхаль-было прямо на ворономъ и пѣгомъ жеребцахъ на нашу коляску. Тогда кучеръ принялся его не то что ругать, а просто срамить, и ѣздовой, про-

ворчавъ: «Ну, ну, у меня поругайся», все-таки свернулъ и далъ намъ дорогу.

Въ темнотѣ по превосходному плиточному шоссе мы быстро катили мимо лѣсовъ, озеръ и болотъ на Замостье. Иногда за поворотомъ загоралось въ полѣ, близъ дороги, множество костровъ, освѣщая то лошадиную морду, то передокъ телѣги, то присѣвшего обознаго.

Иногда безъ сигнала, ярко освѣщенный, проносился автомобиль. Въ деревнѣ, на мосточкѣ, насъ остановили солдаты, подняли фонарь, посмотрѣли въ лицо и пропустили. Мы ночевали въ Замостьѣ, въ чистенькомъ, запертомъ, охраняемомъ патрулями, городкѣ.

Весь слѣдующій день, дождливый и сѣрый, ѣхали по низинамъ, по безнадежнымъ мѣстамъ, не глядя уже ни на окопы, ни на погорѣвшія постройки. Мы были очень утомлены.

А по ровному, залитому жидкой грязью, шоссе двигались полки, артиллерія, парки. Солдатики шли вразбродъ, прикрывшись брезентовыми палатками, иные влѣзали на телѣги, складывая тутъ же струментъ свой,—ружья, торчащія изъ телѣгъ штыками во всѣ стороны. Не видно было офицеровъ, не слышно команды. Всѣ шли какъ на работу. И, глядя на эту простую, веселую, мужицкую армію, подумаль я, что, должно быть, въ веселой простотѣ ея—непобѣдимая сила.

Наконецъ, въ сумерки въ первый разъ послѣ скитанія мы увидѣли вновь полотно желѣзной дороги. Просидѣть хотя бы всю ночь на теплой и чистой станціи, пожалуй, не такъ ужъ плохо.

Усталыя клячи ввезли, наконецъ, въ мѣстечко; нѣсколько сожженныхъ домовъ, нѣсколько лавчонокъ, скудно освѣщенныхъ керосиновой лампой, бородатый еврей, пе-

реходящій улицу, поднявъ полы по липкой грязи—вотъ и все. Неподалеку отсюда было генеральное сраженіе. Австрійцы съ отчаяннымъ усиліемъ хотѣли прорваться на сѣверо-востокъ сквозь линію нашихъ войскъ. Говорять—наши подкрѣпленія врѣзались на поѣздахъ въ густыя колонны австрійцевъ. Отъ грохота пушекъ дрожала земля на много версть кругомъ.

За мѣстечкомъ вдоль шоссе тянулось еще нѣсколько домовъ, на послѣднемъ была вывѣска гробовщика, я поглядѣлъ въ освѣщенную лавочку—гробовщикъ сидѣлъ за прилавкомъ и продавалъ французскія булки двумъ промокшимъ солдатамъ, въ накинутыхъ брезентахъ.

На маленькой станціи, дѣйствительно, оказалось тепло, но ѣсть, кромѣ чая, было нечего. За столомъ, освѣщеннымъ единственной свѣчкой, сидѣли офицеръ, сонный и не бритый, и черный, некрасивый господинъ, который послѣ оказался польскимъ помѣщикомъ. Я обратилъ вниманіе на его глаза—они то вспыхивали, тогда по лицу проходила дрожь, то вновь потухали, должно быть онъ былъ очень возбужденъ или пережилъ ужасъ.

Разговорился онъ не скоро, но сразу. Онъ ѣхалъ въ Кіевъ за тяжело раненымъ своимъ братомъ:

— Я и самъ сильно боленъ,—сказалъ онъ,—всѣ нервы мои потрясены, едва себя сдерживаю. Имѣніе мое подъ Травниками, мы все *это* слышали, все видѣли собственными глазами; когда началось первое сраженіе, я не считъ возможнымъ сидѣть безъ дѣла и записался санитаромъ въ полевой госпиталь польскаго Краснаго Креста. Приѣхалъ на мѣсто утромъ, на разсвѣтѣ; госпиталь разбили верстахъ въ трехъ отъ лѣса. Едва вышло солнце, изъ-за лѣса долетѣлъ тяжелый грохотъ выстрѣла, за нимъ сейчасъ же раскатилось еще нѣсколько, все чаще, сильнѣе, громче и черезъ нѣсколько минутъ дрогнула земля, загрохоталъ весь воздухъ, точно отъ неимовѣрнаго шума

телѣгъ по мостовой; у меня похолодѣли ноги, показалось, что этого не можно вынести челоуѣку, а я самъ такой малюсенькій сталъ, несчастный, знаете ли, какъ цыпленокъ. Скоро изъ лѣса стали выходить фигуры—первые раненые, легко—въ руку или въ ногу. Мы пошли навстрѣчу, довели, перевязали, уложили. Потомъ появились санитарныя повозки, все больше, все чаще, начали подвозить уже на телѣгахъ раненыхъ нашихъ и австрійцевъ. Я, знаете ли, челоуѣкъ нервный, сначала перевязывалъ, потомъ только таскалъ, а потомъ сѣлъ на землю и разревѣлся, до сихъ поръ стыдно вспоминать. Но удивительное мужество у русскаго солдата. Иной раненый говорить, что, молю, я подожду, а вотъ моего товарища перевяжите, онъ потяжелѣе... И ни слова, ни звука ни издастъ, хотя больно ему страшно. Раненый въ руку притаскиваетъ на плечахъ тѣхъ, кто не можетъ итти, а перевязанный иной даже посмѣивается. Австрійцы, тѣ кричатъ и плачутъ. Грохотало за лѣсомъ до самой ночи, въ сумеркахъ точно ракеты загорѣлись вдалькѣ въ воздухѣ—бѣлые, розовые, багровые огни разрывовъ. Затѣмъ мы стали различать отдѣльные выстрѣлы, и, наконецъ, канонада затихла. Стало такъ тихо, точно все умерло. Я вышелъ въ поле, въ темнотѣ двигались послѣдніе раненые. Дойти до лѣса, посмотрѣть *на то* не хватило мужества.

— Да, знаете ли, артиллерія у насъ первый сортъ,—сказалъ на это офицеръ.—Австрійцы никакъ не могутъ выдерживать нашего шрапнельнаго огня. Дадуть по нимъ два-три залпа, они и лѣзутъ изъ окоповъ, какъ тараканы, а снаряды разрываются всего сажени на полторы надъ землей, развѣ это возможно вытерпѣть? Вотъ недавно, вывозятъ они тяжелую батарею, прямо на пригорокъ, наглѣйшимъ образомъ, думали, что ихъ не достануть. Командиръ мнѣ и говорить: сколько по вашему версть—

семь съ половиной? Уставились мы въ бинокли, затѣмъ—команда крайнему орудію, смотримъ—перелетъ, измѣнили уголь, да безъ всякихъ недолетовъ—бахъ, бахъ, бахъ изъ шести орудій. Тутъ я и увидѣлъ, какъ работаетъ наша тяжелая артиллерія—надъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ пушки стояли, поднялось шесть столбовъ земли, полетѣли кверху всякія вещи и то мѣсто прямо закурилось. Отвѣтили они намъ только изъ двухъ орудій, а послѣ второго залпа замолчали. Говорилъ мнѣ одинъ ихній плѣнный полковникъ—насъ, говорить, обманули, увѣрили, что эта война будетъ въ родѣ военной прогулки въ Кіевъ, а вотъ изъ моего полка осталось только семь чело-вѣкъ, и самъ я въ плѣну, и бороться намъ съ вами невоз-можно. Сказалъ и заплакалъ: дайте,—говорить,—мнѣ ре-вольверъ, я застрѣлюсь. Ну, револьверъ-то я ему, ко-нечно, не далъ.

ОТЪ МОСКВЫ ДО ЯРОСЛАВА

VII.

Мѣсяць назадъ подѣ Львовомъ и Люблиномъ наши пушки, казалось, рѣшили судьбу Австрійской имперіи, но послѣ напряженнаго затишья, съ новой яростью отъ Эйдкунена до Карпатъ бросились два милліона австро-пруссаковъ въ наши и завоеванные нами предѣлы; варшавскія поля, такъ долго хранившія таинственность, стали мѣстомъ величайшей битвы, и вновь, какъ и мѣсяць назадъ, наши войска выдержали натискъ, сломили, отбросили и погнали врага, отбивая обозы, парки, орудія.

Германія, еще разъ захотѣла искутить счастье; сей-часть она должна перейти къ оборонѣ: лучшіе ея полки легли уже на западѣ и востокѣ, резервъ пополняется слишкомъ молодыми или старыми солдатами, неопытными и неразумными, при этомъ съ французской границы, гдѣ неуклонно увеличиваются англо-индійскія войска, она обязана перебрасывать силы на нашъ фронтъ.

У насъ же каждый день, каждый часъ, вливаются въ армію выносливые, крѣпкіе, привыкшіе къ зимнимъ невгодамъ сибирскіе полки, блестяще показавшіе себя въ послѣднихъ бояхъ. Я видѣлъ, какъ подошелъ къ станціи одинъ изъ нашихъ сибирскихъ эшелоновъ; на

платформах стояли, задрать стволы, тяжелыя орудія; около них—часовой въ тулупѣ, рябой и неподвижный. Поѣздъ сталъ; изъ вагона выпрыгнулъ высокій и широкоплечій офицеръ, съ большими усами, въ картузѣ на-бекрень и солдатской шинели,—батареинный командиръ. Засунувъ руки въ карманы, онъ ступилъ на рельсы и принялся на немъ покачиваться и подпрыгивать; лихо въ это время къ нему подскочилъ фельдшеръ, взявъ подъ козырекъ, съѣвъ глазами начальство,—отрапортовалъ; офицеръ, такъ же покачиваясь, проговорилъ приказаніе черезъ плечо; сейчасъ же ходившій сзади горнистъ поднялъ мѣдную трубу и заигралъ жалобно и протяжно. Распахнулись двери вагоновъ, высунулись здоровенные ребята,—молодые, широколицыя, загорѣлыя, въ сѣрыхъ папахъ, попрыгали на земь, построились и вслѣдъ за командой ушли за фуражомъ. Офицеру надоѣло покачиваться и подпрыгивать, онъ подмигнувъ проходившимъ мимо двумъ мальчишкамъ и спросилъ, почему они не идутъ воевать. Мальчики струсили, потомъ объяснили, что они учатся въ городскомъ училищѣ, и еще что-то про мамыньку. Офицеръ долго разспрашивалъ о какихъ-то пустякахъ, затѣмъ пожалъ имъ руки и отпустилъ. При встрѣчѣ съ нимъ солдаты въ сѣрыхъ папахъ держались бодро, точно, весело. Весь этотъ дивизионъ казался единымъ, спаяннымъ, живымъ, веселымъ...

Санитарный поѣздъ нашъ ташится несносно; перегоняютъ насъ воинскіе поѣзда, везутъ обозы, снаряды, патроны, орудія. Навстрѣчу пролетаютъ наглухо закрытыя эшелоны, у иныхъ на платформахъ стоятъ подбитыя германскія пушки. Отъ Москвы до Бѣлостока дорога живетъ войной; нѣсколько до крайности невыспавшихся пассажировъ на станціяхъ уныло и безнадежно клянчатъ взять ихъ куда-нибудь, хоть на крышу.

Иногда во второй половинѣ нашего вагона, гдѣ по-

мѣщается женскій персоналъ, раздается крикъ и стукотня въ окошки,—это, мелькая бѣлыми дверями, проносится мимо въ Москву эшелонъ такой же, какъ нашъ—Всероссійскаго Земскаго Союза, увозя раненыхъ изъ-подъ варшавскихъ боевъ, ему стучать и кричать вдогонку.

Раненые въ земскихъ поѣздахъ размѣщены въ теплушкахъ, въ подвѣсныхъ койкахъ; служатъ имъ санитары-менониты изъ Екатеринославской губерніи *). Они всѣ зажиточные, религіозные, разсудительные мужики, говорятъ на голландскомъ нарѣчій, такъ преданы дѣлу, съ такой заботой ухаживаютъ за ранеными, что солдаты, оставляя поѣздъ, прощаются съ ними, какъ съ братьями, цѣлуются и плача.

Въ нашемъ поѣздѣ менонитовъ 30 человекъ; одинъ врачъ, комендантъ поѣзда, З., умный, живой, знающій секретъ, какъ спаивать даже трудно соединимыхъ въ одномъ дѣлѣ людей, двѣ женщины-врача, четыре сестры, два брата милосердія: одинъ менонитъ, молчаливый, точный, съ широко разставленными, выпуклыми глазами, другой—москвичъ П., разъ и навсегда пришедшій въ восторгъ; должно быть, отъ этого все его смѣшное лицо, съ растопыренными ушами, постоянно въ движеніи, то собирается въ умилную трубочку, то лѣзетъ на сторону; онъ также помощникъ завѣдующаго хозяйствомъ, онъ заводитъ молніеносныя знакомства, все знаетъ и все можетъ достать, приходя въ восторгъ даже отъ чернилъ, которыми пишетъ расходныя книги. Затѣмъ три фельдшерицы; завѣдующій хозяйствомъ М., чело-вѣкъ, съ которымъ перестаютъ спорить даже коменданты станціи, кромѣ этого, два повара, горничная и одна за-

*) Менониты, выходцы изъ западныхъ странъ, отказываются по религіознымъ догматамъ носить оружіе; они отбываютъ воинскую повинность какъ санитары.

мѣчательная личность—Сусовъ, санитаръ, вѣстовой, денщикъ, живое мѣсто, пульсъ, утѣха всего эшелона.

Поѣздъ нашъ ползеть на западъ; холодный вѣтеръ бѣть въ окна, бѣлый дымъ паровоза застреваетъ въ мокрыхъ, уже голыхъ лѣсахъ, стелется по кочкамъ, цѣпляется за кусты; мгла затянула солнце и дали; медленно проплываетъ деревня, голыя живнѣя, коровы на буграхъ; синій дымъ костра вѣтся подь косогоромъ у сосновой опушки. Въ вагонѣ опустили, наконецъ, шторы, зажгли свѣчи на узкомъ, покрытомъ бѣлой скатертью, длинномъ столѣ между койками. Такой же столъ на женской половинѣ. Между двумя этими половинами отношенія предупредительно-осторожныя,—боятся засилія съ обѣихъ сторонъ.

Горничная и Сусовъ приносятъ въ эмалированныхъ тазахъ ужинъ. Сусовъ глядитъ себѣ подь ногу, на правую сторону, и готовъ каждую минуту исполнить приказанія какія-угодно. Одѣтъ онъ въ жилетку, подь брюхомъ — кожаный поясъ; лицо скуластое, съ закрученными усами.

«Сусовъ,—говоритъ докторъ,—покажи карточку». Сусовъ шевелитъ бровями, глядитъ въ землю, вбокъ, затѣмъ лѣзетъ на полку и подаетъ фотографію,—на ней снятъ онъ самъ, сидя на аэропланѣ; на головѣ у него автомобильная фуражка съ очками, одна рука поднята какъ бы для привѣтствія; такую карточку онъ послалъ женѣ въ Рязанскую губернію, написавъ: «Смотри жена моя, Матрена, послѣдній разъ летаю надъ тобой. Герой доброволецъ Сусовъ, съ Богомъ! Ура!»

Горничная, служившая до этого въ хорошемъ домѣ, презираетъ Сусова и не называетъ его никакъ, — ни Сусовъ, ни Петръ. Онъ же про нее выразился, что тарелки, вилки мыть это—ея дѣло, а въ деревнѣ она на работѣ въ одинъ день свернется,—легка: «Ее только въ клѣтку посадить да сѣмечки ей давать, сидитъ пѣсни поетъ,

вотъ я ее какъ понимаю». Сусовъ поглядѣлъ на свои растопыренные пальцы,—черные какъ крючки, и сказала неожиданно серьезно: «Жена у меня, хорошая женщина: вотъ въ покось мы съ ней въ одинъ день шестьдесятъ восемь копень перекидали, у меня руки опустились, она квасу попила, хлѣба кусочекъ эдакій скушала—и ничего. И смирная, батюшку моего, магушку уважаетъ. Трое у насъ дѣтевъ растеть».

Послѣ ужина Сусову сказали, что бы пѣлъ. Мы стали на площадкѣ вагона. Сусовъ сѣлъ передъ нами на табуретку, пригорюнился, вздохнулъ и вдругъ дикимъ, хриплымъ голосомъ запѣлъ пѣсню про какого-то необыкновенно изысканнаго, томнаго молодца, который надѣлъ на ясныя свои кудри пуховую шапочку и пошелъ по жердочкѣ, жердочка сломилась, шапочка свалилась, молодець принялся звать къ дѣвицѣ, увѣряя ее, что тонеть, и между прочимъ попросилъ замужъ.

Сусовъ побывалъ и на Байкалѣ, и на Югѣ, и въ Персіи, брался за всякое дѣло, но всегда возвращался на свой нищенскій удѣлъ. Четверо дядевъ его—старшіе унтеръ-офицеры, одинъ убить недавно. Изъ ихъ села пошло на эту войну тысяча человекъ. Весь день онъ на ногахъ; все, что бы ни поручили, исполнить живо и точно и затѣмъ придетъ и отпарюетъ въ такихъ выраженіяхъ, что весь вагонъ повалится со смѣху.

Въ женское отдѣленіе, гдѣ послѣ ужина за столомъ три старыхъ фельдшерницы играли въ дурачки, пришли менониты съ гитарой и мандолиной, сѣли рядкомъ, стали пѣть свои пѣсни. Пришли и мы туда; П. снялъ кожаную куртку, засучилъ рукава, потребовалъ полечку и принялся отплясывать. Затѣмъ, разумѣется, наладили хоръ.

Всѣ эти веселые, беззаботные люди десять дней назадъ вывезли изъ-подъ шрапнели и пуль пятьсотъ ра-

неньх солдатъ, и сейчасъ ждали одного,—какъ бы вновь допустили ихъ подальше къ самымъ боямъ.

Вечеромъ на станціи я вышелъ на перронъ. Дуль рѣзкій, ледяной вѣтеръ, бѣлый, душный паръ изъ паровоза несло на вокзалъ, закутывало на минуту густыми облаками стѣны, фонари, съезженные отъ холода фигуры. Изъ такого облака выскочила на меня наша сестра, въ накинутой на плечи кофтенкѣ, въ бѣломъ платочкѣ, высокихъ сапогахъ. Изъ рукъ ея рвало вѣтромъ газету.

«Слышали,—воскликнула она,—всѣ студенты должны итти въ офицеры, мои братья тоже пойдутъ, и дома никому будетъ остаться. Вотъ несчастье—значить мнѣ не придется больше ѣздить... Подумайте,—сидѣть сейчасъ дома, въ Москвѣ».

VIII.

Послѣ трехдневнаго стоянія въ Бѣлостокѣ нашъ поѣздъ изъ тридцати трехъ вагоновъ свернулся въ восемь и отправляется, наконецъ, во Львовъ. Пока же д-ръ Залмановъ и М. разгружаютъ пакгаузы и теплушки, пытаются достать паровозъ, чтобы расцѣпиться, ходятъ къ начальнику станціи, начальнику восьмого пути, начальнику десятаго пути, къ начальнику передвиженія санитарныхъ поѣздовъ, къ начальнику будки номеръ второй, лазаютъ поперекъ путей черезъ двадцать поѣздовъ, шаркаются отъ паровоза, идущаго слѣва, и выскакиваютъ изъ-подъ паровоза, катящагося задомъ справа, и пр., и пр.

Среди всѣхъ этихъ поѣздовъ, паровозовъ и путей, въ тупикѣ, въ вагонѣ третьяго класса, живутъ уполномоченные Н. Н. Ковалевскій и Т. И. Полнеръ. Ковалевскаго я увидѣлъ только сегодня; вернувшись поздно ночью на автомобилѣ изъ-подъ Августова, съ передовыхъ позицій, онъ только что проснулся и сидѣлъ на узкой лавкѣ, завернувшись въ одѣяло и простыню; здѣсь же были свалены чемоданы, портфели съ дѣлами, счета, десятки телеграммъ; рядомъ Т. И. Полнеръ, тщательно пытаясь выпить стаканъ чаю, писалъ приказъ въ поѣздъ

нумерь такой-то, чтобы четырнадцать вшивых подушек замѣнить свѣжими, и въ то же время выслушивалъ страшно взволнованную женщину-врача, у которой отъ неимѣнія какихъ-то капель опустились руки; въ дверь въ это же время входили и выходили завѣдующіе хозяйствомъ, завѣдующіе складами, сестры и санитары; здѣсь же двѣ сосредоточенныхъ дѣвицы кипятили огромные никелированные стерилизаторы; вахтеръ бѣгалъ со стаканами чаю; на столѣ вонялъ голландскій сыръ, не убранный съ вечера; прибывали новые поѣзда; прибывшіе требовали отправленія; прилетали телеграммы съ сѣвера, юга, востока; и среди этой толкотни и скрежета вагоновъ Н. Н. Ковалевскій, высокій, полный, нахмуренный и курчавый, спокойно обдумывалъ насущное, завернувшись въ одѣяло; спокойно отвѣчалъ на торопливые вопросы (неторопливыхъ не было), и такъ же не спѣша Т. И. Полнеръ писалъ и писалъ, и слушалъ терпѣливо, и качалъ головой, и успокаивалъ и отшучивался отъ слишкомъ ужъ отчаянныхъ насकोковъ, усталый до того, что, протягивая нѣсколько разъ лѣвую руку за стаканомъ чая, такъ и не могъ его взять, каждый разъ перебиваемый на пути. О двухъ этихъ людей рухнулъ ураганъ нетерпѣливости, успокаивался затѣмъ и получалъ нужное направленіе.

Чтобы утолить нетерпѣливость, сестры, фельдшерницы и женщины-доктора нашего поѣзда по три раза на-день ѣздить на, обвѣшанной пестрыми объявленіями, конкѣ въ Бѣлостокъ, снимаются въ фотографіи на аэропланъ и покупаютъ карамели.

На главной улицѣ въ Бѣлостокѣ—необыкновенное количество магазиновъ, они не довольствуются, очевидно, витринами и высылаютъ еще на тротуаръ молодыхъ людей, которые внезапно подходятъ къ вамъ и на ухо сообщаютъ быстро и таинственно: «Послушайте, я вижу, вы хотите электрическій фонарь».—

«Нѣтъ, мнѣ не нужно электрическаго фонаря»,—отвѣчаете вы.—«Тогда купите шведскую куртку».

Магазины открыты до одиннадцати часовъ, и до этого же времени улицы Бѣлостока полны праздною толпой; ходятъ густыми колонами мимо двухъ кинема—потоки дѣвицъ, молодыхъ людей, чиновниковъ и военныхъ; здѣсь ко всему относятся съ любопытствомъ и все знаютъ; въ шапочномъ магазинѣ меня спросили, что стоитъ кожаная куртка на мнѣ; я сказала шестьдесятъ рублей; бородатый шапочникъ поднялъ брови и глаза и воскликнулъ: «Ай!». Черезъ часъ на улицѣ молодой человѣкъ просунулъ черезъ толпу руку, пощупалъ мой рукавъ и сказала: «Ай!». Затѣмъ, куда бы я ни пришелъ,—знали мою фамилію и спрашивали о курткѣ, цѣна которой быстро и неизменно возрастала,

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ любопытство выливается въ оригинальныя формы—въ кинематографъ, напримѣръ, гдѣ ставятъ «Подвигъ донского казака Косьмы Крючкова». Во время антракта передъ этой картиной въ боковой проходъ на дешевыя мѣста кинулась съ конскимъ топотомъ большая толпа,—солдаты, женщины, гимназисты, бородатые евреи, съ дѣтьми на рукахъ, молодые люди, шупавшіе мою куртку; баллюстрада, крѣпко подпертая, все же затрещала и сломалась отъ такого напора, и три молодыхъ дѣвицы, теряя шляпы, распуская волосы, вращая черными глазами, запищали и закружились вдоль загородки, увлекаемая толпой.

Картины на экранѣ переживаютъ, хлопаютъ имъ, кричать, обмираютъ въ страшныхъ мѣстахъ. Бѣлостокъ живетъ во-сю. Но я ни гдѣ, ни разу не слышалъ разговора о войнѣ. Хотя въ сорока верстахъ отсюда идетъ сейчасъ бой и западнымъ вѣтромъ доносятся до города глухіе удары орудій. А вчера издѣ станціей въ синемъ небѣ, на бѣлыхъ, залитыхъ солнцемъ, курчавыхъ обла-

какъ появился военный дирижабль, весь серебряный, сияющій какъ рыба. Посмотрѣли на него начальникъ станціи, два жандарма да раненый, шатающійся передъ вагономъ солдатикъ и отвернулись.

Интересуется и живетъ войной Сусовъ. Чуть свѣтъ бѣжить черезъ пути на вокзалъ, встрѣчаетъ землячковъ, спрашиваетъ, много ли побили нѣмца; ѣдущимъ туда наказываетъ: «Смотри, землякъ, хорошенько постарайся!», а вернувшись въ вагонъ, становится у двери, вздыхаетъ и говорить: «Да ужъ доведется повоевать; нѣмецъ, какой смѣлый,—бьютъ, а онъ лѣзетъ; какой неприятный».

Вчера, вечеромъ, на станціи поднялась суета, выбѣжали на перронъ всѣ чины, выстроились, и стремительно съ грохотомъ, свистя, подлетѣлъ, залитый огнями весь хрустальный поѣздъ. Послѣ этого Сусовъ пришелъ въ вагонъ и говорить: «Ваши превосходительства (такъ, будучи взволнованъ и обрадованъ, зоветъ онъ доктора, и меня), а я командующаго видѣлъ, въ окошкѣ, ей-Богу, прямо обмеръ». «Какой же командующій изъ себя?»—спрашиваемъ. «Усы огромныя». Да я, впрочемъ, превосходительство, ничего кромѣ не разглядѣлъ; очень страшно стало. Ну и герой».

IX.

Въ ночь мы тронулись, наконецъ, изъ Бѣлостока. Всѣ сразу успокоились, рано легли спать.

Поутру минуемъ пинскія болота, завѣшенные сейчасъ теплымъ, сырýmъ туманомъ. Проползаютъ мимо оконъ рѣдкія, высокія сосны, и вновь—ровныя пространства пожелтѣвшей травы и воды, цѣлыя озера, въ которыхъ отражаются небольшіе, конусообразные стога; бѣлѣютъ гуси по островкамъ; у разѣзда проносится, съ поросячьимъ визгомъ и гоготомъ, поѣздъ, полный птицъ и свиней; нѣтъ деревень или прикрыты они отъ насъ туманомъ; въ вагонѣ опущены окна; тепло и сыро. На площадкѣ плещется прикрѣпленный бѣлый флагъ съ Краснымъ Крестомъ.

Въ коридорѣ вагона стоитъ Александра Михайловна въ шляпѣ пирожкомъ, нашъ второй врачъ; она—матеріалистка, борется противъ мужского засилія, боится клоповъ и сейчасъ стоитъ нахохлившись, подобрала губы. Она обижена, а съ нею вмѣстѣ весь женскій персоналъ изъ перваго вагона. Виновать во всемъ Сусовъ. Когда въ Бѣлостокъ намъ прицѣпили второй классный вагонъ,—мы рѣшили разъединиться, и впятеромъ, захвативъ Сусова, переселились на новое мѣсто. Александра Ми-

хайловна сказала: «И я тоже»; но, по совѣсти, у насъ не было мѣста. Обсуждая, какъ быть, мы спросили Сусова,

«Александра Михайловна ужасно какъ боится клоповъ,—сказалъ Сусовъ.—У меня тутъ сапожникъ одинъ знакомый, сбѣгаю, у него попрошу», и дѣйствительно, вечеромъ сбѣгаль въ Бѣлостокъ, принесъ въ коробочкѣ клоповъ, объявивъ, что во второмъ вагонѣ всѣхъ «ихъ превосходительство» заѣли. Коробочку Александра Михайловна приказала выбросить, Сусова страшно выругала; когда же все раскрылось,—обидѣлась и сейчасъ поджидаетъ Залманова, чтобы сказать ему колкость. Разумѣется, все это—шутки.

Веселый и шуточный духъ въ нашемъ поѣздѣ поддерживается Абрамомъ Соломоновичемъ Залмановымъ, онъ—человѣкъ съ неутомимой силой и страшной жадностью къ жизни. Небольшого роста, красивый, чисто выбритый, черный, съ глазами, всегда точно невинными. Каждый годъ онъ даетъ себѣ отдыхъ мѣсяца на три и тогда или ловить треску на Бѣломъ морѣ у поморовъ, или ходить съ шарманкой по Италіи, шатается по большимъ рѣкамъ Россіи, то чистя сапоги на пристаняхъ, то предсказывая судьбу подъ видомъ араба. Онъ любитъ самое прикосновеніе къ жизни и съ такой же страстью остальное время предается наукѣ и врачеванію.

Отъ санитаря до врача,—всѣмъ въ нашемъ поѣздѣ понемногу внушили Залмановъ это приподнятое отношеніе: работъ ли, отдыху, веселью отдавать всѣ силы. Нѣкоторые еще сопротивляются, конечно, но молодежь восприняла его духъ, и нашъ поѣздъ считается образцовымъ. Вообще для русской молодежи подобный примѣръ человѣка очень полезенъ, потому что молодые люди обоюга пола въ Россіи склонны къ сосредоточенному унынію, состоянію въ высшей степени бездѣятельному, хотя и не лишенному благородныхъ мыслей.

Подходимъ къ большой станціи; осенніе листья покрываютъ всю землю вокругъ, высокія крыши зданій и асфальтъ перрона. На путяхъ стоятъ три поѣзда: два—съ австрійскими плѣнными, а изъ третьяго высовывается бритое лицо И. В. Жилкина; онъ кричитъ намъ, роняетъ пенснэ, затѣмъ вылѣзаетъ изъ вагона, весь одѣтый въ коричневую кожу, съ шелковымъ платочкомъ на длинной шеѣ. Онъ побывалъ уже въ двухъ бояхъ и теперь пробіеается во Львовъ. У него—насморкъ и гадкое настроеніе.

Мы идемъ къ австрійцамъ. Тамъ бородатый высоченный солдатъ съ кобылинымъ лицомъ передаетъ своихъ плѣнныхъ новому часовому и, суя штыкомъ въ вагонъ, гдѣ свѣсивъ наружу ноги сидятъ австрійки, наказываетъ ему: «Ты смотри, парень, ихъ не обижай, они—народъ хороший, душевный. Счастливо оставаться, ребята!»—кричитъ онъ затѣмъ и прощается съ каждымъ, подавая руку, безъ малаго въ лопату; отходить, затѣмъ, спохватившись, бѣжитъ обратно, заглядываетъ въ глубь вагона и говоритъ: «А съ этимъ-то, безживотнымъ, я и забылъ проститься». «Братаются это они постоянно,—говоритъ въ это время голосъ изъ толпы,—а вотъ недѣли три назадъ нѣмцевъ тутъ везли, такъ тѣ—очень серьезные: женщины имъ хлѣбъ стали давать,—не берутъ».

Сусовъ, только что кончившій бриться перочиннымъ ножикомъ, увидѣлъ въ окно плѣнныхъ, обмеръ и побѣждалъ къ нимъ, забывъ надѣть шапку. Сейчасъ онъ бѣсѣдуетъ со свирѣпымъ на видъ венгерцемъ, узналъ уже, что тотъ—мельникъ и женатъ. Скосивъ круглые глаза, поставивъ ногу на колесо вагона Сусовъ, видимо, очень удивленъ, что венгерецъ, какъ будто такой же человѣкъ, какъ и онъ, и все у него натурально, затѣмъ принимается разсказывать ему про «свое хозяйство».

Вечеромъ на ходу въ пустомъ бѣломъ цейхаузѣ зажигаютъ свѣчи, менониты играютъ на скрипкѣ и гитарахъ,

сестры наши, въ платочкахъ, въ солдатскихъ рубашкахъ, танцуютъ вальсъ, а за окномъ уже проплываютъ огни большого города. Здѣсь насъ задерживаютъ; непрерывно, одинъ за другимъ, идутъ эшелоны войскъ; и стовѣрный путь до границы мы тащимся затѣмъ всю ночь и весь слѣдующій день, до Дубна, гдѣ встрѣчаемся съ летучимъ отрядомъ Балашева; насъ сиѣпляютъ, держатъ еще полсутокъ въ тупикѣ и везутъ въ Радзивилловъ.

Съ балашевскимъ эшелонномъ ѣдутъ Н. Н. Львовъ и Шульгинъ, раненый и контуженый и теперь возвращающійся къ своему полку.

Я зналъ Шульгина, какъ человекъ заносчиваго, теперь же похудѣвшее, утомленное лицо его мягко и покорно, словно, онъ уже давно почувствовалъ и пережилъ возможную смерть, совсѣмъ спокоенъ, но ея прикосновение навсегда положило покровъ мягкости на его лицо со еще вздернутыми кверху усами.

За чаемъ у нашихъ узенькихъ столовъ, при свѣчахъ, всѣ слушаютъ его разсказъ о тѣхъ 35-ти минутахъ, когда онъ вошелъ въ первый свой бой, пережилъ восторгъ битвы, жажду бѣжать, стрѣлять, колоть, затѣмъ угрызеніе совѣсти за этотъ восторгъ, словно принадлежащій другому человекъ, — не ему, а какому-то театральному, — затѣмъ острое напряженіе вниманія, потомъ ударъ, точно палкой по спинѣ, — осколкомъ шрапнели, — и потомъ, когда онъ вскочилъ отъ боли, почти незамѣтный ожогъ, — его, стоящаго, пронизала австрійская пуля.

За другимъ столомъ Н. Н. Львовъ, уколотый скептической фразой своего собесѣдника, сжимаетъ эфесъ шашки, и лицо его, худое, узкое, тонкое, съ бородкой и пепельными кругами подъ глазами, — и глазами прекрасными и пылающими, — то кажется важнымъ, то мягкимъ, и вслѣдъ за гнѣвной тѣнью промелькнетъ по нему усмѣшка; только въ Россіи бываютъ такія лица; ихъ никогда нельзя опре-

дѣлать, столько чувствъ проходить по нимъ, такъ они измѣнчивы и своевольны.

«Мы слишкомъ много отдали этой войнѣ, — говоритъ онъ, — мы стали новымъ народомъ; однимъ великимъ чувствомъ охвачена вся Россія, все крестьянство; мы вступаемъ на новый путь, мы пробудились, наконецъ, приняли на себя мировую миссію. Должно вѣрить въ это. Развѣ есть мѣсто сомнѣнію? Пока въ рукѣ эта шашка, я долженъ вѣрить. Горѣть, а не сомнѣваться!»

«Ну, да, конечно, но...» — говоритъ на это сидящій напротивъ И. В. Жилкинъ.

Бритое, огромное, умное лицо его съ маленькимъ, какъ у дѣтей, ротомъ совсѣмъ стало розовымъ; грузно и лѣнливо поворачиваясь на лавкѣ, онъ хочетъ вернуть это «но», напустить меланхолии, но и ему не хочется разрушать очарованія.

Путру приходимъ въ Радзивилловъ. Вдоль пути еще не повяли цвѣты поздняго клевера; налѣво, за дубовыми лѣсами, синѣютъ отроги Карпатскихъ горъ. Съ балашовскаго поѣзда стаскиваютъ девять автомобилей, захватываютъ Львова и меня, и мы, длиннымъ шугомъ, ухая и дымя бензиномъ, въѣзжаемъ, наконецъ, въ Галицію.

Х.

Къ двумъ часамъ, когда мы на девяти черныхъ автомобиляхъ тронулись изъ Радзивиллова, подулъ холодный вѣтеръ, и туманный воздухъ сталъ свертываться въ мелкую изморозь. Я сидѣлъ впереди съ шофферомъ; заднія колеса машины раскатывались по грязи точно по маслу, заноса задъ съ такой силой, что мы тыкались то въ столбы, то въ груды щебня. Стекла лимузина запотѣли, и, оборачиваясь, я съ трудомъ различалъ взволнованное, съ совѣмъ темными кругами у глазъ, лицо Львова; онъ быстро улыбался мнѣ и показывалъ туда, впередъ, гдѣ за поворотомъ развѣзженной дороги начиналась бывшая австрийская земля...

Въ этихъ мѣстахъ прошли крупныя кавалерійскіе бои, но не было видно ни разрушеній нигдѣ, ни окоповъ, ни сожженныхъ домовъ, вѣрныхъ признаковъ пѣхотныхъ и артиллерійскихъ дѣлъ.

За послѣднее время австрийская кавалерія почти совѣмъ перестала показываться, поражаемая во всѣхъ стычкахъ и въ двухъ происшедшихъ за эту кампанію большихъ бояхъ. Въ послѣднемъ изъ нихъ австрийцы обрушились на нашу знаменитую Энную дивизию графа К. съ

горъ цѣлой лавиной съ десятью конными орудіями. Драгуны и уланы наши вылетѣли имъ навстрѣчу изъ лощины, а гусарскій полкъ атаковалъ батарею. Бой длился четверть часа. Поражаемые пиками и ударами шашекъ въ шлемъ, затѣмъ въ лицо, австрийцы бѣжали, потерявъ батарею, при чемъ ихъ уронъ превосходилъ нашъ почти въ десять разъ.

Повернувъ, наконецъ, за плетни, мы выкатили на прямую дорогу; въ полверстѣ начинался хвойный лѣсъ, а неподалеку, между каменныхъ складовъ и сторожекъ, стояли два раздвинутыхъ шлагбаума: бѣлый съ чернымъ—нашъ, черный съ желтымъ—австрийскій. Такъ началась Галиція.

За брошенными заставами лежало ровное прямое шоссе; въ глубинѣ сосноваго темнаго лѣса, по мхамъ, желтѣли яркія, какъ огонь, вѣтки низенькихъ березъ. По тропинкѣ вдоль дороги шли двѣ дамы и два телеграфиста; при видѣ насъ они остановились и помахали шапками и платками. На полномъ ходу мы вѣхали въ Броды,—въ большой, скучный однообразный городъ, со старыми низкими домами, съ трехвѣтными флагами изъ всѣхъ слуховыхъ окошекъ, съ проложенной временно по улицѣ подъѣздной узкоколейкой. Броды нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки, но остались нетронутыми, кромѣ нѣсколькихъ сожженныхъ домиковъ, близъ вокзала. Сейчасъ всѣ лавки торгуютъ, на вывѣскахъ нѣмецкія буквы замазаны и написано: «Русская продажа каца», или еще что-нибудь непонятнѣе; изъ оконъ выглядываютъ любопытные; на перекресткахъ стоятъ подъ вѣтромъ дѣти, глядя на нашъ поѣздъ, на идущій взводъ солдатъ, на плѣнныхъ. На широкомъ, ровномъ полѣ, за изгородью, плещется флагъ; стоятъ будки и бараки; это—этапный и питательный пунктъ, сюда направляютъ плѣнныхъ съ вокзала, высокаго, сырого и мрачнаго.

Плѣнныхъ мы встрѣтили на улицѣ; ихъ было три тысячи пѣхотинцевъ и кавалеристовъ, въ красныхъ шапкахъ. На вокзалѣ стояли готовые къ отправленію плѣнные офицеры,—человѣкъ 50; иные были ранены и опирались на плечо товарища; одинъ же толстый, низенькій, съ косматыми усами гусарскій полковникъ, сердито, какъ котъ, фыркалъ, косясь на любопытныхъ, въ особенности, на курносаго молодого солдата, который не только плѣнныхъ,—вообще ничего никогда не видалъ, кромѣ бати съ мамкой, мерина да коровы, и теперь стоитъ передъ плѣнными, такъ разинувъ безусый ротъ, будто толстый полковникъ сейчасъ ему туда и прыгнетъ вмѣстѣ съ усами, съ красными штанами, съ театральной своей курткой.

За Бродами кончился лѣсъ; мы помчались по плоскогорью, миновали двѣ деревни, небольшой, чистый, совсѣмъ нѣмецкій, городокъ, и, все надавая, боясь сумерекъ, все быстрѣе, легли по ровному, широкому шоссе. Мелкій дождикъ хлесталъ въ стекло; порою мгла, разнесенная вѣтромъ, открывала впереди узкую, начинающую краснѣть полосу близкаго заката.

Затѣмъ начались уступы и подъемы. Въ глубокихъ долинахъ между лѣсомъ, обозначались строенія, костелы, иногда фабрики. По темнымъ, лиловымъ горамъ желтели, какъ огонь, тѣ же березы. Направо быстро появился за поворотомъ,—и теперь уже не мы къ нему, а словно онъ самъ понесся навстрѣчу,—досчатый, черный, кривой ангаръ, брошенный австрійскими летчиками. Налѣво дымили два локомотива, и между ними, точно живой, какъ свинья, опустивъ рыло, ползъ паровой плугъ. На поляхъ повсюду работали крестьяне, запахивая парь, собирая послѣдній картофель. Встрѣчные мужики на телѣгахъ, завидя несущійся съ трескомъ и хриплымъ уханьемъ нашъ поѣздъ, соскакивали, наваливались на морды бьющихся отъ страха лошадей, одной рукой хватали ихъ

подъ узды, другой срывали съ головы шапку. Одинъ встрѣчный поклонился низко девять разъ,—по поклону каждому автомобилю.

Надѣлъ галиційскихъ крестьянъ ничтоженъ: половина, одинъ, до двухъ морговъ на душу (моргъ—меньше нашей десятины); земли перерѣзаны хребтами горъ; долины распаханы такъ, что нѣтъ пустого клочка; косогоры, скрыты параллельными, одна надъ другой, площадками, утченными и распаханными; деревни разбросаны по негоднымъ для пахитей русламъ рѣчекъ, по крутымъ обрывамъ; проѣзжая, я увидѣлъ внизу подъ дамбой соломенной кровли, дворики и узенькую улицу, выющуюся по глубокой, какъ щель, извилистой долинѣ.

Дороги прекрасны и живописны, плотины и дамбы обсажены ивами, ровно наклоненными направо и налѣво.

На одной такой плотинѣ, на подъемѣ, попортился передній автомобиль, и мы по травянистому скату взобрались наверхъ въ деревню.

Въ первомъ домѣ, съ двумя колоннами, ветхомъ и разваливающимся, одно окно было забито, другое занавѣшено пестрымъ тряпьемъ. Я вошелъ на балкончикъ и закурилъ трубку. Тогда дверь неспѣшно отворилась, вышла старушка, необыкновенно красивая и чистенькая; ласково улыбаясь, она спросила, добрый ли я панъ. Я сказалъ, что добрый. Тогда она сказала, что здѣсь было много, очень много войскъ, но они не дрались, а только проходили; русскіе солдаты узнали, что у пана-писаря пять коровъ, а у старушки ни одной, взяли у пана-писаря корову и подарили старушкѣ. Старушка,—говоря это,—разсмѣялась и прибавила, что здѣсь старинный, очень хорошей замockъ и костель.

Костель стоялъ на полянѣ между дубовъ, за высокой оградой; онъ былъ весь изъ сѣраго камня, съ шестью колоннами и портикомъ-барокко. Передъ нимъ на двухъ

высоких, круглых цоколях поднимались изображенія двух апостоловъ. Отъ нихъ шла прямая дорога въ паркъ, упираясь затѣмъ въ подъемныя ворота древняго замка. Это было старое—гнѣздо князей Сангушко. По сухимъ листьямъ я подошелъ къ замку. Онъ стоялъ, обратясь на костель плоскимъ, сѣрымъ фасадомъ въ три этажа, съ квадратными полуколоннами и крутой красной крышей; все это окружено рвомъ и широкими стѣнами, съ четырьмя башенками, повисшими на углахъ.

Обитыя желѣзомъ ворота раскрыты; широкими истертыми плитами засланъ весь дворъ, еще зеленая трава пробивается между камнями. Въ замокъ ведутъ съ боковъ двѣ открытыя каменныхъ лѣстницы, съ вазами на балюстрадахъ и сидящими статуями; онѣ позеленѣли и покрыты мхомъ. На окнахъ кое-гдѣ приподняты шторы. Въ углу у стѣнъ—старый итальянскій колодезь. Здѣсь итальянскій ренессансъ добавился суровымъ духомъ крѣпости и вычурнымъ капризомъ польскаго барона.

Полная, круглолицая экономка, стоя посреди двора, повернула ко мнѣ голову и поглядѣла хитрыми глазами, не отрываясь; когда же я спросилъ, она точно запѣла, начала ласково отвѣчать, объяснивъ, что здѣсь никто не живетъ, развѣ пріѣдетъ лѣтомъ самъ князь на нѣсколько дней. Замокъ этотъ—польская святыня—тщательно охранялся русскими войсками отъ австрійцевъ и мародеровъ.

Еще нѣсколько верстъ мы пронеслись по плоскогорью затѣмъ спустились въ потемнѣвшія совѣмъ сырыя низины и на ходу зажгли фонари. Мгновенно помчался впереди насъ, точно подпрыгивая по неровностямъ дороги, овалъ желтоватаго свѣта, и съ боковъ сдвинулся мракъ... На спускахъ свѣтъ обрывался сразу впереди, и казалось, что мы несемъ въ пропасть. Затѣмъ сбоку изъ темноты появился скелетъ огромнаго, сгорѣвшаго дома и ушелъ. И все чаще стали попадаться разрушенныя дома, сожжен-

ныя фабрики... Мы пронеслись чрезъ большое сгорѣвшее селенье, съ обѣихъ сторонъ чернѣли отверстия оконъ, зубцами поднимались полуразрушенныя стѣны и трубы... Иногда появлялся въ желтомъ свѣту сбившійся къ самому краю дороги испуганный крестьянинъ, заслонивъ собой морды лошадей. До Львова оставалось одиннадцать верстъ; вдругъ передній автомобиль застопорился и сталъ. Выяснилось самое скверное, чего никто не ждалъ,—почти ни у кого не осталось бензина.

Послѣ долгихъ разговоровъ, топанья застывшими ногами, послѣ того, какъ удивленные такой неожиданностью шоферы еще разъ измѣрили палочками бензинъ, мы рѣшили послать пять еще пыхтящихъ машинъ во Львовъ за бензиномъ. Впослѣдствіи оказалось, что оставшіеся въ темнотѣ на дорогѣ студенты-фельдшера и Н. Н. Львовъ нашли какого-то нѣмца и въ полусожженномъ домишкѣ обогрѣлись и напились чаю.

Я же хотя и поѣхалъ, но уже совѣмъ не вѣрилъ, что въ этотъ девятый день пути увижу недостижимый Львовъ. Дѣйствительно, изъ пяти машинъ стали три; гора свертковъ и чемодановъ, для чего-то на-спѣхъ сунутыхъ на нашъ автомобиль, наваливалась на меня, приходилось держать летящія на встряскахъ вещи; докторъ, мой новый спутникъ, стуча отъ холода зубами, ругался по-польски; затѣмъ погасъ въ прожекторахъ свѣтъ, но вотъ далеко внизу, въ концѣ пологоаго спуска, протянулись двѣ линии зеленоватыхъ фонарей. Спустя минуту мы уже неслись по асфальту, пустой въ этотъ часъ, широкой, чистой и красивой улицы Львова.

ХІ.

Во Львовѣ я прожилъ три дня, затѣмъ нанялъ извозчика и доѣхалъ до берега Сана, гдѣ и сдѣлался свидѣтелемъ боя, который, спустя нѣсколько часовъ, окончился штурмомъ и взятіемъ Ярослава.

Но обо всемъ этомъ послѣ. Сейчас я вновь сижу во Львовѣ, въ превосходной гостиницѣ, слушаю стукотно подковъ, звонъ трамваевъ, грохотъ опускаемыхъ, за позднимъ временемъ, желѣзныхъ шторъ на витринахъ, и все происшедшее вспоминается мнѣ, словно разыгранная вчера торжественная трагедія: слишкомъ невѣроятна пропасть между *здѣсь* и *тамъ*.

Дѣйствительно, мы, воспитанные на идеѣ, что смерть есть послѣдняя и самая страшная угроза нашему бытію, и на томъ, что по отношенію къ смерти мы такъ или иначе складываемъ свою жизнь: становимся религиозными, или оправдываемся, работая для грядущихъ поколѣній, или просто прожигаемъ дни, легкомысленно забывая о концѣ, мы въ обычное время переживаемъ трагедію своей собственной смерти лишь въ театрѣ. Трагическій театръ низводитъ насъ до конца, до крайней мысли передъ вѣчной темнотой и затѣмъ оставляетъ насъ жить, обогащенныхъ актомъ смерти.

Тамъ же, на войнѣ, этотъ опытъ дается каждому явлению, и такъ же, какъ трагическій театръ, но только въ тысячу разъ сильнѣе обогащаетъ человѣка. Вотъ почему, мнѣ кажется, поля сраженій вѣрно названы *«театромъ»* военныхъ дѣйствій.

Театръ есть вторая жизнь среди обычнаго существованія, фантастическая, вспыхивающая лишь на нѣсколько часовъ, непримѣрно выпуклая и яркая. Актеръ, Иванъ Петровичъ такой-то, внезапно появляется передъ вами героемъ (раскрываетъ въ душѣ своей трагическое начало), увлекаетъ тысячи глазъ и сердецъ, и вновь, когда театръ погаснетъ, становится Иваномъ Петровичемъ такимъ-то, до новаго вечера. Такъ и тамъ, на войнѣ, въ дѣлѣ, въ не узнаете вашего стараго знакомаго; ночью онъ выльзетъ изъ обстрѣливаемыхъ окоповъ и придетъ версты за двѣ въ штабъ дивизіи за плиткой шоколада; измѣнилось его лицо, движенія, голосъ; онъ сталъ необычайно умиротворенъ и спокоенъ; въ окопахъ, въ ста шагахъ отъ непріятеля, онъ уже третью недѣлю лежитъ на грани смерти, защищенный отъ нея землянымъ бугоркомъ. Въ этой конавѣ за бугоркомъ онъ много разъ продумалъ и прожилъ свою жизнь и переоцѣнилъ ее, онъ теперь—участникъ трагедіи, она для него—единственное истинное бытіе и великій опытъ.

Затѣмъ, приѣзжая отсюда въ глубокой тыль, во Львовѣ, эти участники изъ трагической переходятъ къ обыкновенной жизни. Они воспринимаютъ ее съ жадностью. Они, обогащенные опытомъ смерти, цѣнятъ и радуются тому, мимо чего прежде прошли бы, презрительно усмѣхнувшись.

Опытъ же ихъ прежде всего отрицаетъ смерть, какъ послѣднюю и самую страшную угрозу. Смерть (о ней помнятъ и часто поминаютъ) есть лишь неудачная случайность, и на ней никто ничего не строитъ, никакихъ своихъ

дѣйствій ни *здѣсь*, ни *тамъ*; объ убитыхъ товарищахъ говорятъ такъ же просто, какъ о проигравшихся въ карты; смерть въ сознаниі каждого выведена изъ исходной и конечной своей точки, поставлена въ отдѣль случайности, гдѣ ей и надлежитъ находиться у сильного народа, у каждого здороваго человѣка. Вотъ, мнѣ кажется, причина спокойнаго мужества, непоколебимой твердости и храбрости, съ какими дерутся русскія войска; каждый офицеръ и солдатъ, находясь тамъ, совершенно ушелъ изъ плоскости повседневной жизни въ иную, героическую, имѣющую мѣсто на «театрѣ военныхъ дѣйствій», и эта легкость перехода изъ одного состоянія сознания въ другое, это *кочеваніе* души особенно примѣчательно для русскихъ. Чтобы мужественно драться и умирать, намъ не нужно возбуждать себя ни жестомъ, ни словомъ, ни виномъ, мы дѣлаемъ это просто и естественно, потому что мы еще кочевники, мы еще молоды и слишкомъ богаты и сильны.

Переходъ изъ героическаго въ повседневное совершается на отдыхѣ во Львовѣ. Львовъ—богатый, красивый, благоустроенный городъ, расположенный въ котловинѣ. На холмахъ по окраинамъ стоятъ остроконечный курганъ въ честь уніи, храмъ св. Юрка и монастыри. Въ день взятія, утромъ, австрійцы оставили городъ, въ полдень вошли русскіе, не тронувъ ни одного камня. Говорятъ, что первымъ на главную площадь влетѣлъ казакъ, въ лихо заломленной безкозыркѣ; осадил коня, держа ружье наперевѣсь, быстро оглянулся по сторонамъ; къ нему подошла дама и подала букетъ цвѣтовъ; казакъ глянулъ, схватилъ букетъ, сунулъ его подъ мышку, ширкнулъ рукой по носу и, нагнувшись, умчался, донося: городъ свободенъ.

Богатое населеніе покинуло Львовъ, но все же на улицахъ много мѣстныхъ жителей, одѣтыхъ нарядно въ польскія мѣховыя свитки, много гимназистовъ, въ черныхъ высокихъ кэпи, магазины все открыты, въ нихъ доторговываютъ еще австрійскій товаръ; иногда васъ встрѣчаютъ привѣтствіемъ «гутмоинь», но рѣдко,—повсюду слышна польская рѣчь; много нищихъ, женщинъ и дѣтей; иные предлагаютъ за мѣдную монету донести вашу покупку, иные просто глядятъ въ глаза, протянувъ руку, и не настаиваютъ отказавшему; когда проходятъ войска, съ пѣснями или музыкой,—собирается толпа и спокойно глядитъ на сѣрую ошетененную штучками живую рѣку людей, уходящую въ переулочъ. Только у юношей въ кэпи я замѣчалъ иногда злую усмѣшку, да одинъ красивый, молодой австрійскій тяжелымъ взглядомъ потемнѣвшихъ глазъ смотрѣлъ на идущихъ солдатъ, затѣмъ быстро оглянулся на меня, но не встрѣтился зрачками; тонкое, блѣдное лицо его было словно каменное. Должно быть, нелегко все-таки инымъ считать себя побѣжденными.

Но совсѣмъ не какъ побѣдители ведутъ себя русскіе. Русскихъ не любятъ въ городахъ и курортахъ Германіи и Австріи, потому что они слишкомъ громко говорятъ, слишкомъ много спрашиваютъ, хватаютъ руками вещи, на которыя нужно только смотрѣть, и т. д. Я думаю, что все это происходитъ отъ застѣнчивости. Неудобно, разумеется, застѣнчивому человѣку, когда его считаютъ за русскаго, значить за дикаря, онъ и начинаетъ говорить громче обычнаго, чтобы показать, будто ему все равно, за кого его считаютъ. И еще болѣе неловко такому человѣку быть побѣдителемъ въ побѣжденномъ городѣ. Первое, что приходитъ ему въ голову, это—держатъ себя такъ, будто ничего не случилось; онъ старается быть пріятнымъ и добродушнымъ, похлопать по плечу

испуганнаго австріяка, говоря: «Да не отниму я у тебя ничего, не бойся, голова». Онъ перенимаетъ польскую рѣчь, вмѣсто стаканъ чаю говоритъ: «Склянку хербаты» и проч., и проч. Не въ примѣръ курортамъ, русскіе держатъ себя здѣсь просто и вѣжливо, даже въ такихъ мѣстахъ, какъ закрытый на-дняхъ грязноватый рестораничекъ, гдѣ продавалось шампанское и вино. Въ этомъ-то рестораничкѣ и происходило упомянутое мной нисхожденіе изъ трагической плоскости въ повседневною.

При этомъ оказывалось, что люди *оттуда* (изъ мокрыхъ, вшивыхъ, загаженныхъ канавъ, надъ которыми день и ночь рвутся стальные шрапнели), входя въ набитый народомъ, накуранный, теплый, шумный кабачекъ, не впадали ни въ меланхолю, ни въ буйство, но всѣ весело и радостно бесѣдовали другъ съ другомъ, и нѣжно и вкрадчиво съ дѣвушками. Словно грубость и ужасъ войны научили ихъ, какъ тяжело быть грубымъ и ужаснымъ. Словно послѣ тѣхъ шрапнелей никакое вино не могло заставить ихъ больше обижать; гнѣваться, бушевать, этого довольно было и тамъ; послѣ опыта смерти они хотѣли только радости, ласки, веселаго забвенія. Такой выводъ былъ для меня крайне неожиданнымъ, но за дальнѣйшія мои поѣздки онъ подтверждался не разъ.

Часамъ къ десяти въ кабачекъ собирались *молодые* офицеры, загорѣлые, худые, только-что выбритые, иные смѣнили грязные рубахи и штаны на свѣжіе, иные приходили въ изодранныхъ курткахъ изъ кожи, въ грубыхъ сапогахъ, при шашкѣ, револьверѣ, сумкѣ и флягѣ на бокахъ. Кланяясь, звякая шпорами, съ удивленной и радостной улыбкой, они садились у столиковъ, оглядывая такое давно не виданное благополучіе. Здѣсь я встрѣтилъ нѣсколько москвичей, петроградцевъ, нѣсколько превратившихся въ офицеровъ-прапорщиковъ моихъ друзей, и всѣ они, похудѣвшіе и бритые, въ лягушиного цвѣта

рубахлахъ, съ коричневыми ремнями черезъ плечи, казались словно очищенными отъ житейской пыли, словно пріѣхали всѣ съ мороза, съ долгой, хорошей охоты.

Мой собесѣдникъ N, прапорщикъ, сидитъ передъ своимъ стаканомъ прямо, положивъ руки на колѣни. Последній разъ я встрѣчалъ его на Рождествѣ,—онъ учился въ студии Мейерхольда и былъ ужасно юнъ и застѣнчивъ. Теперь загорѣлое лицо его вытянулось, губа прикрыта свѣтлыми усами, и когда онъ поворачивается въ профиль, то кажется очень серьезнымъ и немолодымъ. Оглядывая веселыми глазами спины, лица, бритые затылки, выставленные изъ-за стульевъ ноги въ сапогахъ, перья на дамскихъ шляпкахъ, нарумяненные щеки,—онъ говоритъ:

— Всѣ эти дѣвицы, первымъ дѣломъ, голодныя, среди нихъ есть жены австрійскихъ чиновниковъ; что подѣлаешь, въ комнатѣ—бархатныя занавѣски, ковры и прочее, а печки не топлены. Нищета прямо на голову свалилась.

Напротивъ насъ сидитъ небольшого роста дѣвушка, широколицая, съ холодными, сѣрыми, мрачными глазами; ей что-то вкрадчиво говоритъ гусарь, близко нагнувшись, совсѣмъ еще мальчикъ, съ большимъ горбатымъ носомъ и впавшими глазами. Отвернувъ голову, она иногда отвѣчаетъ рѣзко и упрямо.

— Знаете, что она отвѣтила,—сказалъ N.—Что бы онъ ей о любви ни говорилъ, она любовь не продастъ за деньги. Я этого гусара знаю,—рубака отчаянный и храбрецъ, но мягкій человѣкъ. Этотъ разговоръ не кончится добромъ, вотъ увидите...

— Была печаль изъ-за дѣвченки разстраиваться!—басомъ воскликнулъ другой мой собесѣдникъ, Z, огромнаго роста прапорщикъ, изъ волжскихъ купцовъ, мягколицый, широкоплечій, выбритый весь, кромѣ густыхъ

черных бровей; попивая вино, он потъшается надъ всякими пустяками, трясеть столъ и крутить бритой головой.—Нашель тоже время разстраиваться. Вотъ я завтра опять ѣду въ окопы сидѣть, а что же? Скажу вамъ прямо,—всѣ эти чувства—чепуха...—Онъ внезапно замолкъ, черныя, какъ хорьковые хвосты, брови его сразу опустились, толстое, смѣшливое лицо стало серьезнымъ, и сдѣлались словно невидящими сѣрые глаза у N. Должно быть, въ это мгновение оба они перенеслись *туда*.

— Все-таки, знаете, въ первый разъ легче было итти,—проговорилъ Z.—А вотъ набаловался здѣсь за три дня, нѣтъ-нѣтъ да и подумаю,—опять въ мокроту, ко вшамъ.

— Блохъ солдаты зовутъ кавалеріей, а вшей—пѣхотой,—спокойно замѣтилъ N.

Z разинулъ ротъ, выкатилъ сѣрые глаза и захохоталъ, расплескивая вино.

— Вѣрно, такъ и зовутъ; недавно, вечеромъ, лежу въ окопѣ, стрѣльба затихла, я приноровился поспать, вдругъ солдатъ оборачивается и говорить: «Ваше благородіе, шестую роту пѣхота одолѣвать стала».—Какъ, спрашиваю, пѣхота?—«Да такъ, ваше благородіе, совсѣмъ ихъ заѣла, а у насъ, слава Богу, пока еще только кавалерія»,—и показываетъ громадную блошицу...

Я полюбопытствовалъ, какимъ образомъ Z да и вообще всѣ, сидящіе въ окопахъ могутъ спать въ пятидесяти, въ ста, въ двухстахъ шагахъ отъ непріятеля.

— Привычка,—объяснилъ Z,—первымъ дѣломъ думаешь, что въ тебя-то ни за что не попадетъ; пуля за прикрытíемъ не страшна, а къ снарядамъ приноровились когда летитъ чемоданъ (бризантный, тяжелый снарядъ), его минуту слышно, реветъ какъ звѣрь, ну, и думаешь: зачѣмъ ему именно въ тебя попасть?

— Съ непривычки очень жутко,—сказалъ N.—Я видѣлъ, какъ одинъ такой снарядъ упалъ, не разорвался

и понесся вдоль окоповъ, по полю,—все поле изрылъ, какъ свинья. Непріятная эта игрушка. И почему-то кажется, особенно когда стоишь, будто онъ летитъ прямо сюда, между глазъ. А лечь, голову наклонить, не всегда удобно.

— Смотри, смотри, а гусарь-то плачетъ,—вдругъ прошепталъ Z.

Дѣйствительно, дѣвушка съ мрачными глазами сидѣла совсѣмъ уже отвернувшись, словно кошка хвостомъ, постукивая ногою. Гусаръ же, наклонясь надъ столомъ, держалъ платокъ у глазъ.

— Я же говорилъ, ерунда это все,—сказалъ Z,—влюбился, готово, разстроился, вотъ вѣдь эти мальчишки, либо на пули лѣзетъ, либо отъ бабы терпѣнія нѣтъ.

Гусаръ, чувствуя, что на него смотрять, поднялся, едва сдерживаясь, прошелъ между столиками въ глубокую нишу окна, гдѣ и сталъ за занавѣсками, сморкаясь. Къ нему сейчасъ же подошли товарищи; къ дѣвущкѣ съ мрачными глазами подѣли подруги, быстро и живо разсуждая... Но до самаго конца, пока не закрылся ресторанъ, не могли уговорить ни его, ни ее.

И до самаго конца я не услышалъ ни одного пьянаго возгласа, ничего, что бы могло положить хотя бы легкую тѣнь на офицерскій мундиръ. Только въ противоположномъ отъ насъ углу худая дѣвушка, въ бѣломъ бальномъ платьѣ вскочила вдругъ и, улыбаясь подергивающимся лицомъ, принялась бросать на полъ посуду. Сидящіе съ ней спокойно отклонились, дали ей все, что было, побросать, затѣмъ она сѣла, обхватила голову, затѣмъ успокоилась.

Львовъ пережилъ нѣсколько тревожныхъ дней во время второго наступленія австрійцевъ. Изъ львовскаго банка

и еще изъ одного дома стрѣляли, ранили двумя пулями казака. Въ свою очередь обстрѣлянные дома эти перешли въ казну. Этимъ и окончилось преувеличенное по слухамъ и газетамъ волненіе во Львовѣ. Разумный смыслъ и необходимость требуютъ въ возможно скорѣйшее время вернуть на свои мѣста чиновниковъ, брошенныхъ на голую смерть австрійскимъ правительствомъ, и затѣмъ открыть при помощи мѣстныхъ рабочихъ многочисленныя мастерскія, вновь пустить въ ходъ нефтяныя промыслы въ Дорогобычѣ и Бориславѣ.

Теперь, когда вторично, и, разумѣется, навсегда отброшена австрійская армія, необходимъ огромный притокъ энергіи, силъ и средствъ изъ Россіи, чтобы оживить цѣпящуюся, наполовину сожженную Галицію, чтобы бѣдствія войны и безчинства отступавшихъ австрійцевъ загладить добрымъ и разумнымъ отношеніемъ и на дѣлѣ положить начало осуществленію идеи соединенія и могущества славянскихъ странъ.

XII.

172-й поѣздъ всероссійскаго земскаго союза наглухо застрѣлъ въ Радзивилловѣ. И. В. Жилкинъ и я рѣшили сдѣлать попытку выручить его оттуда и рано по-утру захвативъ хлѣба, консервовъ и карту Галиціи, выѣхали изъ Львова на парномъ извозчикѣ въ Л., гдѣ тогда стоялъ штабъ арміи, дерущейся подъ Ярославомъ и въ обѣ стороны по Сану.

До перваго города, Янова, стелется сначала степное плоскогорье, пересѣченное у Львова проволочными загражденіями и волчьими ямами; затѣмъ въ ровное это пространство входятъ лѣсные хребты, опускаясь въ тучную болотистую долину; послѣ начинаются холмы, перелѣски и Яновъ.

Вдоль шоссе идетъ, безъ насыпи, какъ трамвайный, желѣзнодорожный путь. Всѣ деревья у дороги порублены; голые, огромные ихъ стволы валяются на пашнѣ. Ни сель, ни работающаго народа; изрѣдка проносятся мимо поѣзды съ платформами, гружеными лѣсомъ. Денекъ сѣрый, вѣтряный и холодный. Кучеръ нашъ Теодоръ,—старый, усатый, въ коричневомъ капюшонѣ,—покрикиваетъ «и-у» на сиваго и гнѣдого коньковъ. Мерзнуть ноги. У Жилкина насморкъ.

Поля здѣсь и селенія были жестоко опустошены отступавшими въ августѣ австрійцами. Городъ Яновъ оказался сожженнымъ до-тла; осталось нѣсколько домовъ на окраинѣ, да нѣсколько евреевъ бродятъ среди развалинъ. На уцѣлѣвшихъ крышахъ видны пробоины и кругомъ ихъ—мелкія дыры,—мѣста, гдѣ рвалась шрапнель. Мы долго ѣхали по улицѣ мимо обгорѣвшихъ остововъ; иногда на стѣнѣ я читалъ законченную вывѣску по-русски и польски или афишу о прѣхавшемъ циркѣ, съ изображеніемъ прыгающаго черезъ обручъ льва; вѣтеръ со скрипомъ раскачивалъ сломанный электрическій фонарь. При выѣздѣ мы нагнали полкъ. Солдаты шли вольно, забѣгая на развалины; впереди человѣкъ пятьдесятъ плѣли грустную малороссійскую пѣсню; оглядываясь на насъ они кричали: «Дорогу, дорогу!», и мы проѣхали, отдавъ знамени честь... За Яновомъ начался большой, верстъ на двѣнадцать лѣсъ; въ него уже вступали дозорные полка, и вдругъ, неподалеку, словно удары бича, раздались выстрѣлы. Теодоръ крикнулъ, но явно струсить не посмѣлъ. Ближайшій солдатъ объяснилъ, что это товарищъ его стрѣляетъ по дикимъ козамъ. Здѣсь, въ Галиціи, въ панскихъ лѣсахъ содержалось много дичи, и теперь она, испуганная канонадами, разбрелась повсюду.

Въ лѣсу дорога стала ухабиствѣе и тяжелѣе, и сейчасъ же вдоль нея въ глубокихъ канавахъ мы стали считать за стывшіе трупы лошадей; но ихъ было столько, что мы оставили это занятіе. Должно быть, особенно жестоки были бои между этихъ кустовъ, вѣковыхъ сосенъ, поваленныхъ стволовъ на просѣкахъ и моховыхъ кочекъ. На вѣтвяхъ еще виднѣются обрывки одежды; повсюду окопы, слѣды бивуаковъ и торчащая вытнатыми ногами конская падала.

За лѣсомъ—чаще деревни, и на поляхъ работаетъ народъ за плугомъ и бороной, за сборомъ картошки. Въ селеньяхъ—хаты крыты соломой, иногда соломой же обер-

нуты по стѣнамъ, онѣ разбросаны среди деревьевъ по извиламъ ручьевъ, и повсюду,—у дорогъ, у хатъ, съ четырехъ сторонъ, по канавамъ,—растутъ ивы, съ толстымъ стволомъ, оконченнымъ, какъ грибокъ, большой нащепкой, изъ которой вѣтникомъ торчатъ гибкіе прутья.

И оттого, что столько зелени, ивъ, воды и такъ разбросаны глядящія во все стороны единственнымъ своимъ окошкомъ эти хаты, русинскія селенія кажутся живописными и уютными; но ницета въ нихъ теперь, убожество несказанная.

Народъ носитъ самодѣльные одежды. Мы проѣзжаемъ черезъ мостъ; у перилъ стоятъ бабы и, кланяясь, говорятъ намъ: «Добрый день». Онѣ въ красныхъ и зеленыхъ юбкахъ, въ бѣлыхъ свиткахъ; на головѣ—тканый красный съ желтымъ кокошникъ и бѣлый платокъ; на ногахъ—сапоги. Мужики все малорослые, худошавые, съ правильными чертами лица; носятъ усы только, войлочные шляпы и бѣлыя свитки съ низко падающимъ, широко открытымъ, воротникомъ изъ длинно-волосой овчины... Остановивъ плугъ русинъ снимаетъ шляпу и кланяется, долго смотря намъ вслѣдъ. Дальше на мокрыхъ кочкахъ четыре дѣвочки въ бѣлыхъ свиткахъ пасутъ четырехъ коровенокъ, и мнѣ кажется, что и коровы тоже намъ поклонились.

Въ другіе деревнѣ мы обгоняемъ обозъ; за нимъ бѣжить высокая желтая баба, еще молодая, но беззубая и кричить слабымъ голосомъ: «Стой же, стой же, пань!». Оказывается, за вторымъ возомъ идетъ, угрюмо насупясь, словно не слыша ничего, обозный; голова его и плечи обернуты зеленой суконной юбкой.

Часамъ къ тремъ въѣзжаемъ въ Яворовъ,—длинный, вытннутый вдоль рѣчки городокъ, не разрушенный, слава Богу, войной, зато загаженный и грязный до послѣдней степени. На большой площади—базаръ. Ходятъ мужики и бабы, торгуются, толшата безъ толку, вертятъ въ ру-

какъ глазуревые миски и горшки. Пробують кнутовище. Сюють въ морду лошади выдернутый изъ проѣзжаго воза клочекъ сѣна.

Здѣсь же, въ полуразрушенной лавкѣ, расторонный купчикъ изъ Россіи открылъ торговлю съѣстнымъ и одеждой. На всякій случай принявъ насъ за важныхъ чиновниковъ, онъ выскочилъ на порогъ своей лавченки и предложилъ поставить въ Красный Крестъ пять тысячъ теплыхъ фуфаякъ и кальсонъ.

Нужно было покормить лошадей, самимъ перекусить, но нигдѣ не было ни гостиницы, ни чайной, и мы подъѣхали неподалеку къ частному лазарету. Изъ четырехъ окошекъ выглянули на насъ четыре сестры, скрылись, и когда мы вошли въ домъ, то сестры уже стояли наверху лѣстницы, ожидая.

Насъ провели въ столовую, усадили, принесли невѣроятныхъ размѣровъ яичницу и почему-то два самовара. Вышелъ изъ внутренней двери докторъ, наскоро причесанный; должно-быть, онъ спалъ, и, сидя передъ нами, пока только отмалчивался, расправляя усы. Мы рассказали новости, какія знали, съѣли яичницу, самоваровъ же одолѣть не могли и спустя часъ чувствовали себя какъ-будто родились въ этомъ лазаретѣ.

Сестры и врачи сформировались въ Ровно и весь персоналъ ровенскій, изъ уѣзда. Во время наступленія австрійцевъ отрядъ работалъ день и ночь, теперь же раненыхъ почти не поступаетъ, и за единственнымъ офицеромъ сестры ухаживаютъ такъ, что онъ пересталъ даже просить голосомъ, а только улыбается; къ тому же офицеръ оказался престраннымъ, — чрезвычайно кроткій, ѣсть только хлѣбъ и овощи и пьетъ одну горячую воду безъ сахара, а бороды не стрижетъ никогда, заплетая ее косицами и пряча за воротникъ.

На обратномъ пути мы вновь воспользовались ми-

лымъ гостеприимствомъ ровенскаго лазарета и встрѣтили тамъ доставленнаго только что изъ подъ Ярослава фельдшера; онъ былъ раненъ въ замкѣ графа Замойскаго, спустя два часа, какъ мы ушли оттуда, и рассказалъ намъ про то, о чемъ я помяну выше.

За Яворовымъ насъ застигли сумерки; мы проѣзжали большое село; въ одномъ мѣстѣ въ немъ хаты отступили полукружемъ по краю крошечнаго озера-лужи, въ ней отражался закатъ, и деревенская дѣвушка, неподвижно стоя на берегу, держала веревку отъ черной коровы, которая пила, не отрываясь, красноватую воду.

Немного дальше опять отступили хаты, на мѣстѣ ихъ стояли, покрывъ упавшими листьями все пространство, огромные клены; за ихъ вѣтвями виднѣлась въ сумеркахъ деревянная церковь со скатами, ярусами и звонницей, старинная, какъ у насъ на дальнемъ сѣверѣ. Здѣсь же, у дороги, молодая баба черпала воду изъ колодца, сзади стояла босой старичекъ, держа прямое коромысло и деревянные ведра на плечахъ.

Теодоръ попросилъ дать его лошадамъ водицы. Баба напоила коней; я протянулъ ей пятиалтынный.

— А за что мнѣ, — спросила она удивленно, — да неужто за воду?

Я сказалъ, что за воду. Баба осмотрѣла монету и спросила еще:

— А то сколько же на наши гроши?

Узнавъ, что это цѣнится въ полкроны, она проговорила тихо:

— А то-жъ панъ неразумный.

Закатъ давно погасъ. Лошади стучали подковами по застывшему шоссе. Мы спускались въ долины, обсаженная ивами; дорога вела на холмы, мимо деревень, спящихъ и темныхъ; миновали крутой курганъ, наверху его стояли двѣ сосны и большой крестъ, на немъ я раз-

личил даже надпись—ночь оказалась свѣтлѣе сумерекъ: не бросая тѣней по всему пространству, сиялъ серебряный свѣтъ. Это былъ сильный туманъ и полнолуніе. Деревья, тумбы, шоссе и телеграфные столбы внезапно появлялись передъ нами и пропадали. Затѣмъ впереди, слѣва, загорѣлся желтый свѣтъ, и сейчасъ же я различилъ сарай, дерево, нѣсколько большихъ бочекъ, между ними высокой костеръ и фигуры солдатъ. Одинъ глядѣлъ въ огонь, другой повернулъ къ намъ голову, опираясь на ружье, третій держалъ въ рукѣ обнаженную шашку, должно-быть, пробую ея жало. Мы въѣхали въ Л.

Пустынная улица привела насъ къ большому, готическому, со стѣнами и контрфорсами, костелу, похожему на замокъ. Церковь эта, какъ повсюду, не была тронута артиллеріей; только у звѣздчатаго окна разорвался, попортивъ стѣну и стекла, случайно прилетѣвшій снарядъ. Австрийцы передъ отступленіемъ начинаютъ обычно стрѣлять куда ни попало изъ своихъ пушекъ, безъ прицѣла и цѣли, и часто бомбы ихъ попадаютъ въ неожиданныя мѣста.

Отъ костела мы повернули на большую площадь, всю сожженную, кромѣ трехъэтажнаго дома, гдѣ помѣщались канцеляріи, этапъ и пр. Въ скудно освѣщенныхъ комнатахъ лежали и сидѣли солдаты, махорочный дымъ ходилъ полосами. У столовъ бойко писали писаря. Ожидая коменданта, здѣсь же стоялъ въ солдатской шинели и башлыкѣ престарѣлый подпоручикъ; онъ только-что прибылъ и, желая объяснить, что ему нужно и кто онъ такой, долго покашливая, разматывалъ башлыкъ; за это его оставили безъ вниманія. Навѣдя справки, мы пошли пѣшкомъ, экипажъ двинулся за ними. Около одного, ярко освѣщеннаго изнутри, дома съ мезониномъ и палисадни-

комъ, передъ широкой лѣстницей стояли на часахъ со штыками два солдата, едва различимые сквозь туманъ и неподвижные, какъ статуи. Мы остановились у рѣшетки, солдаты разомъ повернули къ намъ головы. Черезъ окно я увидѣлъ, какъ отъ двери къ столу прошелъ, нагнувъ голову, нахмуренный генераль. Это былъ самъ Радко. Нужнаго намъ офицера, жившаго неподалеку, мы не застали и поѣхали ночевать въ Красный Крестъ, въ огромная, стоящая за городомъ казармы, гдѣ старшій докторъ предложилъ намъ помѣститься съ врачами неразвернутаго еще Таганрогскаго госпиталя.

Врачи сидѣли въ баракѣ на кроватяхъ; одинъ зѣвалъ, другой при свѣтѣ жестяной лампы писалъ письма, третій возился у печки. Врачи тосковали ужасно. Одинъ принялся ругать писателей и журналистовъ, другой,—вообще жизнь. Когда же все полегли спать и потушили свѣтъ, я понялъ причину ихъ раздраженія. Въ тишинѣ, тамъ въ туманѣ, страшно далеко, погромыхивалъ громъ, иногда чуть-чуть, словно отъ проѣзжей телѣги, дребезжало стекло. Въ тридцати верстахъ шелъ ночной бой по всему берегу Сана.

Утромъ въ столовой, за чаемъ (здѣсь такъ же, какъ и во всѣхъ лазаретныхъ столовыхъ подають обязательные—клюквенный сокъ и голландскій сыръ, нарѣзанный кусочками) съ нами разговорился врачъ, старичекъ, генераль; узнавъ что мы хотимъ предложить въ армію земскій поѣздъ, онъ разволновался и ушелъ. На одномъ концѣ стола старшій докторъ, высоко поднявъ брови, мѣшалъ ложечкой кислый чай; рядомъ съ нимъ—помощникъ, весь скрытый подъ волосами на головѣ, на усахъ, на бородѣ и поверхъ всего этого надѣвшій темные очки, сидѣлъ, какъ ежъ, насупясь, съѣхавъ почти подъ столъ.

На другомъ концѣ молчали невыспавшіяся сестры, съ помятыми и равнодушными лицами. У окна третій докторъ подвязывалъ себѣ шпоры и вполголоса повторялъ: «чортъ, чортъ, эхъ чортъ». Жилкинъ попробовалъ было заговорить, но заросшій докторъ выглянулъ на него изъ-за темныхъ стекла очковъ сердитымъ глазомъ и опять его спряталъ; было ясно, что утромъ не до разговоровъ, а только бы очухаться. Мы вышли на улицу. Было ясно и тепло; нѣсколько оборванныхъ евреевъ счищали лопатами грязь съ мостовой, сваливали у тротуара въ кучи; на порогѣ разрушеннаго дома сидѣла баба съ измученнымъ, равнодушнымъ лицомъ, продавала махорку; проносились автомобили, тянулся поперекъ улицы обозъ. Прошли два австрійскихъ санитаря, ведя хромого, ихняго же, офицера. Во дворикѣ солдаты развели костеръ, варили кашу. Здѣсь, въ тридцати верстахъ отъ боя, былъ мирный, глубокой тылъ.

Вдругъ позади насъ сталъ автомобиль. «Слава Богу, вы еще здѣсь!»—воскликнулъ, подходя, старичекъ-докторъ.—«Садитесь скорѣе, ѣдемъ къ генералу, онъ въ нетерпѣннѣи, послалъ разыскать васъ, во что бы то ни стало».

Генераль, завѣдующій санитарно-эвакуаціонной частью арміи, сидѣлъ въ маленькомъ, жарко натопленномъ домикѣ. Онъ принялъ насъ радостно и сейчасъ же спросилъ, можемъ ли мы предоставить ему хотя бы одинъ поѣздъ въ сутки для эвакуаціи раненыхъ изъ штаба корпуса, т.-е. въ восьми-десяти верстахъ отъ боя,—до главнаго этапнаго пункта. Поѣзда ему нужны крайне, онъ особенно доволенъ, что это—поѣзда земской организаціи. Мы объяснили, что нашъ первый поѣздъ застрялъ въ Радзивилловѣ, на границѣ, и необходимо усиленное содѣйствіе, чтобы ввести его въ дѣло. Генераль сейчасъ же повезъ насъ къ начальнику штаба, затѣмъ къ начальнику хозяйственной части. Здѣсь генералы составили теле-

грамму затребованія поѣзда, и намъ посоветовали съѣздить на станцію Б. въ штабъ корпуса, чтобы на мѣстѣ увидѣть условія, въ которыхъ работаютъ питательно-перевязочные отряды (подобные отряды организуетъ теперь всероссійскій земскій союзъ).

Затѣмъ мы обѣдали въ офицерскомъ собраніи. Здѣсь за двумя огромными столами собрался весь штабъ арміи, то чрезвычайно сложное ядро, откуда по радіусамъ летятъ повелѣнія въ штабы корпусовъ, штабы дивизій, штабы полковъ и далѣе, вплоть до солдата, сидящаго, какъ кротъ, въ окопѣ, въ пятидесяти шагахъ отъ непріятеля и обратно несутся донесенія отъ солдата до командующаго. Штабъ состоялъ изъ молодыхъ, серьезныхъ, здоровыхъ офицеровъ; до прихода начальника штаба они стояли кучками, вполголоса говоря о только что полученныхъ новостяхъ, о близкомъ паденіи Ярослава, о Турціи и проч. Наконецъ, появился въ дверяхъ генераль, строгій на видъ, красивый, еще молодой, небольшого роста,—начальникъ штаба; онъ быстро прошелъ къ своему мѣсту, привѣтствовалъ собраніе; всѣ поклонились и сѣли на скамьи.

Изъ Л. мы выѣхали послѣ полудня. Провожая насъ, старичекъ-докторъ сказалъ таинственно: «Вы ѣдете туда въ самое интересное время,—не сегодня—завтра Ярославъ долженъ пастъ».

Выѣхавъ за городъ, мы услышали легкой трескъ,—надъ нами невысоко летѣлъ монопланъ, держа путь на западъ. У дороги, на столбикѣ, была прибита деревянная рука и на ней надпись: «Ярославъ—30 километровъ».

XIII.

Хотя деревянная рука указывала намъ путь прямо на Ярославъ, но Теодоръ, получивъ частныя свѣдѣнія о дорогахъ, поѣхалъ напрямикомъ и сейчасъ же заблудился между сосновыхъ просѣкъ и орѣховыхъ кустовъ.

Случилось это съ нимъ отъ волненія: сейчасъ же по выѣздѣ мы услышали впереди глухое ворчаніе, словно тамъ на западѣ за тучами кто-то поворачивался съ бока на бокъ, кололся, раскалывался и ухалъ, отдаваясь неподалеку въ сосновомъ лѣсу.

Говорятъ, что пушки «гремятъ»; дѣйствительно издали канонада подобна лѣнивому іюльскому грому, зато вблизи сходство теряется, и можно различать нѣсколько чрезвычайно характерныхъ звуковъ. Но объ этомъ послѣ.

Эти доносимые легкимъ вѣтромъ выстрѣлы были предпослѣднимъ штурмомъ нашихъ позицій, когда на двѣ, одна за другой, тоненькія какъ ниточки, цѣпи русскихъ солдатъ летѣлъ съ зарѣчныхъ горъ ураганъ бризантныхъ снарядовъ, шрапнели, гранаты и ружейнаго и пулеметнаго огня и вслѣдъ, въ перерывы, бѣжали на наши окопы австрійки густыми кучками, разорванными толпами.

Такой же отвѣтный огонь, но болѣе мѣткій, губитель-

ный, съ праваго берега Сана, засыпалъ эти сѣрья бѣгущія колонны, вскидывалъ на воздухъ людей черными разрывами гранатъ, билъ сверху шрапнелью, а избѣгшихъ гибели косили съ лѣваго уже берега пулями и пулеметами засѣвшіе въ глубокихъ окопахъ наши стрѣлки.

Почти никто не добѣгалъ до нихъ, а немногіе достигшіе бросали ружья, прыгали въ окопы и сдавались. Изрытыя поля между нашими и ихними траншеями сплошь завалились трупами въ сѣрыхъ шинеляхъ; раненые боялись двигаться, дожидаясь ночи; иной упавшій безъ памяти или отъ ужаса вдругъ быстро приподнимался и живо лопаткой набрасывалъ себѣ бугорокъ, чтобы вновь лечь за него.

Были батальоны, которыхъ восемнадцать разъ въ этотъ день атаквали австрійки; но общей контръ-атакой мы еще не отвѣчали въ этотъ день.

Было ясно и тепло. Жилкинъ, уже обстрѣланный, побывшій подъ Ивангородомъ, равнодушно переносилъ наше блужданіе, съ удовольствіемъ посматривая по сторонамъ; мнѣ же хотѣлось выскочить изъ коляски, побѣжать напрямикомъ на закатъ, на звукъ канонады.

Тащились мы и по болотамъ, и черезъ пашни, и вдоль сосноваго лѣса, саженаго рядами и чистаго; изъ него пахло грибами и мокрой хвоей; между стволами двигалась баба, неся на плечѣ бревно; красное ея платье и платокъ и бревно попадали то въ пятна свѣта, то въ тѣнь; на опушкѣ старикъ, въ бѣлой свиткѣ съ бараньимъ воротникомъ, шелъ за плугомъ. Жилкинъ восхитился и этимъ. На западѣ ворчаніе усилилось. Тогда я принялся срамить Теодора, онъ же съежился на козлахъ и выразилъ всей своей спиною необычайное стараніе, но лошадей быстрѣе не погналъ.

Только на закатѣ мы отыскали, наконецъ, шоссе; оно проходило чрезъ большое село. У въѣзда по огороженной зеленой полянкѣ скакалъ молодой поручикъ на косма-

той черной лошаdkѣ и точно такую же держать въ воду; сосредоточенно поджавъ безъусыя губы, позвякивая шашкой о стремя, онъ скакалъ по кругу, а мимо шли солдаты, неся на плечахъ носилки; на послѣднихъ у раненаго такъ высоко торчали плечи, что я думалъ—онъ умеръ, но съ подушки вдругъ поднялась его стриженная острая голова, посмотрѣла на скачущаго поручика и опять опустилась.

По всей деревнѣ стучали молотки: здѣсь въ кузницахъ, наскоро сколоченныхъ балаганахъ, ковали и перековывали лошадей. На площади стояли распряженные обозы; солдаты разводили костры. Проскакаль вѣстовой, гулко стуча по твердой землѣ. Мы повернули прямо на закатъ по ровному, обсаженному деревьями, бѣлѣющему въ сумеркахъ, шоссе; вдалекѣ шагомъ двигались разъѣзды,—черные казаки съ алыми башлыками, перекинутыми за спину. Канаода стала слышнѣе. Среди ворчанья иногда вырвались отдѣльные гулкiе выстрѣлы.

Закатъ разлился широко и высоко по небу; дымныя облака поднимались отъ края земли и стояли недвижно, раскинутыя на стороны, залитыя тусклымъ свѣтомъ. Оттуда-то, изъ-за этого дыма (потому что это быть именно дымъ, а не облака), гудѣла и грохотала канаода.

Лошади бѣжали весело. Мы переѣхали по мосту черезъ узкую, глубокою рѣчку; въ ней артиллеристы, сидя верхами безъ сѣделъ, поили коней; рыжія, черныя, пѣгiя лошади стояли по брюхо и по колѣно въ водѣ и пили, опустивъ головы. Миновали хуторокъ, весь кругомъ обставленный двуколками, конями и ярко горящими огнями костровъ; у огня стояли и сидѣли солдаты; въ одномъ мѣстѣ играли на гармоніи, въ другомъ—двое солдатиковъ, подпершись, пѣли про какую-то Танечку; денщикъ въ лейкѣ несъ молоко, а подальше, по пашнѣ, мимо тонкихъ жердей полевого телефона, гуляли два офицера, заложивъ за спины руки.

— Какъ бы намъ поворотъ не пропустить, а то прямо такъ и доѣдемъ до самаго Ярослава,—сказаль Жилкинъ.

Мы проѣхали еще деревню и распряженный, раскинутый обозъ; при выѣздѣ стоялъ камень съ убогимъ на немъ вырубленнымъ маленькимъ Христомъ и надписью по-русски «Спаси, Господи, люди Твоя». Отсюда своротили съ шоссе налѣво, на станцію... За плечомъ я увидѣлъ,—стояла надъ полями высоко ясная, желтоватая, призрачная въ этомъ свѣтѣ луна. Канаода затихала. Гулкiе выстрѣлы раскатывались все рѣже. Наконецъ, впереди загорѣлись костры, освѣщая высокія голыя деревья и солдаты, и палатки. Рѣзко и тонко, не по-нашему, просвистѣлъ паровозъ. Мы свернули налѣво въ грязь, гдѣ, сидя на пыхтающемъ на мѣстѣ автомобилѣ, какой-то чинъ бранился въ пространство, трясъ бакенбардами; освѣщенные тусклыми фонарями появились изъ темноты груды мѣшковъ и ящиковъ, профили платформъ и крыши. Мы вылѣзли у вокзала и спросили доктора Малышева.

На станціи Б. помѣщался въ то время штабъ корпуса. Днемъ отсюда были видны лѣса и предмѣстья Ярослава, лежащаго въ восьми верстахъ по ту сторону Сана; мостъ былъ взорванъ, станція N. передъ нимъ обстрѣливалась шрапнелью; изъ Б. туда ходили поѣзда за лѣсомъ и ранеными, при чемъ паровозъ помѣщался позади, и при обстрѣлѣ удираль съ вагонами на всѣхъ парахъ. Налѣво отъ N. лежалъ замокъ графа Замойскаго, на излучинѣ Сана, въ верстѣ отъ австрійскихъ окоповъ; замокъ этотъ также обстрѣливался день и ночь бризантными снарядами. Направо отъ N. находилась деревня того же названія.

Доктора Малышева мы нашли въ жаркой, натопленной избушкѣ при питательномъ пунктѣ. Онъ сидѣлъ за плитой, согнувшись на стулѣ, и курилъ, и около него, такъ же молча, сидѣли и курили—низенькій фельдшеръ съ огромной черной бородой, уполномоченный Краснаго

Креста, блестящий молодой человек из Петрограда, и его помощник А. Н., очень юный, стройный и англазированный; оба они были в военной форме и держали во рту английские трубки. Малышев поднялся и спросил сурово, что нам нужно. Мы объяснили, что хотели бы знать условия, в которых работают на позициях перевязочные и питательные пункты. «А я думал, опять журналисты приехали»,—сказал Малышев, усмехнувшись.—На днях приехал один, напутал, наговорил, Бог с ним. А коли за делом пожаловали,—милости просим».

Уполномоченный, услышав, что мы—из земского союза, взял свой стул, поставил поближе, съел, касаясь меня колбасками, и принялся меня разсматривать, не выпуская трубки изо рта. Мы подробно объяснили—затем приехали: Жилкин по земскому делу, я же увязался за ним, как драматург, с целью увидеть наместа и написать последний акт новой пьесы. До сих пор не знаю—для чего мы это сочинили: должно быть от волнения, или от несносной жары в накуреном домике. Но вышло очень не складно.

— Все-таки не понимаю, зачем приехали,—сказал Малышев,—ох, знаете, эти писатели, по моему им тут делать нечего, хотя—пойдемте в вагон ужинать.

Усмехнувшись и покачав головой, он вышел. Вышли и мы все. На рельсах молодой А. Н. принялся присядать, вертеться, затем подозвал уполномоченного и сказал ему по-французски:

— Нэт, увѣряю васъ, сегодня я поѣду.

— И опять не дойдете до окоповъ, а шоколадъ и чай привезете обратно,—лѣниво ворочая языкомъ подъ трубку отвѣтил уполномоченный.

— Нэтъ, сегодня дойду. Хотите пари?

— Вы знаете, я никогда не держу пари. Идемте питать наших гостей, мой милый,—отвѣтил уполномоченный, и мы влѣзли въ австрійскій вагонъ перваго класса, гдѣ жилъ весь мужской персоналъ. Въ купѣ намъ принесли шоколаду въ большихъ чашкахъ; затѣмъ пришел еще одинъ докторъ, маленькій, аккуратный, смирный и сонный: ему было все равно, кто мы. Выпивъ шоколадъ, онъ вдругъ зѣвнулъ и извинился, что никакъ не могъ выспаться за эти два дня изъ-за ужасно громкой канонады: отъ нея дрожать стекла, болятъ уши. А едва она затихаетъ, какъ нужно принимать раненыхъ.

— Вотъ услышите, услышите,—сказал Малышев, усмѣхаясь.—Часовъ съ одиннадцати опять начнется и пойдетъ грохотать на всю ночь. А не хотите ли сведу васъ туда? Странное, знаете ли, чувство, когда около шрапнель разорвется, пулька просвиститъ или граната; сложное чувство, засасывающее. Вотъ,—онъ указалъ на А. Н.,—опять собирается въ замокъ Замойскаго. Хотите съ нимъ? Поѣзжайте.

А. Н., небрежно до этого стоящій въ дверяхъ, дернулъ плечами, съелъ и сказалъ сквозь зубы:

— Чортъ васъ возьми, я совсѣмъ не волнуюсь, а просто боюсь; да и вамъ страшно, Малышевъ. А все-таки поѣду, для воспитанія воли отвезу шоколадъ въ окопы.

Онъ посмотрѣлъ на часы и вышелъ.

— Мальчикъ очень нервный, а задору въ немъ больше, чѣмъ нужно,—сказал Малышевъ.—Хотя сколько бы ни волновались и ни трусили, все равно: достаточно услышать полетъ гранаты, какъ вы пойдете туда безъ памяти, а когда начнетъ вратъь шрапнель, точно водоворотомъ засасываетъ,—хочется все поближе, да пострашнѣе, да пострѣе. Странная вещь эта летящая смерть; совѣтую съѣздить поглядѣть...

Докторъ Малышевъ—сибирякъ; у него—некрасивое,

суровое, свѣтлородое лицо; въ разговорѣ онъ усмѣхается только своимъ мыслямъ. Работаетъ много и упорно; иногда на станціи ему поднаваливаютъ раненыхъ тысячи двѣ сразу; иногда,—какъ сегодня, напримѣръ,—на его пунктѣ пусто; тогда онъ нахлобучиваетъ картузь и, широко шагая, нагнувъ голову, отправляется туда, откуда приносятъ ему окровавленныхъ солдатъ, гдѣ по воздуху летаетъ смерть.

Въ бархатномъ купѣ нашемъ горѣли на столѣ двѣ свѣчки, окно запотѣло. Малышевъ нервно и со зломъ рассказывалъ о томъ, что есть безсовѣстные люди, обвиняющіе русскаго солдата въ малодушіи; но не малодушіе, а желѣзное, непреклонное упорство видитъ онъ только у солдатъ.

Уполномоченный курилъ и молчалъ, уставляясь поочередно на каждого изъ насъ большими красивыми глазами; онъ сказалъ только: «Вы знаете, я три недѣли не раздѣвался». Потомъ я узналъ, когда онъ пріѣхалъ въ штабъ арміи, въ удобный чистый домъ, и сказалъ ту же фразу, но легъ спать, не раздѣваясь. Маленькій, смиренный докторъ улыбался, слушая наши разговоры; но едва только приновился подъ шумокъ подремать, какъ опять вошелъ А. Н. и сказалъ поправляя саблю у пояса и револьверъ: «Что же, ѣдете? Лошади готовы».

Выйдя изъ вагона, я не узналъ ночи: повсюду стлался бѣлый, сырой туманъ; луны не было видно, но свѣтъ ея обозначалъ въ бѣловатой этой мглѣ деревья, людей, вагоны; даже поблескивали мыкрые рельсы; огни костровъ и фонарей казались огромными и зыбкими, точно я глядѣлъ на нихъ сквозь воду.

Жилкинъ, А. Н. и я нашли лошадей,—сивую и вороную,—за станціей, сѣли въ двухколесный шарабанъ и ресью выѣхали на дорогу.

Вдоль бѣлой дороги съ обѣихъ сторонъ стояли высокія,

прозрачныя сейчасъ, деревья, касаясь вершинами. Это была подъѣздная трехверстная аллея; она извивалась по луговой низинѣ, застланной туманомъ, и упиралась въ замокъ графовъ Замойскихъ. Съ деревьевъ падали на насъ холодныя большія капли. Солдаты на козлахъ сидѣли согнувшись, не трогая возжами. Внезапно на поворотѣ открылось зарево,—квадратная узкая полоса неба была залита багровымъ свѣтомъ, и въ немъ колыхался одинъ большой языкъ пламени.

— Не замокъ ли горитъ, послушай, солдатъ?—спросилъ А. Н. шопотомъ.

Солдаты посмотрѣли налѣво и сказали:

— То—наши резервы.

И сейчасъ же въ пятидесяти шагахъ появилось то, что мы приняли за далекое зарево: длинная бѣлая стѣна крытая соломой сарая, большой костеръ и лежащія около солдаты.

Дальше попался одинокій солдатъ: онъ медленно шель подъ деревьями, завернувшись въ кусокъ брезента, опираясь на ружье.

— Откуда, какого полка?—крикнулъ ему А. Н., и тотъ отвѣтилъ спокойно: такого-то, оттуда-то, а идетъ съ позиціи за табакомъ.

Въ свѣтящейся мглѣ тумана высокія, тонкія деревья аллеи забѣжали налѣво пологой дугой, казалось, что они поднимались изъ облаковъ—по этимъ облакамъ вилась узкая наша дорога; лошади твердо ступали копытцами; вдругъ А. Н. схватилъ кучера за шинель и громкимъ шопотомъ воскликнулъ:

— Стой! Куда ты? Свороти налѣво, остановись!

Мы вылѣзли изъ экипажа, прошли впередъ немного, изъ тумана появились огромные столѣтніе дубы и вглубинѣ за ними—освѣщенные окна. А. Н. сталъ и прислушался. Впереди слышался рокотъ, точно пересыпали

шарики: это далеко, подъ Ярославомъ, шла ружейная перестрѣлка.

— Я говорилъ, нужно раньше было выѣзжать; мы опоздали, уже началось, — сказалъ А. Н. — Пойдемте въ замокъ? Или не стоитъ, вернемся? Сейчасъ могутъ начать обстрѣль.

Мы все-же вошли на широкой замоковый дворъ, обнесенный дубами; въ глубинѣ, — теперь хорошо видный, — стоялъ древній замокъ, съ двумя крыльями, съ колоннадой посрединѣ, оконченной балкономъ и крутой крышей; наверху всѣ окна освѣщены; передъ балкономъ разбиты, помятыя сейчасъ, увядшія клумбы. Вокругъ чернѣло нѣсколько ямъ, вырытыхъ тяжелыми снарядами. Здѣсь былъ наблюдательный пунктъ и одно время помѣщались раненые. Австрійцы бросали въ замокъ чеходаны день и ночь; нѣсколько снарядовъ попало въ зданіе; одинъ прошелъ сквозь крышу и оба этажа, въ подвалъ, гдѣ и разорвался, убивъ двухъ фельдшеровъ и четырехъ солдатъ.

Встрѣченный на обратномъ пути, въ яворовскомъ госпиталѣ, фельдшеръ былъ раненъ на этихъ клумбахъ спустя часъ, какъ мы ушли. Онъ рассказалъ, что, выйдя на дворъ, онъ даже послушалъ не летитъ ли бомба и только-было успокоился, какъ изъ-за крыши свистнуло вдругъ на него, и справа, сверху, полыхнулъ огонь, свалилъ съ ногъ, изрѣзалъ осколками. Наканунѣ фельдшеръ видѣлъ, какъ черезъ дворъ шель солдатъ; внезапно позади поднялся чернѣй столбъ земли, солдатъ полетѣлъ вмѣстѣ со своимъ ружьемъ на воздухъ; затѣмъ раздался грохотъ, вылетѣли стекла; а когда фельдшеръ опять посмотрѣлъ въ окно, то солдатъ поднимался съ земли, крестился и отряхивался, — такъ иногда неожиданно минуетъ вѣрная смерть.

Въ дверяхъ стояли часовые; мы прошли мимо нихъ въ высокій просторный вестибюль, съ сѣрыми стѣнами, украшенными рогами зубровъ, оленей и козъ; отворили-было

дверь въ пустую, темную залу, но зажигать огня тамъ нельзя, потому что окна выходятъ на позиціи. Затѣмъ заглянули въ круглое зальце, съ лѣпнымъ потолкомъ и колоннами; здѣсь у большого мраморнаго камина передъ огнемъ сидѣли на паркетномъ грязномъ полу казаки въ буркахъ и папахъ. Они обернули къ намъ бритыя, горбоносые лица съ такими усами и такими бѣлыми зрачками, что ихъ можно было принять скорѣе за чертей.

Мы хотѣли пройти наверхъ, въ библиотеку, — говорятъ, тамъ хранились изданія книгъ величайшей рѣдкости, — но часовой остановилъ

Не сегодня — завтра этотъ домъ вспыхнетъ, конечно, отъ ловко пущеннаго снаряда и погибнетъ со своими сокровищами, какъ погибъ на-дняхъ неподалеку роскошный замокъ Сапѣги.

Мы опять вышли на дворъ. Трескотня ружей становилась слышнѣе; она докатывалась до насъ, и мѣстами вливался въ нее дѣловитый и ровный стукъ пулеметовъ. А. Н. не зналъ, какъ быть: пойти ли сейчасъ въ окопы, отнести знакомому шоколадъ и чай, или переждать, или отложить на завтра? Онъ волновался все сильнѣе. Я уговорилъ его отложить. И вдругъ тра-та-та, тра-та-та, защелкали передъ самымъ замкомъ залпы, затихли на минуту, и тогда издалека, изъ зарѣчья, понесся по воздуху шипящій шумъ; со страшной быстротой онъ усиливался, становился все болѣе зловѣщимъ, невыносимымъ, входилъ въ уши, сосредоточивался между глазъ въ одну точку, и вдругъ точно воткнулся въ землю впереди за замкомъ, и грохотомъ потрясъ деревья и воздухъ.

— Надо итти скорѣе, — воскликнулъ А. Н. — обстрѣль началась; это — по замку!

Мы вышли со двора, стали у дубовъ; пронесся второй такой же снарядъ, разорвался; уже по всей рѣкѣ трещали,

все усиливаясь, грохали выстрѣлы; орѣхами разсыпался пулеметь. И вотъ влѣво и позади отъ насъ, совсѣмъ близко, появился ослѣпительный, острый, какъ у свѣчи, языкъ пламени,—исчезъ; рядомъ вспыхнулъ второй, третій, затѣмъ четвертый; всѣ были направлены вверхъ, одинъ за другимъ; затѣмъ долетѣлъ оглушительный ударъ, проникшій въ грудь, голову, точно приколотившій меня къ пространству. За нимъ—другой ударъ, третій, четвертый, и понеслись по воздуху четыре снаряда, крутымъ полетомъ, разрывая небо какъ коленкоръ и удаляясь, и сейчасъ же тамъ, за рѣкой, загрохотали четыре разрыва.

Такъ начали работать наши мортиры. Начался ночной бой. А. Н. торопилъ въ обратный путь. Съ секунды на секунду на этотъ дворъ и межъ дубовъ начали бы падать снаряды. Но нельзя было оторваться отъ этихъ звуковъ, отъ ослѣпляющихъ пламеней. Здѣсь же стоялъ солдатикъ, небольшой, сѣрый, тихонькій: повѣсивъ ружье на плечо. приподнявъ голову немного вбокъ и кверху онъ слушалъ,

— Видишь ты какая штука,—сказалъ на мой вопросъ солдатикъ тихимъ, немного даже таинственнымъ голосомъ.—Я тутъ третій день слушаю: скрипитъ и скрипитъ вонъ въ этихъ деревьяхъ, будто человекъ стонетъ. Что ужъ это такое,—самъ не знаю.

Вслѣдъ за его словами опять полыхнули четыре языка и прогромыхавъ, понеслись, гудя и удаляясь, трехпудовые снаряды въ темноту, въ туманъ, въ австрійскіе окопы. Мы подошли къ лошадямъ. Я оглянулся; едва видный въ туманѣ солдатикъ все еще стоялъ и слушалъ, кто это тамъ скрипитъ.

XIV.

Мы стояли у лошадей и слушали, какъ разгоралась, крѣпла, переходила въ ураганъ пушечная и ружейная канонада. Четыре мортиры полыхали все чаще. Посреди грохота я отчетливо различалъ свистъ полета ихъ гранатъ; дѣйствительно, какъ сказалъ Малышевъ, эти звуки, вспышки огня, присутствіе невидимыхъ сейчасъ, копошащихся неподалеку солдатъ, сознание, что каждое мгновение изъ этой темноты вылетитъ и падетъ среди насъ снарядъ,—все это необычайно возбуждало только, и ни опасности, ни страха никто изъ насъ не чувствовалъ. Возможная смерть въ эти минуты отодвинулась въ отдѣлъ неминуемыхъ случайностей,—и *только*: мы перешли въ эти минуты изъ плоскости повседневной жизни въ героическую, и стали понятны эти стоящія въ аллеѣ тихія, страшно спокойныя, умиротворенныя фигуры солдатъ: одинъ куриль, другой все старался прислушиваться, гдѣ это пищитъ за деревьями, третій посматривалъ, не видно ли въ туманѣ огненныхъ дугъ отъ шрапнелей.

Внезапно канонада стала затихать; замолчали тяжелыя пушки, потомъ полевыя; ружейная трескотня изъ залповъ стала раздѣльной, пересталъ колоть орѣхи пуле-

меть, затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ точно хлестнули бичомъ,—и все затихло.

Подобныя короткія канонады происходятъ иногда по нѣскольку разъ въ ночь. Солдаты крѣпко спятъ въ глубокихъ траншеяхъ, поджавъ ноги, уткнувъ голову въ сырую землю. Часовые, въ дозорахъ и секретяхъ, зорко всматриваются въ темноту, не ползеть ли врагъ, не хотять ли австрійцы тайно, по-воровски, ворваться въ наши окопы

Раздумается солдатикъ въ дозорѣ, или просто померещится быстро прильнувшая къ землѣ тѣнь,—поднимаетъ онъ винтовку и выстрѣлить; сейчасъ же спросонокъ спохватится еще нѣсколько, затрещатъ ружья, раздастся одинокій крикъ,—и пойдетъ по траншеямъ тревога быстро, какъ волна, какъ зарево, будя спящихъ, которые впотьмахъ нащупываютъ жестянки съ патронами, лѣзутъ на прищупочки и палятъ. А когда разгорится ружейный огонь,—пробуждаются пушки. Вотъ грохнула одна изъ-за лѣса, ей отвѣтили залпомъ,—и разгорѣлся бой.

Мы ѣхали обратно по той же бѣлѣющей дорогѣ подъ высокими прозрачными деревьями; съ нихъ падали капли, и была такая глухая тишина, что мнѣ припомнился еще въ дѣтствѣ слышанный разговоръ, будто весь міръ наполненъ шумомъ отъ вертящагося кольца Сатурна, и когда оно перестанетъ вертѣться, тогда наступитъ такая тишина, что всѣ умрутъ.

Отъ этой тишины, отъ сырого тумана у А. Н. сдѣлался ознобъ,—мы его завернули въ бурку,—у меня принялись болѣть всѣ зубы, виски и глаза, Жилкинъ же, какъ человекъ давно обстрѣлянный, только хлопалъ кожаными варежками и посмѣивался надъ нами.

На станціи всѣ уже спали. Купэ, предоставленное намъ на эту ночь, оказалось занятымъ: его обитательницы—

сестры только-что вернулись изъ Львова; свободной оставалась еще одна койка въ отдѣленіи, гдѣ помѣщался маленький, смиренный докторъ. Мы стояли въ проходѣ вагона, и совѣщались, что дѣлать. А. Н. хмурился и кусалъ губы; онъ былъ страшно недоволенъ собой за эту поѣздку: «Одинъ пусть ляжетъ съ докторомъ, а другой—у меня, а я—въ коридорѣ на полу, не раздѣваясь,—мнѣ наплевать»,—сказалъ онъ мрачно.

Маленькій докторъ услышалъ разговоръ, сѣлъ на койкѣ, нѣкоторое время мигалъ на свѣчу, пробуждаясь, затѣмъ, когда очнулся, сказалъ намъ съ ласковой улыбкой: «Сдѣлаемъ такъ: вы оба ляжете у меня, а я—наверху, въ сѣткѣ для чемодановъ». И сколько мы ни уговаривали, маленький докторъ напихалъ въ сѣтку тряпья и одѣялъ, закурилъ папиросу, залѣзъ туда и свернулся калачикомъ: «Гораздо удобнѣе, чѣмъ внизу»,—сказалъ онъ.—И теплѣе, пружинить лучше,—всегда теперь буду спать въ сѣткѣ». Я легъ подъ нимъ, Жилкинъ для чего-то надѣлъ перчатки и устроился—напротивъ. Ночью на меня сваливались то одѣяло, то шинель, то фуражка доктора. На разсвѣтѣ я проснулся отъ дребезжанія стеколь и грохота. Я долго не могъ понять что это, затѣмъ вспомнилъ, что мы на станціи, что идетъ бой, невдалекѣ по берегу рѣки... Но Жилкинъ похрапывалъ, положивъ руку въ кожаной перчаткѣ подъ щеку, а передъ носомъ у меня висѣла нога доктора въ сапогѣ со шпорами; затѣмъ онъ вздохнулъ и принялъ ее на мѣсто.

Поднялись мы въ 9-мъ часу. Въ вагонѣ было холодно; въ купе рядомъ разговаривали. Одинъ голосъ упрашивалъ: «Батюшка, вставайте вы, ей-Богу».—«Оставьте меня, я нездоровъ»,—отвѣчалъ другой голосъ, ударяя на о. «Кто же спитъ до сихъ поръ,—смотришь противно».—«Оставьте говорю,—я нездоровъ»,—отвѣчалъ голосъ.

Черезъ стеклянную дверь я заглянулъ къ А. Н.; онъ

спать, завернувшись съ головой въ спальный мѣшокъ; здѣсь же была приколата записка: «Покорнѣйше прошу доктора Малышева не шумѣть въ проходѣ до десяти часовъ утра. Помощникъ уполномоченнаго А. Н.».

Солнце, вставшее за рѣкой лѣвѣе Ярослава, было еще подернуто туманомъ; туманъ завѣшивалъ прибрежныя лѣса, и въ низинахъ лежалъ—густой и бѣлый. Отъ станціи отошелъ, дымя и свистя, поѣздъ на позиціи, за ранеными. Срава подъѣзжалъ обозъ; одна телѣга накренилась и вдругъ перевернулась въ канаву; лежавшій на ней обозный покотился вмѣстѣ съ мѣшками, успѣвъ крикнуть: «Ахъ ты... пропасти на тебѣ нѣтъ!» Двое солдатъ обернулись къ нему и засмѣялись. Выстрѣловъ не было слышно; только говоръ обозныхъ, ржаніе лошадей да крѣпкая ругань изъ-за вагона, да свистки, да громаханіе желѣза.

— Жалко, что туманъ сейчасъ,—сказалъ докторъ Малышевъ, подходя къ намъ.—Во время боя надъ тѣми лѣсами ужасно красиво появляются дымки отъ шрапнели въ чистомъ небѣ и тають. Странно, странно почему сегодня молчатъ. Не готовится ли серьезное событіе,—вотъ что я думаю.

Онъ предложилъ намъ использовать затишье и свободное время и проѣхать поближе къ позиціямъ, посмотрѣть на Ярославъ. Когда мы сѣли въ экипажъ и двинулись на Ярославское шоссе, онъ сообщилъ нѣкоторыя нужныя данныя относительно доставки раненыхъ съ позиціи на перевязочный пунктъ. Самое тяжелое для раненыхъ, это — попасть съ поля сраженія на перевязку

Ярославскимъ шоссе мы продвинулись верстъ шесть, миновали, наконецъ, лѣсъ и выѣхали на просторное поле. Туманъ поднялся, и солнце ясно свѣтило намъ въ глаза,

застилая дали голубоватой мглой. Вдали, черезъ равнину, шли одинокія очень высокія деревья; за ними лежала эта мгла, и дальше опять линія деревьевъ и опять мгла, похожая на разлившіеся воды, изъ которой выходили синеватые лѣса, а за ними—едва видныя горы, а еще дальше, еще выше, сіяло осеннее, спокойное солнце.

Мы оставили лошадей, пошли пѣшкомъ къ деревнѣ N.; но когда осталось до нея не больше версты, направо отъ насъ, за лѣсомъ, прогрохотало четыре тяжелыхъ выстрѣла; наискось оттуда, на Ярославъ, пронеслись тяжелые снаряды и глухо разорвались въ синей дали.

— Ну что?—сказалъ Малышевъ, раздувая ноздри.— Какъ летятъ хорошо? Пойдемте туда, а?

Жилкинъ заупрямился было; ему очень хотѣлось попасть въ деревню и дожидаться обстрѣла ея, чтобы прямо наощупь испытать, какъ рвутся шестидюймовые чемоданы; но мы уговорили его пойти направо, туда гдѣ завязывается бой, въ деревнѣ же, очевидно, было все спокойно.

Но докторъ Малышевъ жестоко ошибался: когда мы отошли вправо по кочковатой низинѣ, до слуха долетѣлъ далекій шумъ голосовъ; мы обернулись къ деревнѣ; оттуда кричали что-то, упирая на «а».

— Это «ура»,—сказалъ Жилкинъ.—Идемъ туда скорѣе!

Малышевъ долго всматривался въ деревья, въ соломенные кровли, въ легкой профиль деревенской церкви; направо отъ насъ заработала кромѣ mortarъ еще и полевая батарея; впереди, вдоль рѣки, легко и весело защелкали выстрѣлы.

— Знаете, что это?—сказалъ докторъ.—Благодарность отъ Командующаго читають по ротамъ. Слышите, опять «ура». Пойдемъ лучше на выстрѣлы, прямо до берега, куда сможемъ.

Мы такъ и сдѣлали. Но докторъ Малышевъ опять ошибся. Спустя недѣлю я услыхалъ отъ очевидца, что это былъ

за крикъ въ верстѣ отъ насъ. Въ деревнѣ N. и передъ ней въ траншеяхъ сидѣлъ нашъ полкъ. Пользуясь затишьемъ, въ обѣденный часъ, солдаты вышли изъ окоповъ, разбрелись по избамъ и по дворамъ, чтобы перекусить у огонька, обсушить портянки; но когда къ часу дня вернулись, то нашли окопы свои занятыми австрійцами; былъ отданъ приказъ взять старыя позиціи, и солдаты, негодуя на такое коварство австрійковъ, попользовавшихся мирнымъ часомъ отдыха, бросились на нихъ безъ единого выстрѣла въ штыки, и никто больше не ушелъ за Сань и не былъ взятъ плѣннымъ.

Черезъ кочковатое поле мы шли прямо на небольшой лѣсокъ; за нимъ земля обрывалась къ рѣкѣ, и по гребню торчали колья проволочныхъ загражденій; мимо нихъ двигались люди, проѣхало нѣсколько телѣгъ; направо же, изъ-за лѣсистой деревни мѣрно и тяжело громыхали мортиры и неслись, теперь уже черезъ наши головы, гулки снаряды.

Вдругъ Малышевъ хлопнулъ ладошами и сказала «Кышъ»,—изъ-подъ его ногъ, изъ-за кочки, выскочилъ сѣрый заяцъ, не спѣша поскакалъ къ лѣсу, заложивъ одно ухо. Небольшой лѣсокъ оказался засѣлкой, т. е. онъ былъ порубленъ со всѣхъ сторонъ въ глубину на нѣсколько сажень и по сваленнымъ деревьямъ оплелъ проволочкой. Здѣсь выскочилъ еще одинъ заяцъ, а за нимъ сразу поскакали два, вилкой, въ разныя стороны; зайцы лежали до послѣдней возможности на теплыхъ своихъ, изъ травы и моха, тюфячкахъ, за кочками, не обращая вниманія на пушки.

Сейчасъ же за проволочными загражденіями находился сильный фортъ, оставленный австрійцами; колючія проволоки со влпегенными въ нихъ острыми согнутыми стержнями были разорваны. Мы прошли черезъ траншею, взобрались на брустверьъ и сѣли. Передъ нами, вер-

стахъ въ трехъ, на горахъ, по ту сторону, раскинулся Ярославъ. Были ясно видны двѣ квадратныя высокія башни стараго костела, острые купола, черепичныя крыши домовъ, темныя линіи улицъ, деревья, сады, водопроводная башня. Ближе къ намъ поднималось нѣсколько заводскихъ трубъ, направо же и налѣво раскинулись лѣса, замыкаясь подковой позади насъ. Изъ этой подковы сей-часъ отовсюду били пушки, гранаты уносились черезъ насъ къ подножію стараго синяго города. Внизу же, у ногъ, передвигались по полю отдѣльныя фигуры солдатъ. Застучалъ въ тѣхъ мѣстахъ дѣловито и расторопно пулеметь и затихъ; сейчасъ же надъ мѣстомъ, гдѣ онъ только что раскололъ тысячу своихъ орѣховъ, появился высоко въ ясномъ небѣ красный огонекъ, и затѣмъ расплылось плотное бѣлое облачко; надъ нимъ тамъ же возникло второе и повыше—третье; они медленно растаяли, а пулеметь уже трещалъ озабоченно въ другомъ мѣстѣ, поближе къ намъ, и вновь надъ нимъ вспыхнули три огонька, расплылись три бѣлыхъ облачка.

Пулеметь—самое страшное, самое губительное оружіе: одинъ человѣкъ можетъ утащить его и въ нѣсколько минутъ выкосить цѣлый полкъ; пулеметь представляется мнѣ, какъ ядовитое, сѣренькое насѣкомое, попавшее въ комнату, полную народа; всѣ знаютъ, что оно здѣсь, и ждутъ, чтобы пискнуло, и кидаются на пискъ, чтобы раздавить его, оно же пролетѣло неслышно вдоль стѣны и, грозитъ изъ другого угла. Такъ и пулеметь,—протрещитъ, осыплетъ пулями, и поспѣшно снимается на другое мѣсто, а туда, гдѣ онъ только-что былъ слышенъ, поворачиваютъ жерла пушекъ и дула ружей и бьютъ съ остервеніемъ, засыпаютъ огнемъ уже пустое мѣсто.

Шрапнельные дымки, гоняся за пулеметомъ, приблизились къ намъ шаговъ на триста, и тогда изъ мѣстъ, осыпаемыхъ пулями, ушло нѣсколько крестьянъ, уводя

лошадей и телѣги. Мужики, бабы и дѣти пахали по всей этой равнинѣ, выкапывали картофель, равнодушные къ пушкамъ и войнѣ, точно тѣ сѣрые зайцы, и хотя постоянно доставляютъ въ лазареты раненыхъ крестьянъ, все же они продолжаютъ работать подъ пулями и шрапнелью, потому что не все ли равно, отъ чего умереть: отъ голода или отъ пушки.

Жилкинъ все еще ждалъ, что насъ замѣтятъ съ австрійскаго наблюдательнаго пункта,—съ двухъ квадратныхъ башенъ костела,—и начнутъ обстрѣливать. Но, должно-быть, австрійцамъ было не до этого форта. Они знали, что N-ная армія обходитъ ихъ лѣвый флангъ (но она уже обошла и заходила въ тылъ), и готовились послѣднимъ и страшнымъ усиліемъ прорваться впередъ сквозь наши цѣпи. Въ 6 часовъ вечера начался съ ихъ стороны ураганный огонь, а затѣмъ они пошли въ атаку такими густыми, нескончаемыми колоннами, что пушки и пули не успѣвали истреблять людей, переползающихъ черезъ трупы, возникающихъ цѣпь за цѣпью, передъ окопами; тогда наши солдаты выкарабкивались изъ траншей, бѣжали навстрѣчу и втыкали штыки въ этихъ не помнящихъ людей съ открытыми ртами, съ глазами, налитыми кровью. Оба берега Сана были засланы дымомъ, и земля дрожала отъ сплошного рева пушекъ и разрыва гранатъ; вспыхнули двѣ деревни на берегахъ; соломенные кровли горѣли какъ свѣчи, высоко поднимая языки пламени въ безвѣтренныхъ сумеркахъ, освѣщая копошащимся внизу людямъ ихъ послѣднюю работу. Къ 11-ти часамъ вечера всѣ атаки отбиты, наши вернулись въ окопы; сейчасъ же всѣ стали курить,—многіе заснули. Настала тишина, глухая и торжественная, догорѣли пожарища; рѣку, и низину, и живыхъ, и мертвыхъ затянуль туманъ, сверху залитый луннымъ свѣтомъ.

Въ полночь намъ былъ отданъ приказъ открыть огонь,

и начался нашъ общій штурмъ; онъ продолжался всю ночь и утро. Австрійцы были выбиты, опрокинуты и побѣжали. Тогда по всему нашему волнующемуся фронту поднялся крикъ: то, уже не въ силахъ болѣе преслѣдовать, орали солдаты: «Кавалерію, кавалерію впередъ!». И тогда-то изъ резервовъ въ угонъ разбитой арміи прошла на полныхъ рысяхъ знаменитая N-ная дивизія генерала К. Такъ былъ взятъ Ярославъ.

ОТЪ ЛЬВОВА ДО КАРПАТЪ

XV.

Страя торпеда въ сорокъ лошадиныхъ силъ вынесла меня на стрыйское шоссе и разстояніе отъ Львова до Стрия покрыла въ пятьдесятъ пять минутъ. Дороги здѣсь отличныя,—широкія и ровныя,—не то что ведущія на сѣверъ. Тамъ, на сѣверѣ Галиціи,—скудная земля, частыя, убогія деревеньки, глухое, забитое населеніе. На югъ же отъ Львова, у подножья Карпатъ, лежатъ промышленныя районы, богатые города и горныя курорты. Да и война здѣсь была не столь жестока; только въ Николаевѣ да въ Старомъ Самборѣ я видѣлъ разрушенныя дома.

Николаевъ—небольшой городокъ съ чрезвычайно сильными позиціями, расположенными на горахъ, за колючими проволоками; мостъ взорванъ, починку его кончаютъ, и черезъ быструю рѣку приходится ѣздить съ боку, по узкой линеечкѣ понтона, дрожащаго и зыбкаго. Автомобиль идетъ съ такой скоростью, что, кажется, столбы, ивы, шоссейныя тумбы и мерзлыя поля сами несутся навстрѣчу и пролетаютъ, раздвигаясь, а торпеда, пыхтя и дрожа, какъ въ лихорадкѣ, стоитъ на бѣлой дорогѣ, и только шелкаетъ и треплется впереди бѣлый флажокъ.

При такой скорости я думалъ, что буду часто встрѣ-

чать людей, войска, обозы; но до Стрыя и отъ Стрыя до Дрогобыча и оттуда на запад до Новаго Самбора дорога была совсѣмъ пуста, прямая, съ ивами по сторонамъ, бѣгущая черезъ волны холмовъ и долинъ. Только встрѣтили телѣгу съ одной лошадежкой по правой сторонѣ дышла; въ телѣгѣ сидѣли двое: одинъ покрикивалъ на лошадежку «ой-та», другой шипѣлъ на нее «ши», а позади лежала розовая сонная свинья. Да встрѣчали еще маленькія телѣжки, полныя скарба; ихъ тащили женщины и дѣти, упираясь грудью на перекладину дышла. А ночью я видѣлъ, какъ появлялись въ сферѣ нашихъ огней такія же телѣжки, неподвижно стоящія съ боку шоссе съ поднятыми оглоблями; женщины и дѣти сидѣли въ нихъ, закутавшись, ожидая на холодною вѣтру утра.

Стрый—чистый и опрятный городъ; повсюду въ немъ вывѣшены суровыя, вплоть до веревки, правила о томъ, чего нельзя дѣлать; здѣсь имѣются огромныя желѣзнодорожныя мастерскія; рабочіе,—до тысячи человѣкъ,—умираютъ отъ голода; одинъ казачій полковникъ выхлопталъ ссуды и разрѣшеніе и поставилъ на работу,—дѣлать необходимыя сейчасъ для Галиціи теплушки,—сто человѣкъ, но полковникъ боится, что, едва только его переведутъ изъ Стрыя, мастерскія опять стануть. То же онъ сдѣлалъ и въ Станиславовѣ; во время отступленія изъ Станислава австрійскія власти сняли съ механическихъ станковъ главныя части, нагрузили ими три вагона и хотѣли увезти, но мѣстный инженеръ-полякъ, понимая, что такое обезоруживаніе мастерскихъ отдастъ на голодную смерть полторы тысячи рабочихъ, отцѣпилъ въ послѣднюю минуту эти три вагона, и австрійцы, не замѣтивъ, уѣхали безъ нихъ.

Дрогобычъ—на юго-западъ отъ Стрыя, совсѣмъ уже европейскій городъ; на широкихъ, освѣщенныхъ электричествомъ улицахъ—прекрасныя дома и красивыя виллы;

кое-гдѣ надъ воротами виситъ англійскій флагъ; это—заводскій городъ, гдѣ нефть, идущая самотекомъ изъ Борислава, перерабатывается на вазелинъ, бензинъ и проч.; здѣсь же стоятъ большіе, спиртоочистительные заводы.

На югъ отъ Дрогобыча видна синяя полоса Карпатъ. Мы устремляемся туда; дорога портится, становится люднѣе, но не видно еще ни обозовъ, ни войскъ.

У подшвы и по склонамъ Карпатъ раскинулся грязный, черный Бориславъ. Деревянныя квадратныя, какъ обелиски, нефтяныя башни торчатъ повсюду, гдѣ только можно приткнуться; ихъ нѣсколько тысячъ, и у каждой есть названіе, написанное большими буквами на воротахъ. «Королева нефти» или «Черная звѣзда», или «Гордость Баку», или просто «Каролина». Нефтью покрыто все дно обмельѣвшей широкой рѣчки съ торчащими, словно обугненными, сваями; нефтью пропитана глубокая грязь на улицѣ, деревянные, гнилые троттуары; нефтью и грязью забрызганы облупленныя стѣны низенькихъ домишекъ, висящія на одной петлѣ двери, разбитыя стекла покривившихся оконъ, и вдоль этихъ одноэтажныхъ прогнившихъ домиковъ по грязи и нефти двигается густая, такая же черная и грязная, толпа; повсюду гдѣ возможно расклеены пестрыя афиши о пароходахъ, табакѣ, о проѣзжемъ фокусникѣ, и пр.; здѣсь были уже русскіе, затѣмъ австрійцы, и вновь Бориславъ занятъ нашими войсками.

Автомобилу кланяются всѣ, предупредительно вѣжливо; видно, что рабочее населеніе привыкло къ превратностямъ и смотритъ на нихъ какъ на зрѣлище; полиція—въ австрійской формѣ и тоже весьма предупредительна.

Навстрѣчу намъ по улицѣ ѣдутъ верхами два офицера; позади ихъ—трубачъ; на нашъ автомобиль они посмотрѣли съ удивленіемъ. Мы спрашиваемъ, гдѣ дорога на Турку; офицеры останавливаются; одинъ помоложе, черноглазый и смуглый, придвигается поближе, проситъ, чтобы

я погладил строгую буланую голову его лошади, иначе она не захочет стоять; затѣмъ онъ спрашиваетъ, зачѣмъ намъ понадобился Турка. Я говорю, что мы хотимъ туда съѣздить. Тогда офицеръ вынимаетъ ноги изъ стремянъ, упирается колѣнками въ конскую шею и начинаетъ смѣяться до слезъ. Его товарищъ, корнетъ-французъ, отбывающій эту войну въ русскомъ полку, тоже улыбається, глядя на насъ и на своего пріятеля...

— Какъ же вы хотите поѣхать въ Турку?—наконецъ говоритъ черноглазый офицеръ.—Въ Туркѣ—австрійцы, честное слово, и здѣсь, въ горахъ, тоже австрійцы сидятъ. Видите переваль, тамъ наши послѣдніе разѣзды.

Офицеры такъ смѣялись, что намъ стало совсѣмъ неловко, затѣмъ они взяли съ насъ слово, что мы заѣдемъ въ полкъ, стоящій неподалеку, ближе къ перевалу, сказали, что не прощаются, потому что отпущены не надолго,—къ парикмахеру побриться,—и на рысяхъ отъѣхали по улицѣ.

Трубачъ затрусилъ позади; по его спинѣ, съ трубой поперекъ, по тому, какъ онъ трясся на лошади, видно было, что онъ тоже сильно потѣшался надъ глубоко штатскими людьми, которые взяли и поѣхали въ Турку.

Офицеры N—го полка стояли въ небольшомъ низенькомъ домикѣ, окруженномъ садомъ, у самой дороги; въ саду, у коновязей, жевали сѣно буланья лошади, ходили гусары, въ короткихъ нагольныхъ полушубкахъ, въ бываломъ уже снаряженіи, въ картузахъ, набекрень, народъ молодой, здоровый и веселый; у деревьевъ пачками прислонены пики. Въ домѣ насъ встрѣтилъ командиръ полка и офицеры. Въ низенькихъ комнатахъ было тепло, повсюду лежали и висѣли ковры, на окнахъ въ горшкахъ какіе-то цвѣточки; командиръ полка, еще молодой, съ прекрасными, мягкими глазами, привѣтливо усадилъ насъ, не разспрашивая, за чѣмъ мы ѣдемъ и куда,—попросилъ рассказать только новости. Принесли чай, наливку и

бисквиты; офицеры сейчасъ же развернули привезенныя нами газеты. Здѣсь жили какъ въ лѣсу, зная только о стычкахъ и дѣлахъ на перевалѣ; и хотя само званіе гусара, казалось, обязывало его, по старымъ традиціямъ, волочиться за женщинами, гремѣть саблей, пить венгерское, лихо заламывать углы у картъ; но здѣсь ничего этого не было; гусарская семья жила тихо и серьезно, ожидая крупныхъ дѣлъ, а пока молодые офицеры работали по полку, приводя его въ порядокъ послѣ трудныхъ сентябрьскихъ переходовъ, дежурили поочереды въ разѣздахъ и дозорахъ на перевалѣ, гдѣ каждый день завязывались мелкія стычки и бывалъ кто-нибудь убитъ.

Услышавъ про Турку, свѣтловолосый, совсѣмъ еще юный корнетъ, въ кожаной курткѣ, не выдержалъ и фыркнулъ въ газету; командиръ посмотрѣлъ на него съ укоризной, затѣмъ, обратясь къ намъ, посоветовалъ, что если мы хотимъ посмотрѣть Карпаты, то можемъ доѣхать на переваль до послѣдняго разѣзда и кстати захватить съ собой фыркнувшаго корнета: ему время итти въ очередь.

Мы такъ и сдѣлали. Офицеры и командиръ провожали насъ до воротъ. Автомобиль полнымъ ходомъ пошелъ въ горы по шоссеиной дорогѣ, которая вскорѣ начала извиваться все выше и выше по краю обрыва, подъ вѣковыми, темными соснами.

По гребнямъ и острымъ хребтамъ росли эти вѣковыя сосны. Въ глубокихъ оврагахъ, срывающихся у самой дороги, видна была коричневая и красная листва чернолѣся. Солнце садилось. Внизу, надъ Бориславомъ, и по всей широкой равнинѣ лежалъ уже туманъ; бѣлые его клубы поднимались изъ пропастей, и послѣдній свѣтъ солнца лежалъ на острыхъ, черныхъ и косматыхъ вершинахъ сосенъ.

Вдоль дороги валялись кое-гдѣ конскіе трупы. Послѣднимъ широкимъ взмахомъ дорога вынесла насъ на

переваль, и мы увидѣли корчму и около нея спѣшенныхъ кавалеристовъ, а изъ кустовъ въ это время выскочилъ на дорогу солдатъ, съ откинутой за спиной пикой, осадилъ буланого коня, сѣвшаго на заднія ноги, поднялъ руку и крикнулъ: «Стой! Дальше нельзя!»

— Ну, что еще опять, развѣзды?—спросилъ нашъ корнетъ.

— Австрійская пѣхота, ваше благородіе,—отвѣтилъ солдатъ.

Мы вылѣзли, поздоровались съ дежурнымъ корнетомъ; оказалось, что внизу, въ оврагѣ, шагахъ въ пятистахъ, застѣла австрійская пѣхота; извѣстіе это было неприятное: для коннаго проѣзда имѣлась всего одна шосейная дорога, и на ней каждый день встрѣчались и перестрѣливались наши и австрійскіе гусары; пѣхота же могла свободно по оврагамъ обойти корчму и ударить въ тылъ. Корнетъ, спросилъ, куда посланы секреты и дозоры, затѣмъ вылѣзъ изъ автомобиля, потопалъ ногами и познакомилъ насъ со своимъ товарищемъ, небольшого роста, со свѣтлыми отчаянными глазами, одѣтымъ въ помятую фуражку и грязный сѣрый плащъ, застегнутый на воротникѣ. Солдаты стояли поодаль въ коротенькихъ своихъ полушубочкахъ, посматривали съ любопытствомъ на автомобиль, его появленіе здѣсь, среди однообразія и скуки развѣздной жизни, было необычайно.

Я думалъ, что офицеры будутъ совѣщаться, какъ поступить съ пѣхотой: ударить ли на нее, или вообще привести себя въ оборонительный видъ, но объ австрійцахъ, казалось, никто уже больше не думалъ. Было совсѣмъ тихо; одиночные выстрѣлы внизу прекратились. Похрустывали лошади у коновязей за корчмой. На крылечкѣ неподвижно стояли солдаты; офицеры негромко разговаривали съ моими знакомыми; я оглянулся на западъ, и только теперь увидѣлъ величіе и дикую красоту Карпатъ.

Гряды высокихъ, острыхъ и лѣсистыхъ хребтовъ уходили во мглу, закатный свѣтъ залилъ теплотой широкаго своего зарева туманы, блѣдными ключьями несущіеся между горъ, еще яснѣе, но теперь точно призрачныя выступали на свѣтѣ дымнаго заката очертанія сосенъ. Говорятъ, дальше, на югъ, вершины горъ выше и круче, тамъ уже лежатъ снѣга...

...«Весь вздрогнулъ онъ, когда уже показались близко передъ нимъ Карпатскія горы и высокій Криванъ, накрышій свое темя будто шапкой сѣрой тучей; а конь все несся и уже рыскалъ по горамъ. Тучи разомъ очистились, и передъ нимъ показался въ страшномъ величій всадникъ... Онъ (колдунъ) силится остановиться, крѣпко натягиваетъ удила; дико ржалъ конь, поднимая гриву, и мчался къ рыцарю. Тутъ чудится колдуну, что все въ немъ замерло, что недвижный всадникъ шевелится и разомъ открылъ свои очи, увидѣлъ несчагося къ нему колдуна и засмѣялся... Все это не могло не припомниться тамъ, откуда, вышли славянскія племена, куда вернулись они послѣ столькихъ вѣковъ.

Заночевали мы въ Новомъ Самборѣ въ пятиэтажной, огромной и грязной гостиницѣ, гдѣ было холодно какъ на морозѣ.
Новый Самборъ—очень большой, благоустроенный торговый городъ. Тамъ много старины, но, проѣзжая, я видѣлъ только памятникъ Костюшки, стоящаго, какъ всегда, съ поднятыми глазами и мечомъ, прижатымъ руками къ груди.

На утро мы узнали, что Турка нами взята и рѣшили все-таки добраться туда черезъ Старый Самборъ. Дорога до него, уже избитая и попорченная, была сплошь покрыта обозами. Шли артиллерійскія двуколки съ сѣномъ, телѣги, воза, городскіе экипажи, пушки и зарядные ящики, затѣмъ на пятнадцать верстъ растянулся понтонный обозъ. Вдоль

дороги стояли открытыя, на четырехъ колоннахъ, часовенки съ круглымъ куполомъ и статуей Божіей Матери подъ нимъ; съ лѣвой стороны синѣли Карпаты; направо, по живописнымъ склонамъ и у ихъ подножій, разбросаны деревеньки, церкви и хутора. Скакали ординарцы; сбоку дороги слабосильная команда хворостинами гнала коровъ. Вся это живая, крикливая, скрипучая рѣка людей, скота и экипажей двигалась на западъ, вслѣдъ нашей теперь уже третій день стремительно наступающей арміи.

Много лошадей падало по пути. Я видѣлъ одну лежащую, поджавъ ноги, близъ шоссе; голову съ вытянутой нижней губой она опустила до земли; глаза ея, прикрытые вѣками точно козырьками, были такіе усталые, словно ей ужасно хотѣлось спать; около стоялъ солдатъ, печально глядя на умирающую лошадь, подальше лежала другая на боку, закинувъ голову, и часто принималась жевать, а изъ ноздрей ея текла струя крови.

Мы пробирались между обозами страшно медленно, и все же встрѣчныя лошади взвивались отъ ужаса на дыбы, шарахались въ сторону. На поворотѣ передъ носомъ торпеды очутился казакъ; вороной его конь, вытянувъ шею, вытянувъ переднія ноги, сталъ садиться, храпя и глядя на насъ, затѣмъ тряхнулъ головой, взвился и помчался по полю вмѣстѣ съ прильнувшимъ къ шеѣ казакомъ.

Изъ Старого Самбора австрійцы были выбиты всего три дня назадъ. Бои здѣсь были упорные и долгіе; неприятель занималъ сейчасъ же за городомъ сильныя траншеи. Городъ былъ грязный, полуразрушенный и полонъ народа, обозовъ и войскъ.

Мы проѣхали на австрійскія позиціи; по пути на улицѣ лежали въ грязи двѣ со сломанными колесами телѣги; въ нихъ, полуприкрытые сѣномъ, сидѣли раненыя австрійцы; трое были повернуты къ намъ спиной, сутулые и неподвижные; четвертый, облокотясь, равнодушно разсматривалъ

идущую кавалерію; а пятый лежалъ навзничъ; онъ встрѣтился со мною большими внимательными, темными глазами, страшно ввалившимися; лицо его было желтое какъ воскъ. Проѣзжая черезъ часть, я опять поглядѣлъ ему въ глаза; они были такіе же круглые, но уже точно не видящіе; во рту онъ держалъ сигару; около стоялъ врачъ проходящаго черезъ городъ батальона.

Когда не хватило бензина и пришлось въ третій разъ опять проѣзжать черезъ Старый Самборъ, я увидѣлъ въ сумеркахъ тѣ же сломанныя телѣги и сидящихъ въ нихъ неподвижно сторбленныхъ австрійцевъ; но тотъ, лежащій навзничъ, уже не встрѣтился со мной глазами, онъ ихъ полуприкрылъ сонными вѣками, такъ же какъ давешняя лошадь, телѣгу тряхнула проѣзжая двуколка,—голова его замоталась.

Австрійскія траншеи за Старымъ Самборомъ шли полукругомъ по лбу очень высокаго, крутого холма и внизу были обнесены колючей проволокой. По обрыву, по скользкой глинѣ, едва можно было взобраться наверхъ, но наши солдаты, подъ огнемъ пулеметовъ и ружей, накопили и здѣсь небольшія ямки, доходящія до австрійцевъ почти вплоть. Стрѣляли совсѣмъ въ упоръ. Австрійцы держались, какъ всегда, до изнеможенія.

Подходя къ траншеямъ, я увидѣлъ глубокія ямы, отъ взрыва нашихъ бризантныхъ снарядовъ, вся земля вокругъ была истыкана, изодрана, покрыта стальными осколками. За валомъ, аккуратно сложеннымъ изъ пластовъ земли, съ квадратными бойницами, шла глубокая и узкая канава, кое-гдѣ прикрытая сверху блиндажами; изъ канавы сдѣланы еще болѣе узкіе выходы въ неглубокія круглыя ямы; очевидно, австрійцы устраивались здѣсь надолго и заботились о чистоплотности. Дно траншей покрыто соло-

мой; въ углубленіяхъ нишь валяются тюфяки изъ соломы и тряпья. На стѣнахъ траншей повсюду пятна крови, а на гребняхъ, очевидно, тамъ, гдѣ прислонялась голова, — большія уже заскорузлыя лужи. Повсюду обрывки одеждъ, шапокъ, сорванные бинты, обломки ружей, обгорѣвшіе остатки ружейныхъ прикладовъ, изъ которыхъ австрійки разводили костры, свѣжо содранныя телячьи кожи, гильзы и стаканы снарядовъ. Я споткнулся на башмакъ, изъ котораго торчала кость ноги; долго разсматривалъ разбитый и брошенный пулеметъ. Подальше, на самомъ вер-ху горы, стоялъ большой новый крестъ. Вдалекѣ шата-лось нѣсколько любопытныхъ солдатъ, да какой-то вы-сокій, сутулый старикъ въ сюртукѣ медленно проходилъ по траншеямъ, нагибался, подбиралъ что-то, совалъ въ большой мѣшокъ.

На обратномъ пути мы разыскали, наконецъ, родзян-ковскій отрядъ всероссійской земской организаціи. От-рядъ укладывался и грузился на телѣги, чтобы слѣдо-вать за наступающей арміей. Три дня врачи, сестры и санитары работали въ самомъ огнѣ, прикрытые отъ пуль и шрапнелей только каменной стѣной, въ которую слу-чайно не попала ни одна граната.

Въ Стрыгѣ мы были вечеромъ и заѣхали въ ресторанъ— перекусить. Въ большой залѣ было тепло, шумно и дымно. Игралъ струнный оркестръ; у столиковъ сидѣли офицеры и такіе же проѣзжіе, какъ мы; мѣстные молодые люди стукали билліардными шарами. Лакей, похожій на таксу, разносилъ пиво.

Вдругъ наружная дверь отворилась, влѣтѣло облако морознаго пара и съ нимъ вошла маленькая дѣвочка пяти лѣтъ, въ кенареечной рубашкѣ, съ голыми колен-ками и руками, въ смѣшномъ колпачкѣ на русыхъ воло-сахъ. Дѣвочка несла раскрашенную подставку съ попе-речиной; сдѣлавъ ручкой она сейчасъ же постаралась

влѣзть на подставку, чтобы перевернуться внизъ голо-вой. Но старый, высокій, казачій офицеръ вскочилъ сейчасъ-же, воскликнулъ—«какое безобразіе» и сунулъ дѣвочкѣ въ морозную лапку три рубля; дѣвочка тогда, ни на кого ни глядя и молча, обошла всѣхъ насъ, кивнула головой и вновь пропала въ томъ же морозномъ облакѣ за хлопнувшей дверью.

ВЪ ОКОПАХЪ

Въ четырехколесный и низкій, ободранный внутри, австрійскій вагонъ перваго класса вошелъ молодой офицеръ, неся въ рукахъ свертки изъ бѣлой бумаги; одѣтъ онъ былъ въ кожаную куртку, безъ погонъ, въ грязную фуражку съ лопнувшимъ козырькомъ; длинная шашка со сломанными ножами, перевязанными веревочкой, болталась съ боку.

Извиняясь, офицеръ спросилъ можно ли сѣсть, хотя въ купэ кромѣ меня никого не было. Выразивъ живѣйшую радость по поводу того, что ему можно сѣсть, онъ снялъ куртку, шашку, револьверъ, бросилъ все это въ сѣтку, сдвинулъ фуражку на затылокъ, вытянулъ ноги и сталъ тихонько смѣяться, глядя на меня.

Лицо его было узкое и длинное, загорѣлое до красноты, съ горбатымъ носомъ, съ большими губами, съ черной, растущей на скулахъ, какъ у сатира, бородкой, глаза—выпуклые, черные, смѣющіеся, но совсѣмъ не веселые.

Мы сейчасъ же поговорили объ отправленіи поѣзда, который отъ Львова до Бродъ,—сто двадцать верстъ,—долженъ итти семь часовъ, поговорили о маленькомъ, чрезвычайно франтоватомъ докторѣ, похожемъ на ученую

обезьяну, и съ накрашенными бровями, заглянувшемъ къ намъ въ купэ. Но такъ какъ офицеръ даже по поводу такихъ обыкновенныхъ вещей продолжалъ нервно по-смѣиваться, то я и навелъ разговоръ на причину его веселья.

— А я въ Кіевъ, знаете ли, ѣду; вотъ сестренкамъ подарки купилъ во Львовѣ. Какъ вы находите, ничего? Понравятся имъ, какъ вы думаете?—сейчасъ же сказалъ офицеръ и развернулъ передо мной коробочки, въ которыхъ лежали перламутровые часики съ цѣпочкой и браслетъ съ часиками.—Торопился я ужасно, ничего кромѣ не нашель, и, знаете, по секрету вамъ скажу: часы-то, кажется, нашей кіевской работы. Но думаю—сестренкамъ всетаки понравится. Я прямо съ позицій ѣду, просидѣлъ въ землѣ четыре недѣли, а съ начала войны въ третій разъ уже въ Кіевѣ; два раза былъ раненъ, сюда меня протрѣлили и сюда, и на ногъ два пальца оторвало, а сейчасъ дивизионный нашъ прямо меня послалъ дней на пятнадцать, а то я изъ окоповъ началъ очень часто голову высовывать. Прямо такъ и сказалъ: Поѣзжайте, такой вы мнѣ тутъ не нужны. Но мнѣ же неловко, какъ товарищи посмотрятъ? и оставаться не могу.

Онъ глядѣлъ на меня темными, выпуклыми глазами; лѣвая рука у него была обмотана марлей; на мой вопросъ онъ отвѣтилъ:

— Да нѣтъ, это такъ, кусочкомъ, шрапнелью мясо на ладони вырвало.
Ужасно, знаете ли, много курьезовъ на войнѣ случается.

Разсказавъ, онъ опять принялся смѣяться, затѣмъ сталъ курить, глядя въ окно. Поѣздъ медленно, точно тащيمый лошадьми, двигался по морознымъ полямъ Галиціи, по направленію Красне.

— Да вотъ курьезъ,—продолжалъ онъ тихимъ голосомъ.—Навели понтонный мостъ черезъ Санъ, прямо передъ

нашей ротой, австріяки его день и ночь обстрѣливаютъ шрапнелью и чемоданами; ну, конечно, гдѣ же тамъ попадешь за пять верстъ въ этакую линейку; наши солдаты и повадились съ моста рыбу удить; а въ ротѣ у меня рядовой Петюкъ, увалень ужасный, все время спитъ; растолкаешь его: стрѣлай, такой-сякой сынъ; пострѣляетъ, почешется, не успѣешь оглянуться,—опять дремлетъ; и захотѣлось ему рыбы, а солдаты не даютъ: лови самъ; онъ на этотъ мостъ цѣлую недѣлю смотрѣлъ, потомъ выпросилъ удочку и пошелъ туда въ самый полдень, сѣлъ на корточки, на крючокъ поплевалъ и ждать. И вѣдь клюнуло; онъ и вскочилъ и глядитъ въ воду-то, а тутъ ему снарядомъ прямо въ спину, онъ и кувыркнулся туда за рыбой: наши солдаты прямо обезживили. Знаете ли, до того все равно: умрешь или не умрешь, даже странно становится. Вотъ, напримѣръ, такой курьезъ. Пріятель мой поручикъ Энскій три недѣли просидѣлъ въ окопахъ и въ атаки ходилъ, и къ чемоданамъ привыкъ, а на четвертую недѣлю, днемъ, вылѣзъ на брустверъ, сѣлъ спиной къ австріяцамъ и папироску свертываетъ; мы его ухватили за ноги, стаскиваемъ, а онъ смѣется. И тутъ, знаете ли... такъ онъ и остался сидѣть безъ головы съ папироской въ рукахъ.

Я попросилъ разсказать подробнѣе, какъ живутъ и что дѣлаютъ въ окопахъ.

— Окопы есть легкіе, только для лежанья; роются они походя, когда армія наступаетъ, и жить въ нихъ нелзя,—сказалъ онъ.—Гдѣ легъ солдатъ, тамъ сейчасъ же и накидаетъ себѣ лопаткой бугорокъ для защиты головы,—вотъ вамъ и легкій окопъ; а есть траншеи. Австріяцы ихъ, напримѣръ, себѣ заранѣе заготовляютъ; вся Галиція ими изрыта; въ нѣкоторыхъ они даже и не сидѣли ни минутки. Роются эти траншеи, когда двѣ арміи упрутся лбами, какъ быки, и ждутъ, когда кто перебодаетъ. Вы знаете, что такое ураганный огонь? Ну, вотъ сидимъ мы отъ австрія-

цевъ шаговъ на тысячу, а надо намъ сблизиться примѣрно на сто, чтобы съ этой дистанціи кинуться и вышибить ихъ штыками; командуютъ: «Ураганный огонь!», т.-е. изъ ружей, пулеметовъ и пушекъ начинаютъ прямо заливать определенное мѣсто, гдѣ сидитъ врагъ; пыль, дымъ, трескъ, ничего не видно; затѣмъ, когда австрійки позалѣзаютъ всѣ подъ землю (отъ ураганнаго огня только этимъ и можно спастись), тогда дается команда: «Цѣнь, впередъ, бѣгомъ!»

. И лѣзетъ солдатъ изъ окопа на волю, бѣжитъ, что есть духу, впередъ шаговъ сто—сто пятьдесятъ, падаетъ сейчасъ же и начинаетъ окапываться вокругъ себя; накопаетъ, чтобы голову и плечи защитить, и начинаетъ товарищу готовить такую же ямку, а когда товарищ подбѣжитъ и ляжетъ,—принимаются они стрѣлять, если нужно, или зарываются въ глубину, все глубже, а землю выкидываютъ на сторону австрійцевъ. Образуется канава, глубокая и узкая; въ ночное время, когда тихо, и атаки можно не ожидать, тогда вырываютъ въ боковой стѣнѣ углубленіе,—ниши,—гдѣ можно спать, поджавъ ноги; а потомъ въ нишѣ этой устраиваютъ печурку и протыкаютъ отъ нея кверху продухъ палкой, чтобы шель дымъ. Напали разъ наши солдаты на сарай, гдѣ свалены гончарныя трубы, такъ каждый штуки по двѣ съ собой захватилъ; протащили верстъ 30 и устроили въ окопахъ прямо Божью благодать.

Мы, офицеры, ничѣмъ теперь отъ солдатъ не отличаемся, только звѣздочкой на погонѣ, и живемъ, какъ солдаты, и отношенія у насъ съ ними самая простыя. А съ нашимъ солдатомъ, чѣмъ проще, чѣмъ больше на него полагаешься, тѣмъ выше у него духъ. А вотъ, когда приблизимся мы къ австрійскимъ траншеямъ вплотную, тогда уже становится совсѣмъ занятно. Артиллерійскимъ огнемъ тревожить ихъ тогда нельзя,—въ своихъ можно попасть, моя рота,

напримѣръ, докопалась шаговъ на пятьдесятъ; ужъ тутъ ни головы, ни руки не высунешь, сейчасъ чикнуть. Сидѣть на такой дистанціи скука страшная, и солдаты начинаютъ себѣ развлеченіе придумывать. Оказался разъ между нашими и ихними окопами домишко и при немъ дворикъ (это было у Равы-Рузской); по дворнику ходитъ быкъ; солдаты постановили взять его живьемъ, предоставить кашевару; отрядились ночью пять человекъ, доползли до дворика, сунулись къ быку,—а онъ злой, голодный, пить хочетъ, едва ихъ всѣхъ не перебодалъ. Подъ утро смотримъ,—австрійцы туда же полѣзли; мы не стрѣляемъ, глядимъ, что будетъ. Быкъ и австрійковъ перебодалъ. Тогда нашелся у насъ въ ротѣ солдатикъ еврей-рѣзакъ, похвастался одинъ привести быка. Стали мы кричать австрійцамъ въ окопы, что у насъ есть рѣзакъ и быка приведетъ одинъ, а чтобы тѣ въ него не стрѣляли. Австрійцы и наши солдаты повылѣзли изъ окоповъ—глядѣть; еврейчикъ взялъ веревочку, шутъ его знаетъ, какъ ухитрился, а быка привелъ живьемъ, совсѣмъ смирнаго; австрійцы же кричали: «Ура! русь!»

Въ началѣ войны добродушіе, конечно, было, и наши солдаты австрійковъ даже жалѣли. Побѣгутъ они въ атаку, свалятъ ихъ по пути почти всѣхъ, а кто добѣжать успѣлъ, прямо сдается,—что же ему даромъ на штыкъ лѣзть,—солдаты его сейчасъ въ окопъ, чаемъ угощаютъ, табакомъ и спрашиваютъ про хозяйство.

Но только, особенно за послѣднее время, стали австрійцы очень коварные, а нашъ мужикъ хуже всего это ихъ коварство не любитъ. Упадеть во время атаки какой-нибудь австрійскъ неподалеку отъ нашихъ окоповъ, будто раненый, наши его не трогаютъ: пускай лежитъ, можетъ очухается; а онъ въ сумеркахъ вытащить лопатку, скоренько копается да и начнетъ въ насъ садить изъ автоматическаго ружья. Или съ бѣлымъ флагомъ штуки они

свои выкидывают. Вообще примѣняют на войнѣ всякій обманъ. Да и жители тоже вмѣшиваются не въ свое дѣло; то изъ окошекъ въ деревнѣ начнутъ стрѣлять, то подсунуть отравленнаго молока, то сидить, напримѣръ, въ лѣсу, въ избушкѣ старикъ, съ большой бѣлой бородой, а у него подъ столомъ телефонъ. Сколько онъ вреда этимъ телефономъ намъ надѣлалъ, вы подумайте? Или идемъ мы разъ черезъ степь, всю въ стогахъ сѣна; посмотримъ одинъ стогъ запылалъ съ правой стороны нашей колонны, другой налѣво; подвинулись дальше, опять запылалъ стога, и такъ всю ночь и весь день шли мимо пылающихъ стоговъ, какъ въ аллеѣ, а въ насъ въ это время шрапнелью садили.

При такихъ порядкахъ наши солдаты всякое добродушіе свое потеряли и стали развлекаться по другому. Въ полночь, напримѣръ, начинается кто-нибудь приставать: «Ваше благородіе, а ваше благородіе». Молчишь, не отвѣчаешь, потомъ надоѣстъ: «Да что тебѣ, опять за табаккомъ итти?»—«Такъ точно». Отпустишь ихъ человекъкъ пятнадцать, они возьмутъ винтовки и ползутъ къ австрійцамъ въ окопы, тихо, какъ мыши. Всмотриваешься, слушаешь,—ничего, потомъ только возня какая-то въ темнотѣ, и опять тихо; наконецъ, приползаютъ. «Всѣ живы?»—«Такъ точно, только такого-то маленько задѣли».—«Табакъ достали?»—«Такъ точно, и табакъ и кофій, ваше благородіе, и одѣяла».

Весь день рассказывалъ мнѣ офицеръ и про солдатъ, и про себя; многое я не передамъ, многое забылъ въ этой смѣнѣ почти фантастическихъ обрывковъ военной жизни. Посмѣиваться онъ уже пересталъ. Наконецъ, онъ утомился.

Мы выѣхали изъ Галиціи, пересѣли въ просторный и свѣтлый русскій поѣздъ. Война осталась позади, и офицеръ началъ понемножку одной ногой, затѣмъ обѣими,

перелѣзая изъ той героической жизни въ обыкновенную. На слѣдующій день онъ уже рассказывалъ мнѣ про Кіевъ, про то, какъ хотѣлъ поступить въ политехникумъ, какія науки любить больше всего... Наконецъ, добрался и до своей семьи и сейчасъ же началъ беспокоиться, что поѣздъ слишкомъ запаздываетъ или вдругъ уйдетъ безъ него, когда мы вылѣзали на станціи, размять ноги. Понемногу изъ воина онъ превращался въ 22-лѣтняго мальчика, любящаго до обожанія своихъ сестеръ. Измѣнился даже его голосъ и движенія. Онъ сталъ ужасно стѣсняться невольно-грубыхъ выраженій, и вшей принялся называть насѣкомыми. Подъѣзжая къ Кіеву, сіяющему въ темнотѣ множествомъ огней, онъ уже не отходилъ отъ окна, а затѣмъ куда-то высочилъ со своими свертками, и больше я его не видалъ.

ПЛѢННЫЕ

Я и моя спутница миновали, наконецъ, городскія бойни. Москва осталась на западъ, впереди, вдалькѣ, возвышались красныя зданія метеорологической станціи; вокругъ, сколько было видно, лежали изрытыя поля картошки, желѣзно-дорожные пути; направо между болотъ и свалокъ повсюду торчали неизвѣстно зачѣмъ поставленныя высокія бетонныя, круглыя колонны. По небу ползли тучи; на закатѣ вѣтеръ усилился, шумя картошками, отгибая у лошади хвостъ. Мы подъѣхали къ небольшой станціи. Пути, дворъ, запертыя пакгаузы были пусты. Въ окнѣ будки стрѣлочника сидѣла кошка, при видѣ насъ она стала водить лапой по стеклу. Это было первое живое существо, какое мы встрѣтили среди этого унынія. На мой крикъ спустя долгое время вышла изъ воротъ баба и отворила шлагбаумъ. Мы поѣхали далѣе по голой низинѣ, гдѣ за рѣдкими кустами въ норахъ живутъ дикія собаки, нападая по ночамъ на людей. Затѣмъ миновали шалаши и землянки тряпичниковъ, оттуда курился дымокъ, торчали на шестахъ ведра, моталось тряпье, копошились люди.

— Живорѣзы, обдеруть до-чиста, народъ извѣстный,— сказалъ извозчикъ спокойно.

Вдруг за поворотомъ, черезъ насыпь, загорѣлись костры, окруженные странно одѣтыми сѣрыми фигурами, наклоненными и присѣвшими у огня. Тутъ же бѣгали мальчишки. Дальше стояли поѣзда и двигалась толпа народа.

— Они самые,—сказаль извозчикъ.

Мы слѣзли у костровъ. Къ намъ сейчасъ же подошелъ австриецъ, въ сѣрой, мышинаго цвѣта, шинели, сѣрой кэпи и узкихъ штанахъ до щиколки, расшитыхъ шнуromъ; на ногахъ—толстые штилеты; лицо худое, небритое и веселое. Онъ протянулъ мнѣ талеръ, прося размѣнять. Я даль полтора рубля. «Нѣтъ»,—сказаль онъ. Я прибавилъ еще рубль, чехъ кивнулъ и отошелъ. Сейчасъ же насъ окружило ихъ человекъ двадцать, протягивая пяти-и десяти-кronовыя бумажки, талеры, кроны, даже никкелевыя двадцатигеллеровыя монетки.

Спутница моя струсила, спросивъ шопотомъ: «Нѣтъ ли у нихъ оружія?»

Дѣйствительно было странно среди голаго поля, въ сумеркахъ, быть окруженными австрійскими солдатами. Я отдалъ мелочъ и показаль пустой кошелекъ. Мы пошли дальше къ поѣздамъ. Вдоль праваго поѣзда ходила и собиралась кучками толпа: нарядныя барышни, австрійцы, одѣтые всѣ какъ одинъ въ мышинный цвѣтъ, мужики, фабричные, студенты, деревенскія дѣвушки, но все больше простонародье. Въ вагонахъ сидѣли и стояли плѣнные, посматривая, перешучиваясь. Почти всѣ они были съ темной окраской волосъ, худые и высокіе, и несмотря на долгіе походы, на недѣлю плѣна—всѣ казались чистенькими.

Около каждаго собирался кружокъ и велся оживленный разговоръ на чрезвычайно странномъ языкѣ, который русскій человекъ сразу усваиваетъ въ бесѣдѣ съ иностранцами. «А картошка, картошка-то у васъ есть? У насъ здѣсь шибко много картошки. Да ты понимай, чего тебѣ

говорять. Ъдятъ ее. Вотъ лупять. Ну, поняль онъ»,—обращается рыжебородатый усатый мужичокъ къ слушателямъ. «У нихъ совсѣмъ, какъ у насъ. А пшеницу вы съете? Съеть онъ и еще, говорить, ярецъ. Это по-ихнему овесъ будетъ. Видишь ногой топаеть, лошади, говорить, его ѣдятъ. Да ты смотри, онъ какъ есть нашъ братъ,—хорошій мужикъ, понятливый, велѣли ему воевать, онъ и пошелъ... Служба, братъ».

Или другой разговоръ. Подходить фабричный къ австрійцу, смотреть на него долго въ упоръ: «Ну-ка, перекрестись вотъ эдакъ. Перекрестился. Католикъ? А кто ты таковъ, полякъ?»—«Унгарь»,—отвѣчаетъ плѣнный. «Болгаринъ?—Ахъ ты, свинья, какъ же тебѣ не совѣстно противъ насъ воевать?»—«Венгерецъ»,—поясняетъ кто-то. «Ну, да, это другое дѣло. А что у тебя эдакая есть?»—показываетъ фабричный на деревенскую дѣвку, которая тутъ же спряталась за чью-то спину. «Холостой онъ. А карманы эти на грудяхъ зачѣмъ у тебя; деньги прятать? Это у нихъ дья папирось».

Или еще разговоръ: «Что это ты какой худой? Не ѣль онъ, не кормять ихняго брата. Ну, ничего, на нашихъ хлѣбахъ отѣшься, морда вотъ какая будетъ. Ишь смѣется, поняль. У насъ тутъ воздухъ хорошій, чистый, хорошо тебѣ будетъ».—«У насъ тоже хорошо»,—отвѣчаетъ плѣнный. «Свое хвалить,—поясняетъ собесѣдникъ.—Нухвали, хвали».

Посреди поѣзда въ вагонѣ I класса въ окна глядятъ плѣнные офицеры равнодушно и терпѣливо. Одинъ стоитъ на ступенькахъ, стройный, очень красивый, подтянутый, въ короткой сѣрой тужуркѣ, съ красными нашивками на стоячемъ воротникѣ. Подъ взглядомъ моей спутницы онъ соскакиваетъ на землю, подходитъ къ своимъ солдатамъ, что-то говорить, нахмураясь. Другой офицеръ, совсѣмъ мальчикъ, объясняетъ по-нѣмецки собравшимся вокругъ, что онъ шестнадцатый день не мѣняль бѣлья: ни денегъ,

ни теплой одежды, кромѣ мундира, у него нѣтъ, и онъ не понимаетъ, на какія средства и какъ будетъ жить въ плѣну. Лицо его—высоко поднято, спокойное и горестное; должно-быть, онъ пережилъ уже страхъ смерти, отчаяніе плѣна и теперь думаетъ только о томъ, когда же, наконецъ, можно будетъ перемѣнить бѣлье.

Мы перешли къ лѣвому поѣзду; вдоль него молча, съ неодобрениемъ, стоялъ народъ; ходили вооруженные солдаты; въ вагонахъ сидѣли и стояли пруссаки: иные—въ каскахъ, иные—въ безкозырькахъ, съ краснымъ узкимъ околышемъ. На разсматриваніе толпы они отвѣчали усмѣшками, нарочно громкимъ говоромъ; у всѣхъ было одно выраженіе—людей, съ презрѣніемъ покорившихся силѣ. Иные въ очкахъ, всѣ измученные, тощіе, малорослые. Подошелъ прапорщикъ, скомандовалъ; пруссаки вытѣзли изъ вагоновъ, живо и точно встали въ два ряда, повернулись, пошли, выкидывая ноги, какъ заведенные, очевидно нарочно желая это подчеркнуть; затѣмъ стали, дожидаясь переклички. Наши солдаты потѣснили толпу, начавшую напирать. Солдаты, конвоирующие пруссаковъ,—какъ на подборъ: молодые, сильные и подтянутые; въ отвѣтъ на презрѣніе плѣнныхъ они—суровы, точны и непреклонны въ своихъ дѣйствіяхъ. Нѣкоторые пруссаки завернуты въ коричневые покрышки, точно отъ чемодановъ: это—походныя палатки, каждый на ночь раскидываетъ надъ собой защиту отъ дождя.

Въ офицерскомъ вагонѣ въ окнахъ видны часовые. Я помню по Берлину этихъ лейтенантовъ, съ моноклемъ, съ затянутой таліей и воротникомъ, подпирающимъ багровое лицо. Должно-быть въ плѣну имъ трудно будетъ носить эти воротники и монокли; безъ нихъ же прусскій офицеръ утратитъ свое полубожественное происхожденіе, что крайне для него прискорбно, хотя и полезно, быть-можетъ.

Стало совсѣмъ темно. «Я увѣрена, что у пруссаковъ у кого-нибудь припрятанъ штыкъ или бомба. Какъ вы думаете?»—сказала моя спутница. Я думаю, что она была права: не у кого-нибудь, а у каждаго былъ припрятанъ «камень за пазухой»: до того накалили, разжегъ въ нихъ ненависть ко всему человѣчеству императоръ Вильгельмъ, въ день объявленія войны съ балкона посылавшій проклятія и ругательства всему свѣту.

Мы двинулись обратно другой дорогой. Взошла луна. За станціей мимо насъ, прошагала еще партія пруссаковъ, нѣкоторые были ранены въ руки.

— Ну, и народъ, чистые звѣри!—сказалъ изозчикъ.— А энтому австрійцу одному я пятачокъ даль.

ПАРИЖЪ

I.

Когда, на другой день по объявленіи войны прусскіе блиндированные поѣзда ворвались въ предѣлы Люксембурга, когда густыя колонны германцевъ двинулись и заняли Бельгію, когда французская армія заколебалась и отступила подъ Парижъ—призракъ большой опасности, міровой катастрофы появился въ сознаниі. Все важное уступило мѣсто чувству—стремительнѣе, страстнѣе кинуться на Западъ и предотвратить гибель того единственнаго, прекраснаго, мудраго, истиннаго, безъ чего ростъ духа нашего остановится, какъ завянетъ дерево, у котораго подрѣжутъ половину корней.

Съ тревогой мы слѣдимъ, какъ французскій солдатъ встрѣчаетъ несущійся на Парижъ, на зеленыя, прекрасныя поля Франціи ураганъ тысячи пушекъ, сотенъ тысячъ разрушителей; онъ знаетъ, что ничего кромѣ смерти и гибели не ждать отъ этой лавины, потому что только разрушеніемъ и убійствомъ воодушевлены нѣмецкія войска. Такъ было во времена Атиллы, когда «Бичъ Божій» воздвигалъ гигантскія облавы и охоты на людей, выкашивалъ страны и разрушалъ цивилизаціи.

Французская армія напрягла всѣ усилія. Быть можетъ,

раньше и пѣлись военныя пѣсенки о «нѣмцахъ, пожирателяхъ вареной капусты», о походѣ на Берлинъ, но теперь и эта послѣдняя маска слетѣла съ французскаго лица, и оно обнажилось—печальное, усталое, трагическое лицо древняго римлянина, съ глазами, покорно принимающими смерть, съ улыбкой, спокойно и мудро встрѣчающей жизнь. Нельзя, немислимо порвать связь съ колыбелью нашего міра, а Франція, это—артерія, соединившая отошедшую высокую и ясную культуру разума съ нашимъ живымъ, хаотическимъ, полнымъ скрытыхъ силъ духомъ. Франція не должна погибнуть. Матери сами послали пятнадцатилѣтнихъ мальчиковъ въ армию умирать. Встала вся страна. Вчерашняя маска довольнаго буржуа оказалась пылью.

II.

Масокъ, прикрывающихъ французское лицо, у нихъ сколько угодно. И нѣкоторыя до того крѣпко приросли, что понадобилась угроза міровой катастрофы, чтобы сорвать ихъ.

Передъ самой войной весь Парижъ захлебывался процессомъ Кайо. Въ судѣ едва не дрались. Въ газетахъ печатались неслыханныя мерзости, и казалось, что весь городъ, всѣ эти мужчины въ пиджачкахъ и канотье, всѣ накрашенные, хохочущія французенки довольны безконечно; что ничего кромѣ сомнительныхъ своихъ удовольствій да острой грязи съ улицы (а грязь гутуируютъ только очень испытанные знатоки) никому не нужно. Довольны всѣ по горло. Война? Но въ двадцатомъ вѣкѣ дерутся только на биржѣ. Эльзась и Лотарингія, конечно, грустное обстоятельство, но Франція и безъ нихъ богата: каждый порядочный французъ къ сорока пяти годамъ стаски-

ваетъ съ себя рабочій парусиновый халатъ и начинаетъ спокойно жить на ренту, большую дѣ маленькую, но въ жизнь коротка, удовольствій же слишкомъ много. Пріѣзжаго въ Парижѣ огорчаютъ прежде всего консьержи, отворяющіе входную дверь за веревку,—привратники, чрезвычайно придирчивые, любопытные и мрачные люди. Это какъ разъ тѣ, кто ушелъ на покой съ черезчуръ маленькой рентой и поэтому принужденъ до конца дней утруждать себя,—дергать за веревку, кляня несправедливость судьбы. Иные устраиваются лучше: въ паркахъ, въ Тюльерійскомъ, Люксембургскомъ саду вы увидите на травѣ въ утренній часъ или передъ обѣдомъ пожилого человѣка, стоящаго неподвижно: понемногу съ деревьевъ слетаются воробьи, садятся у его ногъ, тогда онъ говоритъ: Бисмаркъ, или Лубе, или Бальзакъ, и воробей, зорко смотрѣвшій изъ травы, взлетаетъ на руку и, выхвативъ кусочекъ хлѣба, уносится подальше. На набережныхъ, на лодкахъ по цѣлымъ днямъ торчатъ пожилыя фигуры рыболововъ. Прогуливается по бульвару господинъ, прогуливается, улыбается, платье на немъ обсыжено, удобное, за 39 франковъ, сапоги не жмутъ, въ карманѣ газета: чего еще нужно въ ясный парижскій день,—передъ аперитивомъ,—удовольствіе, почти равное свисту. При этомъ устанавливаются, конечно, соответственныя моральныя правила. Мой знакомый, бывая ежегодно въ Парижѣ, проводилъ время съ одной добродушной женщиной-куртизанкой, уѣзжая же, каждый разъ на прощанье дарилъ ей дорожный сундукъ изъ русской кожи. Сундуковъ накопилось столько, что она продала ихъ и открыла маленькую кофейню; прошлое лѣто мой знакомый зашелъ въ ея кабачокъ, но старая подруга приняла его сурово и объяснила, что если онъ хочетъ продолжать дружбу, то долженъ прекратить знакомство съ прежними пріятелями,—людьми не серьезными,—и стать человѣкомъ положи-

тельныхъ правилъ. Положительныя эти правила—удобство, успокоеніе, точно куриная ямка въ теплой пыли, куда норowitz съѣтъ каждый пѣтухъ.

Въ Парижѣ въ частныхъ домахъ нѣтъ телефоновъ, чтобы никто не нарушалъ спокойнаго теченія семейной жизни. Въ городѣ нѣтъ адреснаго стола, и никто ни за что на свѣтѣ не скажетъ вамъ частнаго адреса, потому что вдругъ вы захотите прійти въ домъ, безъ приглашенія, или останетесь обѣдать, или напишите письмо съ просьбой, вообще потревожите.

Парижане страшно любопытны и все знаютъ. Другой мой знакомый пріѣхалъ въ Парижъ, прожилъ полтора мѣсяца, и жена его родила. На слѣдующій день, проходя по своей улицѣ, онъ замѣтилъ, что изо всѣхъ магазиновъ и подъѣздовъ высовываются любопытныя головы и спрашиваютъ его: «Какъ ваша дама? Благополучно? Мальчикъ или дѣвочка?» Знакомый былъ тронутъ до слезъ.

Въ Парижѣ есть Общество подъ названіемъ «Возбудители округовъ». По праздникамъ члены его, одѣтые въ полувоенные костюмы, ходятъ по своимъ округамъ, трубя въ трубы, неся знамена, распѣвая военныя пѣсни. Этимъ они напоминаютъ каждому французу о Седанѣ и о реваншѣ. Съ утра французы еще подмигиваютъ и посмѣиваются, но къ вечеру уже начинаютъ ихъ разбирать злость. Въ глазахъ пробѣгаетъ сумасшедшій огонекъ. Они не могутъ равнодушно слушать ни звука военной трубы, ни пушечнаго выстрѣла. Смѣшные въ мирное время эти «возбудители» внезапно получили теперь трагическій смыслъ.

Но все это—лишь крѣпко прилипшія маски. Вчера кончился процессъ Кайо,—сегодня пришло тревожное извѣстіе съ Балканъ, на завтра тысячи газетчиковъ съ крикомъ «война!» пронеслись по городу, и мгновенно Парижъ преобразился. Все благодушіе, споры, ненависть, вся ничтожная суета были забыты, выкинуты, какъ грязное

тряпье. Парижъ опомнился, похудѣлъ, осунулся за однѣ сутки. Затѣмъ прошла недѣля томительнаго ожиданія; недѣля эта была подобна сотнѣ лѣтъ очистительной работы. Расчеты нѣмцевъ на то, что благодушный рангъе скорѣе разстанется съ честью, чѣмъ со спокойствіемъ и со своимъ кошелькомъ, оказались невѣрными. Шелковыми тряпочками былъ обмотанъ не бульвардье, не проститутка—въ мрачномъ огнѣ тревоги сгорѣли всѣ тряпочки, весь мусоръ, обнаживъ истинное лицо, и не уныніе, не безсильный страхъ, а тревожный героическій духъ всколыхнулъ всю Францію.

Слишкомъ большое благополучіе не могло разложить народа, у котораго крѣпкій, старый романскій скелеть. Дѣйствительно: углубитесь въ кварталы Менильмонтанъ, Гэтэ, Монружъ, Монмартръ, побродите по узкимъ улицамъ, гдѣ остались еще остатки цѣпей, запиравшихъ ихъ по ночамъ въ былое время, пройдите по внѣшнимъ бульварамъ, вдоль укрѣпленій, посидите въ отдаленныхъ паркахъ Монсури и Венсенъ, вы увидите иной народъ, не запыленный благополучіемъ, услышите четкій, острый парижскій языкъ; вамъ станетъ ясно, откуда, какъ атомы радія, вылетаютъ на поверхность міровой славы поэты, ученые, художники, трибуны, воины, завоеватели, воздуча, гени и бандиты.

Вы увидите рабочаго. Широкіе, коричневаго бархата, штаны, холщевая рубашка, лицо—худое, красивое и умное, съ темными, чуть-чуть тоскливыми глазами. Вамъ покажется, что вы много разъ встрѣчали это лицо въ библиотекѣ, въ гостиной, на трибунѣ, на тысячахъ портретовъ и картинъ. Вы давно любовались имъ, знали его. И вамъ кажется, что этотъ рабочій—переодѣтый, или во всякомъ случаѣ, одѣтъ онъ такъ временно, случайно.

Нигдѣ такъ не поражаетъ однородность и породистость лицъ: разница лишь въ ихъ выраженіи.

Помню, однажды, по пути въ оперу, я завернулъ пообѣдать въ дешевый ресторанчикъ, низкій, прокуренный, освѣщенный газомъ: за непокрытыми столами ѣли рабоче, передъ каждымъ стояла бутылка вина. Рядомъ со мною сидѣла дѣвушка, съ подбитой щекой, губы стиснуты, неподвижные, устремленные въ стѣнку глаза горять ненавистью и упрямствомъ,—очевидно, она какъ съела давно, такъ и не двинулась.

Въ то время волновались синдикалисты. Рабочіе ѣли. Одинъ изъ нихъ, окончивъ, вытеръ ротъ и вдругъ тяжело ударилъ по столу ладонью, сказавъ: «Когда же этому будетъ конецъ». Дѣвушка мгновенно вскочила, вытянула руку и разразилась ужасными проклятіями, грозя туда за дверь. Мужчины внимательно глядѣли на нее: я понялъ, что съ такими лицами идти на баррикады. И дѣйствительно, въ ту ночь они ихъ начали строить.

Черезъ часъ я стоялъ въ вестибюлѣ оперы, глядя, какъ по широкимъ бронзовымъ и мраморнымъ маршамъ двухъ лѣстницъ всходили и спускались молодые люди, одѣтые въ элегантныя фраки, и женщины, похожія прическами и платьями своими на тропическихъ насѣкомыхъ. Но лица у всѣхъ были такія же, какъ я видѣлъ часъ назадъ въ кабачкѣ, только тѣ были обнаженныя, рѣшительныя, эти же прикрыты усталой, изысканной маской. И тѣ, что были тамъ на самомъ низу, и тѣ, что всходили здѣсь и спускались по мраморной лѣстницѣ, возбуждали чувство глубочайшаго удивленія полнотой и законченностью своего бытія: одни до конца, до трагическаго спокойствія, ненавидѣли и боролись, другіе такъ же спокойно и гармонично, до конца наслаждались красотой. Въ этомъ городѣ плечо къ плечу шла анархія и утонченнѣйшая жизнь, и въ томъ, и въ другомъ была, подтянутая умомъ и волей, скрытая страсть. Посрединѣ оказывался рантье, но онъ былъ только смѣшонъ, скуповатъ и добродушенъ.

Франція, это—образецъ всѣхъ состояній человѣка отъ анархиста до утомленнаго эстета. Тамъ каждый заряженъ страстью, какъ бомба, но всегда уравновѣшенъ той золотой мѣрой, которая, вырабатываясь тысячелѣтіями, перешла, какъ драгоценный даръ, отъ древняго Рима, и есть достоинствѣ только великаго народа.

Та же страсть и та же мѣра во всемъ трехмилліонномъ Парижѣ. Весь день неустанно живеть, грохочеть, колыхается, по ночамъ заливается свѣтомъ огромный городъ, но не утомленіе вы чувствуете, проблуждавъ по нему весь день, а спокойную, тихую грусть. Вы чувствуете, что здѣсь поняли смерть и любятъ печальную красоту жизни. Пойдите въ праздникъ на перекрестки: тамъ стоятъ помосты съ оркестрами, освѣщенные фонариками, танцуютъ по улицѣ пары, танцуютъ, смѣются, цѣлуются, потому что праздникъ, потому что коротка жизнь. Заверните въ узкую, полную народа улицу Гэтэ, войдите въ народный театрикъ, трехъярусный, такой маленькій, что головы зрителей точно висятъ надъ самой сценой, въ партерѣ же, гдѣ кресло за франкъ съ пивомъ, набиты всѣ, какъ сардинки, и вамъ представляютъ Мольера, насмѣшать до слезъ, затѣмъ пѣвица въ ситцевомъ платьѣ запоетъ рабочую или воровскую пѣсенку, и ее подхватятъ всѣ, затѣмъ одѣтый во фракъ и цилиндръ французъ вынесетъ стулъ, поставитъ на него нѣмецкую каску и начнетъ нѣкоторый колкій разговоръ про Эльзасъ. Каждая пѣсенка, каждое слово—остры, и ясны, и радостны, и всѣ слушаютъ весело и спокойно, будто все это, весь городъ, вся жизнь—не суета (суеты вы не найдете), а воздухъ, влага, свѣтъ.

По праздникамъ весь Парижъ выгѣзжаетъ въ окрестности, точно вычерпывается ложкой. Въ Сень-Клу, Медону, Версаль, Робинзонъ, съ утра гуськомъ тянутся поѣзда, останавливаясь иногда по пути на полянѣ, гдѣ много клубники. И до вечера всѣ пьютъ, и ѣдятъ, и ва-

ляются въ травѣ, качаются на качеляхъ, спятъ на колѣняхъ у возлюбленныхъ, цѣлуются, прикрывшись зонтами. Вы не найдете озабоченнаго лица, потому что въ травѣ, на солнцѣ, нужно лежать и грѣться, забота же будетъ завтра.

А есть и такіе,—и ихъ много,—что совсѣмъ не знаютъ заботъ, живя, какъ птицы, на чердакахъ, среди глины, въ пыли, въ ателье, гдѣ по зимамъ замерзаетъ вода и приходится спать, прикрывшись холстами отъ картинъ, рваными коврами. Поэты, скульпторы, художники слетаются отовсюду, вьютъ на высотахъ Монмартра птичьи эти гнѣзда, живутъ фантастической жизнью нищихъ, которымъ принадлежитъ красота всего Парижа, всего міра. Въ широкополыхъ шляпахъ, оборванные, замазанные красками (въ этомъ считается особое великолѣпіе),—многіе изъ нихъ не достигаютъ ничего, но каждый становится обогащенъ навсегда. Есть душа народа, есть душа города, и это нигдѣ такъ не замѣтно, какъ въ Парижѣ. Если придти туда съ открытымъ сердцемъ,—спокойствіе, великая тишина человѣческаго бытія войдетъ въ открытое сердце. И тѣ, кто способенъ творить, обогащенные этимъ слишкомъ человѣческимъ городомъ, снимаютъ съ себя фантастическій нарядъ гаріп'а, становятся сами творцами. Все наше искусство,—литература и живопись,—оплодотворены духомъ Парижа; въ нашу тучную, первобытную почву упало сѣмя его мудрости; учителями Толстого и Достоевскаго были Жоржъ Зандъ, Бальзакъ и Флоберъ; живопись Москвы и Парижа—параллельны; въ философіи и музыкѣ Бергсонъ и Дебюсси дѣлаютъ послѣднія блестящія завоеванія.

Извѣстна борьба между правымъ и лѣвымъ берегомъ Сены. Продажная до войны пресса праваго берега и литература для ранты упорно держались за насыщеннаго дорогія мѣста. На лѣвомъ же берегу со всей французской страстью, мужествомъ и великолѣпіемъ нищеты поэты,

прозаики и журналисты отстаивали свободу творчества, независимость, и въ старомъ кабачкѣ, подъ каштанами, у памятника маршала Нея, вѣнчали лаврами открывателей новыхъ путей. Въ кабачкѣ этомъ, въ дыму и винномъ чаду, собирались тѣ, кого будетъ слушать теперь весь свѣтъ; голоса ихъ то заглушались разгуломъ праваго берега, то вновь настойчиво и дерзко кричали о возрожденіи, въ часы затишья. Сейчасъ всѣ они подъ ручьемъ, но тѣмъ мужественнѣе будетъ ихъ слово по окончаніи войны.

Парижъ, всегда занавѣшенный прозрачной, голубоватой дымкой, весь сѣрый, однообразный, съ домами, похожими одинъ на другой, съ мансардами, куполами церквей и триумфальными арками, перерѣзанный и охваченный, точно вѣнкомъ, зелеными бульварами,—Парижъ, гдѣ столько совершилось, вторая родина людей, Парижъ не можетъ погибнуть, нельзя вырвать сердце и остаться жить.

Кто коснулся его однажды, тотъ никогда не забудетъ. Въ томъ кабачкѣ, подъ каштанами, вы всегда встрѣтите въ вечерній часъ у окна высокаго, сѣдого чело-вѣка, похожаго на викинга, и сѣдую даму, когда-то прекрасную. Это—норвежскій художникъ и его жена. Они прожили двадцать лѣтъ въ Парижѣ, каждый день бывая подъ каштанами. Здѣсь прошла вся ихъ жизнь, и теперь въ ихъ глазахъ—печаль, спокойствіе, созерцаніе, въ ихъ зрачкахъ отразился весь Парижъ.

И самое прекрасное въ немъ—дѣти. На нихъ нѣтъ еще масокъ, сорванныхъ теперь съ народа катастрофой, но они уже—совсѣмъ французы, въ нихъ вся красота націи. Они точно чистѣйшее ядро ея, видимое черезъ уменьшительное стекло. Помню, въ Люксембургскій садъ, въ солнечный день, нянька-бретонка привезла коляску, а сама ушла. Въ травѣ летали шмели и прыгали

дрозды. Изъ коляски вылъзла дѣвочка пяти лѣтъ, оправилась въ платье и принялась играть. Она поиграла всѣми игрушками, аккуратно укладывая поигранныя вещи въ коляску; при этомъ чудеснымъ языкомъ говорила вслухъ свои мысли,—точные и коротенькія: когда же все было переиграно,—дѣвочка вздохнула и задумалась, лицо ея стало печальнымъ. Но вернулась нянька, дѣвочка строго посмотрѣла на нее, спросила куда она пропадала, и засмѣялась. Я понялъ, почему у дѣвочки было печальное лицо. Это—не дѣти-старики, это—умныя дѣти умнаго народа.

И вотъ на дѣтей этихъ, на прекрасный Парижъ, на всю Францію, надвигается желѣзная армія разрушителей. Парижъ опустѣлъ и заглохъ. Не ходятъ метро и трамваи. Закрыты большіе магазины. Картины и скульптуры зарыты въ землю. Повсюду видны только старики, женщины и дѣти, озабоченные и сумрачные. Среди вѣковыхъ парковъ пасутся стада. Въ сумерки закрываются всѣ кафе. И только по ночному небу, по тучамъ всю ночь двигаются огни прожекторовъ, открывая воздушныхъ бомбометателей.

Снята послѣдняя маска, передъ французами—смерть или возрожденіе.

И эту задачу дано рѣшить намъ. Мы должны спасти Францію.

МАКСЪ ВУКЪ.

На-дняхъ ко мнѣ зашелъ знакомый, помѣщикъ, человѣкъ образованный, долго жившій и учившійся въ Германіи, западникъ, отдавшій много силъ и средствъ просвѣщенію. Видь у него былъ очень растерянный. «Читали, что въ газетахъ-то пишутъ, на что это похоже? Съ цѣпи всѣ сорвались? Да какъ же можно такъ писать о нѣмцахъ? Ничему не вѣрю: пристрѣливаютъ раненыхъ, насилуютъ женщинъ? Вранье. Типичная некультурность: вчера все было хорошо, сегодня они—и варвары, и дикари! Подумайте, это нѣмцы-то—дикари! Что же теперь съ нами будетъ? Куда мы одни годимся? Въ невѣжествѣ, въ темнотѣ пропадемъ. Боже мой, поднять руку на такую культуру!» Сначала робко, затѣмъ все горячѣе и злѣе говорилъ мой знакомый о великой, просвѣщенной, культурной Германіи. Вышло такъ, что пропади сейчасъ нѣмцы, рухнетъ вся земля, вся цивилизація, станемъ мы всѣ какъ свиньи, да и французы съ англичанами сойдутъ на нѣтъ.

Много поработали для духа человѣческаго нѣмцы отъ Якова Беме до Когена, отъ Баха до Вагнера и пр. и пр.; бѣдный Вертеръ отъ одной только меланхоліи и чувствительности застрѣлил себя изъ пистолета сто лѣтъ назадъ,

въ то время, когда у насъ умѣли только гонять собакъ. Спросите хирурга, зубного врача, инженера, книжнаго издателя,—каждый отвѣтитъ, что надо ѣхать учиться къ нѣмцамъ. Говорятъ—въ женскомъ вопросѣ они отстали, но за послѣднія пять лѣтъ произошло и у нихъ женское движеніе. Словомъ, Германія до нынѣшней войны была на всѣ руки, пролѣзла во всѣ щели, даже японскія издѣлія научилась фабриковать. Дѣйствительно ужъ не совершается ли величайшее преступленіе, не гаснетъ ли свѣтильникъ, высоко поднятый нѣмецкой рукой?

Но тутъ мой знакомый запутался, смѣшавъ въ одно старую Германію до французской войны, нѣмецкую культуру послѣднихъ сорока лѣтъ и императора Вильгельма.

А смѣшивать такія вещи нельзя. Тѣни великихъ людей старой Германіи застилаютъ глаза, и намъ кажется, что живъ еще ихъ творческій духъ. Проѣзжая мимо Кенигсберга, мы думаемъ: здѣсь родился и жилъ Кантъ, не замѣчая, что въ кустахъ и за парками скрыты тяжелыя орудія, что стотысячный гарнизонъ менѣе всего думаетъ о «Критикѣ чистаго разума». Любуясь на живописныя озера, припоминаемъ стишокъ изъ Гейне и не знаемъ, что тихія озера минированы. Дивясь на благоустройство дорогъ, не видимъ, что подъ стриженнымъ кустарникомъ вдоль насыпи устроена широкая русская колея прямо изъ Берлина на Москву. Въ глазахъ рябитъ отъ благоустройства, аккуратности и надписей, по которымъ можно, совершенно не думая, жить и не ошибаться. А затѣмъ огромные, дешевые магазины Вертгейма, витрины, гдѣ все за одну марку, огненные рекламы, дѣловая, вышколаенная толпа! Уневирситеты и политехникумы, кооперативы, банки, заводы, общественныя учрежденія,—все это лучше не можетъ быть. А передъ глазами проходятъ великія тѣни; по улицѣ каждое утро скачетъ Вильгельмъ. Удивительно!

Лѣтъ восемь назадъ, когда я пріѣхалъ въ Германію, обжился и попривыкъ, мнѣ стало бросаться въ глаза очень странное обстоятельство: какъ будто вся эта культура оборудована не тѣми людьми, какихъ я встрѣчаю повсюду, а какимъ-то инымъ, невидимымъ народомъ.

Мнѣ кажется, я встрѣтилъ этихъ людей. Однажды, 1-го мая, они шли за городъ плотными колоннами, нахмуренные и суровые, точно пришельцы во враждебной странѣ, точно предчувствуя, что въ день объявленія войны ихъ стануть рубить и разстрѣливать въ Берлинѣ. Но этихъ я видѣлъ всего разъ; а пришлось мнѣ жить у средняго нѣмца Макса Вука, одного изъ тѣхъ шестидесяти миллионеровъ, кто покупаетъ открытки съ изображеніемъ императора Вильгельма въ видѣ кормчаго за штурваломъ, на которомъ написано «Германія». Максъ Вукъ былъ добрый, простой человекъ, и всѣ его пріятели и знакомые были простые, добрые люди, безъ ропота отдававшіе *четверть* своего заработка императору на солдатъ.

Максъ Вукъ былъ семейный, квартиру имѣлъ чистую и свѣтлую, жить же на кухнѣ, еще болѣе чистой и благоустроенной, гдѣ повсюду были надписи и указанія: на солонкѣ—соль, на кофейной банкѣ—кофе, на умывальномъ кранѣ—«вода», и пр. и пр. Вставали въ шесть утра, ложились въ десять. Глава семьи, резонно полагая, что благосостояніе семьи зависитъ отъ его здоровья, получалъ дома особый столъ, остальные же члены семьи ѣли поплоче и подешевле. Иногда всѣ отправлялись въ пивную, гдѣ Максъ Вукъ заказывалъ себѣ пива, счастливая же семья смотрѣла, какъ онъ его пьетъ.

Однажды онъ много веселился, участвуя съ женой въ «убойномъ праздникѣ». Собралось человекъ двадцать, купили живую свинью, нѣмцы надѣли бумажные передники и карды, нѣмки убрались цвѣтами, привязали свинью на веревку, утромъ повели ее въ ресторанъ, а къ вечеру всю съѣли.

Максъ Вукъ быть очень почитителень. Однажды онъ съ женой разсматриваль содержаніе моего бумажника и вынулъ входной билетъ въ политехникумъ, на карточкѣ была написана фамилія и титуль, о которомъ Максъ Вукъ не зналь. Прочтя, онъ и жена встали, со смущеніемъ и какъ бы страхомъ и попросили извиненія, что были со мной на-ты.

Прошла недѣля, пока между нами не установились прежнія отношенія. Однажды онъ повелъ меня смотрѣть факельное шествіе. Ночью студенты-корпоранты, одѣтые въ ботфорты, со шпагами и заженными факелами, прошли за городъ къ памятнику Бисмарка, гдѣ, преклонивъ колѣна, пѣли военныя гѣсни. «Это очень колоссально, это все люди лучшихъ фамилій»,—сказаль Максъ Вукъ.

Проходили мѣсяцы, и тѣни великихъ нѣмцевъ ни разу не заглядывали на кухню Макса Вука. Одинъ день походилъ на другой до тошноты, до тупости. Помню, рядомъ со мной въ пивной сидѣль, положивъ локти на столъ, осовѣлый отъ скуки и тупости, краснощекій нѣмецъ. Кроткая и тоже краснощекая жена его, задумавшись, взяла кружку мужа и отхлебнула. Мужъ повернулся, въ осовѣлыхъ глазахъ его появилось удовольствіе, и онъ ударилъ жену по щекѣ; она опустила голову, онъ же продолжалъ курить, удовлетворенный и успокоенный.

«Онъ правъ, она не должна его раздражать, онъ работаль весь день и усталъ»,—сказаль Максъ Вукъ. Дѣйствительно, вся Германія работала до одури, до тупости, напрягая послѣднія силы. Максу Вуку хватало времени только думать объ отдыхѣ, объ остальномъ же за него думаль императоръ и люди изъ лучшихъ фамилій. При этомъ онъ зналь, что ни одинъ часть его работы не пропадаетъ даромъ, что съ каждымъ часомъ все дальше, все глубже проникаетъ нѣмецкая индустрія во всѣ щели міра.

Въ то время германское правительство добралось, наконецъ, и до русскихъ эмигрантовъ въ Берлинѣ и Дрезденѣ.

Начались выселенія, жестокости. Отношеніе къ русскимъ студентамъ сразу переиѣнилось. Русскіе оказались въ положеніи людей, посягающихъ замазать щели, куда должны проникнуть плоды трудовъ Макса Вука. И нѣмцамъ стало незачѣмъ терпѣть нашу непонятную имъ безалаберность, неряшливость, весь нашъ беспокойный духъ. Заниматься же состраданіемъ и т. д. было некогда, а главное—каждый полагаль—что, или стань нѣмцемъ, или погибни,—другого выхода нѣтъ, потому что на первомъ мѣстѣ—механика, индустрія, затѣмъ—національное чувство и уже послѣ всего—человѣкъ, нѣмецъ, который должень сократиться до послѣдней степени, чтобы пролѣзть въ игольное ухо, и овладѣть міромъ. Такъ они смотрѣли и на Россію,—она должна стать или нѣмецкой или ничѣмъ. Крымскіе землевладѣльцы-пруссаки обратились къ Вильгельму съ просьбой защитить ихъ въ виду слуховъ объ отчужденіи земель. Императоръ отвѣтилъ, что если хоть одинъ акръ нѣмецкой земли въ Россіи будетъ отчужденъ, то на защиту встануть полмилліона прусскихъ штыковъ.

Проѣзжая затѣмъ черезъ Германію нѣсколько лѣтъ спустя, я замѣтилъ, какъ напряженнѣе и механичнѣе стала вся жизнь, какъ самоувереннѣе и настойчивѣе разговаривали со мною нѣмцы. Я привезъ въ подарокъ Максу Вуку десять фунтовъ русской колбасы, по давнишней его просьбѣ. Максъ Вукъ хлопнулъ меня по плечу и повелъ смотрѣть императора. Быль праздничный день. По улицамъ то-и-дѣло проходили батальоны солдатъ, выбрасывая ноги, какъ заведенные. Народъ высыпаль изъ дверей, внимательно, съ ожиданіемъ глядя на войска. И вотъ подъ Липами медленнымъ галопомъ на рыжемъ жеребцѣ проѣхаль самъ Вильгельмъ. Мундиръ его былъ залитъ золотомъ, глаза неподвижныя и стеклянные, точно онъ все время глядѣль на несущійся передъ нимъ призракъ. Максъ Вукъ и всѣ остальные Максы сняли котелки и съ жуткимъ

восхищеніемъ, со страхомъ, съ ожиданіемъ глядѣли въ свѣтлые глаза этого человѣка, который не видѣлъ никого кромѣ призрака за ушами коня.

Затѣмъ Вуки надѣли котелки и вынули изъ кармана газетки, гдѣ ругательски поносился главный врагъ Германіи—варварская Россія, по непонятной причинѣ продолжающая крѣпнуть народомъ, богатствомъ и войскомъ послѣ разгрома японской войны.

И въ то время, когда черезъ Германію, какъ черезъ прекрасный механической фильтръ просачивались къ намъ геніальныя открытія Франціи, Англіи и Новаго свѣта, въ то время, когда мы почтительно и съ уваженіемъ учились наукамъ и ремеслу,—въ Берлинѣ каждое воскресенье назначались парады, страна была полна солдатъ, газеты писались кровью и желчью, и Максъ Вукъ, совсѣмъ затертый и обезличенный, старательно выполнялъ совѣты и предписанія газетъ: въ морозные дни въ одномъ пиджакѣ, безъ галошъ два часа гулялъ по снѣгу, готовясь къ походу на Москву, заучивалъ необходимыя слова варварскаго языка и наполнялъ себя ненавистью къ варварами,—ненавистью лишеннаго духа, разума, свободы и воли существа.

И, наконецъ, они увидѣли, что Россія, должно-быть, сошла съ ума,—рѣшила увеличить армію. Чаша переполнилась: ярость, дикая ненависть охватила Германію,—ненависть къ непонятному, темному, большому новому народу, поднявшему голову съ Востока, изъ-за тумановъ и лѣсовъ.

И тогда, какъ въ сказкѣ, какъ изъ «Страшной мести», совершилось превращеніе. Добрый, вполне культурный Максъ Вукъ, сталъ подъ ружье въ ландверномъ полку, и вдругъ оскалился. Вы помните, «когда есауль поднялъ иконы, вдругъ все лицо казака перемѣнилось: носъ выросъ и наклонился на сторону, вмѣсто карихъ забѣгали

зеленыя очи, губы засинѣли, подбородокъ задрожалъ и заострился, какъ копье изо рта выбѣжалъ клыкъ... «Это онъ, это онъ!»—кричали въ толпѣ... Выступилъ впередъ есауль... «Пропади образъ сатаны, тутъ тебѣ нѣтъ мѣста!» И, зашипѣвъ и щелкнувъ какъ волкъ зубами, пропалъ чудный старикъ»...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Отечество	7
Отъ Москвы до Томашева.	13
Отъ Москвы до Ярослава	57
Отъ Львова до Карпатъ	119
Въ окопахъ	133
Плѣнные	143
Парижъ	151
Максъ Вукъ	163

»Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ«

Москва, Никитскій бульв., домъ 10, кв. 5.

Литературно-Художественные сборники „СЛОВО“.

Сборникъ I. В. Вересаевъ. Аполлонъ, богъ живой жизни. **Ив. Шмелевъ.** Розстани. Изъ Рабиндраната Тагора, перев. съ англ., съ предисл. Діонео. **Гр. Ал. Н. Толстой.** Овражки. **Ив. Бунинъ.** При дорогѣ. **Б. Зайцевъ.** Студентъ Бенедиктовъ. **Н. Телешовъ.** Ночлеги. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ II. Непздан. беллетрист. и драм. произведенія. А. П. Чехова. Темы, мысли, замѣтки, отрывки. Изъ Записной книжки. Письма къ Чехову Д. Григоровича, Н. Михайловскаго, А. Плещеева и др. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ III. Гр. Ал. Н. Толстой. Большія неприятности. **Н. Телешовъ.** Мама. **Л. Авилова.** Осеннее. **Ив. Шмелевъ.** Поѣздка. **Ив. Бунинъ.** Братья. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ IV. Ив. Бунинъ. Весенній вечеръ. **Б. Зайцевъ.** Мать и Катя. **К. Трепевъ.** Мокрая балка. **Г. Яблочковъ.** Въ плѣну. **Гр. Ал. Н. Толстой.** Четыре вѣка. **И. Сургучевъ.** Пѣсни любви. **В. Вересаевъ.** Марья Петровна.

Матеріалы для исторіи русской журналистики: Письма Гл. Ив. Успенскаго, В. Короленко, Н. Михайловскаго, П. Якубовича и др. В. А. Гольцеву. Ц. 1 р. 50 к.

ВЪ СПОРАХЪ О ТЕАТРѢ. Сборникъ статей Ю. Айхенвальда, Сергѣя Глаголь, Вл. Немировича-Данченко, В. Сахновскаго, А. Южина, Д. Овсяннико-Куликовскаго и друг. Ц. 1 руб. **Л. Авилова.** Образъ человѣческой. Разказы. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

А. Богдановъ. Краткій курсъ идеологич. науки въ вопрос. и отвѣт. Ц. 75 к.

Ив. Бунинъ. Іоаннъ Рыдалецъ. Разказы. 1912—1913 гг. Ц. 1 р. 50 к.

— Суходоль. Повѣсти и разказы 1911—1912 гг. Ц. 1 р. 50 к.

— Переваль. Разказы 1892—1902 гг., изд. 5-е. Ц. 1 р. 50 к.

— Деревня. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.

— Разказы и стихотворенія 1907—1910 гг., изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

— Стихотворенія 1903—1906 гг., изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

- Золотое дно. Рассказы 1903—1907 гг. Ц. 1 р. 25 к.
- А. Бѣлорусовъ** Парижъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Его же. Франція. Ц. 1 р. 25 к. (Печатается).
- В. Вересаевъ**. Рассказы, т. I, II, III, V по 1 р.
- Записки врача (т. IV). Ц. 1 р.
- На войнѣ. Записки. Ц. 1 р. 25 к.
- Живая жизнь, ч. I. (Толстой Достоевскій). Ц. 1 р. 25 к. } Издание
автора.
- Живая жизнь, ч. II. (О Ницше). Ц. 1 р. 25 к.
- Ив. Вольповъ**. Юность. Ц. 1 р. 25 к. (Печатается).
- И. Гольдбергъ**. Тунгусскіе рассказы. Ц. 80 к.
- М. Горькій**. «Сказки». М. 1913 г. Ц. 85 к.
- Діонею**. Мѣняющаяся Англія. Ч. I. Ц. 1 р. 25 к.
- То же, ч. II—Ц. 1 р. 50 к.
- С. Елпатьевскій**. Рассказы, т. I, изд. 2-е. Ц. 1 р.
- Рассказы, т. II, изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
- Рассказы, т. III, готовится къ печати.
- За границей (т. IV). Ц. 1 р. 25 к.
- Египетъ, изд. 2-е. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р. } Издание
автора.
- Влзкія тѣни. (Воспоминанія.) Ц. 75 к.
- Крымскіе очерки, съ иллюстр. Ц. 1 р.
- М. Коцюбинскій**. Рассказы, т. III. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Ө. Крюковъ**. Очерки и рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
- В. Лѣвовъ-Рогачевскій**. Снова наканунѣ. Критическія статьи. Ц. 1 р. 25 к.
- Николай Мѣшковъ**. Стихотворенія. Ц. 1 р.
- Иванъ Новиковъ**. Рассказы 1905—1912 гг. Ц. 1 р. 25 к.
- А. Новиковъ-Прибой**. Морскіе рассказы. Ц. 1 р. (Печатается).
- А. Серафимовичъ**. Снѣжная пустыня. (Рассказы, т. I). Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
- Со звѣрями. (Рассказы т. V). Ц. 1 р. 25 к.
- Сухое море. (Рассказы, т. VIII). Ц. 1 р. 25 к.
- С. Сергѣевъ-Ценскій**. Сочиненія:
- Т. I. Рассказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. II. Рассказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. III. Поручикъ Бабаевъ. Романъ, изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.
- Т. IV. Печаль полей и др. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. V. Движенія. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. VI. Медвѣженокъ. Приставъ Дерябинъ. Нѣдра и др. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. VII. Преображеніе (готовится къ печати).
- Рабиндранатъ Тагоръ** Гитанджали. Жертвенныя пѣнопнїя. Перев. А. Пушешникова, подъ ред. Ив. Бунина. Изд. 2-е. Ц. 40 к.
- Н. Телешовъ**. Рассказы, т. I. Ц. 1 р.
- Черною ночью. Рассказы, т. II, изд. 2-е, Ц. 1 р. 25 к.

- Золотая осень. Рассказы, т. III. Ц. 1 р. 25 к.
- Н. Тимковскій**. Душа Л. Н. Толстого. Ц. 1 р.
- Повѣсти и рассказы. Т. I. Изд. 2-е. (Чарушниковъ.) Ц. 1 р.
- Т. II. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. III. Корни жизни, изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. IV. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
- Т. V. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. VI. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. VII. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. VIII. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. IX. Золотой боръ. Ц. 1 р. 50 к.
- К. Треневъ**. Владыка. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
- Гр. Ал. Н. Толстой**. Сочиненія:
- Т. I. Заволжье, изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. II. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. III. Рассказы. (По пути. Призраки. Минувшее.) Ц. 1 р.
- Т. IV. Сказки. Ц. 1 р.
- Т. V. Хромой баринъ, ром. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. VI. На войнѣ. Ц. 1 р.
- Т. VII. Двѣ жизни (готовится къ печати).
- А. П. Чеховъ**. Письма, т. I. (1876—1887 гг.). Съ иллюстраціями. Ц. 1 р. 60 к. Изд. 2-е.
- Письма, т. II. (1888—1889 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 50 к.
- Письма, т. III. (1890—1891 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 25 к.
- Письма, т. IV. (1892—1896 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 2 р.
- Письма, т. V. (1897—1900 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 2 р.
- А. Черемновъ**. Стихотворенія. М. 1913 г. Ц. 1 р.
- Ив. Шмелевъ**. Рассказы, т. II. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Рассказы, т. III. (Человѣкъ изъ ресторана.) М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Рассказы, т. IV. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Рассказы, т. V. (Волчій перекалъ. Виноградъ и др.) Ц. 1 р. 25 к.
- Рассказы, т. I. (Распадъ.) Ц. 1 р. Изд. Т-ва «Знаніе».
- Г. Яблочковъ**. Рассказы, т. I. Ц. 1 р. 25 к.
- Слѣпая душа. Ц. 1 р. 25 к.
- Проф. Крэмбъ**. Германія и Англія, пер. съ англ. (печатается).
- Д-ръ Чарльзъ Сароли**. Англо-германская проблема, перев. съ англ. (печатается).
- Война и Польша**. (Польскій вопросъ въ русской и польской печати). Предисловіе и редакція Л. С. Козловскаго. Ц. 75 к.

Отдѣлъ народно-школьныхъ изданій.

- Ив. Бунинъ.** Избранные рассказы. Содержаніе: Сонъ Обломова внука.—Антоновскія яблоки.—Весна.—Скитъ.—Сверчокъ.— На край свѣта.—На чужой сторонѣ.—Танька.—Кастрюкъ.— Велга. М. 1914 г. Ц. 65 к., въ папкѣ 90 к.
- Н. Златовратскій.** Избранные рассказы для юныхъ читателей, съ портретомъ автора, изд. 2-е Ц. 80 к., въ папкѣ 1 р. 5 к.
- Уч. Ком. Мин. Н. Пр. внесена въ списокъ книгъ для ученич. библ. среднихъ учебн. завед., допущена въ ученич. библ. городскихъ по Полож. 1872 г. училищъ и включена въ списокъ сочин., заслуживающихъ вниманія при пополненіи бесплатн. народн. читальн. и библ.
- А. Серафимовичъ.** Морской волкъ и др. рассказы. Содержаніе: Морской волкъ.—Лѣсная жизнь.—Три друга.—Сережа.— Бѣгство. Медвѣдь.—М. 1914 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 85 к.
- Готовятся къ печати** избранные рассказы В. Вересаева, Н. Телешова, А. Эртель, Э. Ожешко, С. Елпатьевского, М. Горькаго и др.

При выпискѣ книгъ на сумму не менѣе трехъ рублей—пересылка въ предѣлахъ Европейской Россіи относится на счетъ Издательства.